Айрат Димиев
Классная Америка

Посвящается моим учителям
из школы № 3 города Зеленодольска

Предисловие

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках книгу, кардинально отличающуюся от всего написанного ранее о США российскими авторами. Вероятно, она в определенной степени поменяет ваше представление об Америке, особенно если у читателя нет собственного опыта длительного проживания в этой стране. По большому счету, все, что мы знаем о США, – это миф, имеющий так же мало общего с действительностью, как и представления американцев о России.

Что они знают о нашей стране? Что Россия – это Сибирь, мороз, медведи бродят по заснеженным городам; это цыгане, матрешки и водка, которую бородатые русские пьют в огромных количествах; еще это русская мафия, Ленин и Сталин. Наиболее продвинутые назовут имена Владимира Путина и Марии Шараповой. И, пожалуй, все. Это кажется смешным, но наши знания о реальной Америке не многим больше. Впечатления о США навеяны главным образом американскими же фильмами вкупе с репортажами наших журналистов. Все это не позволяет понять суть американского образа жизни, систему взглядов и ценностей, которыми американцы руководствуются и которые закладываются с детства, со школьной скамьи.

Надо сказать, что тема школьного образования, раскрываемая в этой книге, никого ранее особо и не интересовала. С другой стороны, мало кому из российских граждан приходилось сталкиваться со школьной Америкой.

Мне же довелось несколько лет проработать рядовым учителем в обычной американской школе. Америка, которую я увидел из школьного класса, повергла меня в шок – настолько открывшаяся реальность отличалась от моих представлений об этой стране. Среди всего прочего, эта работа позволила мне лучше понять американский социум, так как школа в любой стране является важнейшим социальным институтом, где закладываются основы личности и в какой- то степени – основы государственности. Поэтому значительная часть этой книги посвящена обычной общеобразовательной школе, так называемой Public School, где учатся около 90 процентов юных граждан США.

Идея написать эту книгу пришла ко мне еще в 2003 г., когда мой приятель, главный редактор одной из татарстанских республиканских газет, попросил меня подготовить цикл статей об американской школе. Статьи вышли в газете «Восточный экспресс» осенью 2003 г. Они были написаны в виде путевых заметок. Этот материал, представленный в первых одиннадцати главах, и лег в основу книги.

В американском среднем образовании действительно много того, чему стоило бы поучиться, и что можно было бы перенять. Читатель увидит и оценит эти моменты. К сожалению, в ходе нынешней реформы перенимаются подчас далеко не самые лучшие и сильные стороны американской системы. А разрушается как раз то, чем наша школа славилась, что нарабатывалось десятилетиями. Возможно, эта книга поможет читателю лучше понять, к чему мы идем, подвергая нашу систему образования столь кардинальным

перестройкам.

Книга получилась в определенной степени критической по отношению к системе образования США. Это не значит, что автор превозносит Россию, противопоставляя ее Америке. Будучи патриотом своей страны, я отдаю себе отчет в том, что отрицательного в России пока гораздо больше, чем в Штатах. Имея возможность сравнивать, я прекрасно вижу и понимаю все наши недостатки. Но это видят и понимают все. А вот портрет школьной системы США, написанный с натуры, думаю, для многих может стать новым открытием Америки.

Айрат Димиев

Хьюстон - Казань

Глава 1. Как всё начиналось

Капризы судьбы

До перестройки, как известно, попасть в Штаты нашему человеку было немногим легче, чем слетать в космос. Традиционный путь – политическая и еврейская эмиграция – был сложным и кружным, он требовал полного разрыва связей и переформатирования сознания. С началом перестройки путей появилось множество – один фантасмагоричнее другого. Кто- то поехал за деньгами, кто- то за славой, кто- то в поисках надежного убежища от российского правосудия.

Знакомая шестидесятилетняя пенсионерка, бывший инженер- конструктор, в нищие 90-е отправилась в Америку прислугой в богатый дом, чтобы материально помочь своим уже взрослым детям. Другие знакомые (семейная пара) – молодые и красивые, из вполне преуспевающих по российским меркам семей – пошли на фиктивный раз вод (на родине) и фиктивный брак жены (в Америке) для того, чтобы сначала она смогла получить гражданство, а потом по уже протоптанной тропинке прошли муж и ребенок. Только вот когда через года полтора – как оно, собственно, и было условлено – истосковавшийся в Казани муж попытался воссоединиться с любимой, произошло неожиданное. Выяснилось, что кроме фиктивного мужа американца у нее появился и вполне реальный друг, по иронии судьбы – казанский бандит. И бывшему мужу в новом сценарии была отведена скромная роль перевозчика ребенка. Как только дитё попало к нежной матери, она заявила в полицию, что бывший российский муж агрессивно настроен, и попросила оградить их с дочерью от его притязаний. В итоге бедолага попал в тюрьму, откуда его с большим трудом вытянули родственники.

В общем, в последние пятнадцать- двадцать лет наши люди потянулись в Америку косяком. У всех разные мотивы, способы, цели, но, как правило, одно стремление выжить и по возможности преуспеть. Приехали – значит,

надо вписаться, адаптироваться, мимикровать под среду. Все время и все силы уходят именно на это. Поэтому мало у кого возникает желание обстоятельно рассказать соотечественникам об Америке и о накопленном опыте. Вот и получается – россиян в Штатах сегодня хватает, но лучше понимать Америку мы от этого не стали. Между тем это понимание позволило бы на многое взглянуть совсем другими глазами… И мой американский опыт ценен, как мне кажется, еще и потому, что в отличие от большинства я мог не отдавать все время и силы «этой бешеной скачке», а имел достаточно редкую сегодня возможность остановиться, оглянуться и поразмыслить об окружающем.

Судьба постучалась ко мне семь лет назад в образе случайного номера газеты «Иностранец», оказавшейся в моем купе поезда «Татарстан». От нечего делать я стал изучать его от корки до корки, в том числе и предложения трудоустройства за рубежом. Требовались, как обычно, танцовщицы в рестораны, официанты, обслуживающий персонал гостиниц,

домработницы, нянечки, строительные и сельхозрабочие и тому подобное. Неожиданным оказалось объявление: "Требуются учителя физики, химии и математики для работы в США. Необходимы стаж работы и свободный английский язык". Я тогда подумал: вполне подхожу, хотя, конечно, английский у меня далеко не свободный. Подумал и забыл… Но на следующий день, выходя из вагона, газетку эту почему- то прихватил с собой.

Потом много дней я не вспоминал об этом объявлении и был занят своими почти серьезными делами. Здесь я должен немного рассказать о себе. Имею степень кандидата наук по химии (настоящую) и даже преподавал химию несколько лет в вузе. Но в те годы, как и большинство моих бывших коллег, занимался исключительно бизнесом. В то время мои дела, после довольно продолжительного упадка, снова пошли в гору. Поэтому вполне понятно, что я не отнёсся серьезно к объявлению в газете – даже теоретически не рассматривал возможность возвращения назад в науку либо на преподавательскую стезю. Хотя заграница как таковая меня интересовала.

И вдруг через пару недель жена говорит мне: "Слушай, я нашла для тебя работу в Америке". И показывает привезенный мною и уже благополучно забытый номер «Иностранца»! В тот момент я испытал какое- то смятение от того, что эта реклама повторно помимо моей воли стучится в мою жизнь. С тех самых пор что- либо или кто- либо периодически напоминали мне об этом объявлении. И я не выдержал – набрал на компьютере свое резюме, особо не переживая о том, как оно будет выглядеть, и отправил его по электронной почте по указанному адресу. Отказаться никогда не поздно. А так посмотрим, что из этого выйдет. Поглядим, что это за аферисты.

Вышло все очень скоро. Буквально на второй день после отправки резюме дома вечером зазвонил телефон, и энергичный мужской голос объявил, что я полностью подхожу под их требования, а также сообщил мне, что я должен в срочном порядке предпринимать в этом направлении.

А сделать нужно было немало – получить так называемый Credentials Evaluation Report. Это документ, выдаваемый американским учреждением, подтверждающий действительность российского диплома в США. Для этого нужно было всего- навсего получить новую копию своего диплома, сделать его перевод и отправить в США вместе с 220 долларами за услуги на имя частного лица в Америке. Вот здесь я впервые серьезно задумался, нужно ли мне это все.

Во- первых – трата сил и времени. Во- вторых – вопрос денег. Сумма не очень большая, но на дороге не валяется. Звезд я никогда не хватал. Деньги у меня водились, но давались большим трудом. Тем более, будучи человеком зрелым, я был хорошо осведомлен о кидалах и лохотронах.

С координатором этой программы в Москве я был знаком лишь по телефону. С точки зрения здравого рассудка было верхом глупости послать двести баксов в Америку непонятно кому и за что на основании какого- то телефонного звонка. Но голос Сергея Аверина (так звали моего собеседника на том конце телефонного провода) чем- то внушал мне доверие. И потом, на такие мелкие суммы обычно не кидают. Это все больше становилось похожим на правду. Сам же этот документ мне всегда пригодится, решил я, даже если никуда не поеду. Мало ли как в будущем жизнь обернется.

Все это время – в период подготовки и отправки документов – я получал регулярные звонки не реже одного раза каждые два дня от московского координатора программы Сергея Аверина или его помощницы. Эта настойчивость, с одной стороны, удивляла. Ведь такого рода предложения на дороге не валяются. Очень многие мечтают о том, как бы свалить в Штаты под любым предлогом. С другой стороны, эта настойчивость потихоньку подталкивала меня к принятию решения.

Дело в том, что это был непростой период моей жизни, полный переоценки сложившихся ценностей и взглядов. В связи с этим я изучил огромное количество духовной литературы, из которой среди прочего усвоил, что в жизни ничего не происходит просто так.

Если жизнь настойчиво подталкивает тебя к чему- либо, не надо от этого отмахиваться. Значит, именно это, с точки зрения Создателя, тебе в данный момент и нужно. Более сильной настойчивости я еще не встречал никогда в жизни.

Собеседование

Прошло месяца два- три. Документ из Америки пришел. Настало время интервью. Нас пригласили на собеседование в Москву непосредственно с представителями работодателя, которые приехали из Штатов в Россию специально, чтобы проинтервьюировать 2 человек, отобранных, как потом оказалось, из более чем давших заявки. Я был в числе этих 25.

Интересно, что за все это время никто из московской рекрутинговой фирмы даже не сделал попытку проверить у меня знание английского языка. Возможно, сыграл роль тот факт, что в 1999 году я был на 35- дневной стажировке в Америке по программе подготовки бизнесменов. А ведь собеседование предстояло на английском языке! Именно это беспокоило меня больше всего. Откровенно говоря, Мой английский тогда был просто никакой. Я никогда и нигде его толком не учил. В средней школе изучал немецкий. С английским же языком в первый раз столкнулся в университете. Это продолжалось три года с частотой два занятия в неделю. Не могу сказать, как хорошо знали язык мои преподаватели, но особых усилий к тому, чтобы им овладели студенты, они точно не прикладывали. Я был самоучкой плюс три месяца интенсивных курсов, на которых занимался перед стажировкой в Штатах.

Должен вам сказать, что к тому времени я уже начал загораться идеей поездки. Мне хотелось пройти собеседование просто из честолюбия. Я не привык проигрывать, поэтому был настроен крайне решительно.

И вот этот день настал. В Москве нас встретили Сергей Аверин и американский координатор Чак Мартин. Только тогда я окончательно поверил, что ребята не аферисты, что это все серьезно. Перед интервью Чак устроил нам накачку – дал инструкции, как нужно держаться перед представителями работодателя, что нужно говорить, а что нет. Я не понимал 80 процентов того, что он нам объяснял, но хорошо запомнил одно: "Не опускайте глаза. Не смотрите на пол. На полу нет ответа на поставленный вопрос. Смотрите собеседнику прямо в глаза.

Мой черед настал. Передо мной типичный американец. Он добродушно улыбается, и я через силу глупо улыбаюсь ему, пытаясь понять смысл первого вопроса. В некоторых его предложениях распознаю два- три слова, в некоторых ни одного! Меня охватывает ужас. Я понимаю, что через пару мгновений буду вежливо выставлен за дверь за не знание языка. Но смотрю ему прямо в глаза, продолжая улыбаться, и прошу повторить вопрос. Он повторяет, и я улавливаю еще одно знакомое мне слово, из чего становится понятным общий смысл вопроса. Отвечаю заранее приготовленными фразами… Новый вопрос… Опять то же самое…

Через какое- то время начинает казаться, что эту схватку я веду уже вечность, хотя по часам на стене напротив замечаю, что прошло только 25 минут. Это так называемое собеседование превращается для меня по сути в экзамен по английскому. Помню, в какой- то миг он спросил, буду ли я устраивать детям Punishment, если они будут плохо вести себя на уроке. Мне знакомо это слово, я когда- то уже слышал или видел его, более того, даже примерно помню, как оно пишется, но убей – не помню, что означает. Набираюсь наглости и прошу разрешения посмотреть в словарь. Он кивает, я – о чудо! – нахожу это слово в словаре, и перевод его (наказание) подходит к смыслу вопроса. Я понимаю, что наказывать детей, должно быть, непедагогично, и говорю: «Нет». Он спрашивает: «А почему?» Я не знаю, как это сказать по- английски, и изображаю, как ребенок сожмется, замкнется, если его строго наказывать. Он улыбается, довольный моим ответом, и задает новый вопрос. Собеседование продолжается как в тумане еще минут 15. Должен вам сказать, что такой

умственной работы я не совершал даже на самых сложных экзаменах в университете.

Наконец мой собеседник сказал, что остался доволен моими ответами, вручил мне какую- то папочку с бумагами, пожал руку, и я вышел за дверь. Увидев папочку в моих руках, Чак Мартин обрадовался, принялся жать мне руку, обнимать, похлопывать по плечам. Только тогда я понял, что прошел это собеседование.

Кто мы

Из 25 человек, пришедших на собеседование, предложение на работу получили лишь 11. Итак, я оказался в числе счастливчиков, выигравших достаточно большой конкурс. Это был еще один довод (пожалуй, самый весомый) в пользу моей поездки.

Ехать мне по- прежнему не слишком хотелось. Мы все прекрасно понимали: если американцы вербуют иностранцев, значит, у них огромный недостаток учителей. То есть сами американцы не хотят этой работы, и работа эта, должно быть, очень даже несладкая. У себя в Казани я был не последним человеком с немалым опытом в бизнесе. В последнее время стабильно делал неплохие по казанским масштабам деньги. Кроме того, было много предложений от более успешных друзей и знакомых перейти к ним в бизнес на должности финансового менеджера, зама генерального и т. д. Одним словом, чувствовал я себя достаточно уверенно.

Но с другой стороны, хотелось чего- то нового и интересного. Я ощущал, что начинаю постепенно деградировать от нашего тупого российского бизнеса, вся суть которого заключается в раздаче взяток чиновникам. Как заметил один мои занимавшийся в то время так называемыми взаимозачетами приятель, весь его бизнес заключался в дележке на троих. Одна часть должностному лицу, которое предоставляет зачет – право требования задолженности предприятия перед госструктурой. Вторая – тому, кто наполняет требование реальной продукцией. И третья себе – за хлопоты по организации схемы и реализации продукции. Я стал уставать от всех этих обналичек, откатов, крыш, клановости и криминальности нашего бизнеса. У меня частенько опускались руки от понимания того, что вся российская экономика – это не экономика здравого смысла, а скорее экономика абсурда, где каждый, начиная от простого работника отдела снабжения, кончая генеральным директором и министром, думает прежде всего не о деле, а о собственном кармане. Мне все меньше хотелось вкладывать усилия в какое- либо постоянное дело в нашей стране – я прекрасно понимал, что в любой момент тебя обманут, подставят, наедут, отберут и т. д.

На этом Фоне Америка манила своими неограниченными, как мне тогда казалось, возможностями. Я делал ставку на свой жизненный и бизнес- опыт, на изворотливость ума и нетривиальность мышления, которые выгодно отличают нашего человека. Поработаю учителем не больше года, думал я тогда, за это время присмотрюсь и «замучу» что- нибудь интересное и прибыльное. Боже, как я тогда ошибался…

Думаю, читатель уже понял, что автор этой книги не кто иной, как самый настоящий авантюрист в хорошем понимании этого слова. Каково же было мое удивление, когда, приехав в Америку, я понял, что почти все из одиннадцати приехавших со мной педагогов такие же джентльмены удачи, как и я сам.

Итак, кто мы?

Справедливости ради нужно сразу оговориться, что абсолютно у всех нас был реальный, а не нарисованный педагогический опыт. Причем у некоторых по 20 с лишним лет. Все мы совершенно разные, с очень разным прошлым, из разных городов России. Половина имеет ученые степени и, соответственно, опыт преподавания не в средней школе, а в вузе. И это совершенно логично. Как вы думаете, много ли российских учителей средней школы читают газету «Иностранец» и знают английский язык? Но чем я был поражен больше всего – так это возрастным составом нашей группы. Лишь двоим из нас – Кате и Славе – было

меньше тридцати. Они же лучше других знали английский язык. А по- настоящему хорошо его знала только Катя, закончившая инфак университета. Еще трое – Сергей Бобровник, Катя Подосинникова и ваш покорный слуга – находились в диапазоне 30 – 40 лет. Андрей, Геннадий и Саша – 40 – 50. Но что самое удивительное, были еще Александр Сергеевич и Лариса Евгеньевна, люди почти пенсионного возраста. Таким образом, команда подобралась отнюдь не молодая. Я никак не предполагал, что люди в этом возрасте могут решиться на подобную авантюру.

Несмотря на все возможные различия, в первый год работы мы были единодушны в оценке американской школы и окружающей нас жизни. В целом наши взгляды близки и сейчас, но по прошествии лет оценка некоторых деталей начала несколько различаться. Скорость этих изменений зависела от быстроты адаптации или, если угодно, американизации каждого из нас.

Глава 2. Куда же мы попали

Конечно же, с самого начала, еще до интервью в Москве, мы прекрасно знали, куда нас сватают. Нам сразу сообщили, что работать предстоит в Хьюстоне (штат Техас).

Для полноты картины разрешите вкратце рассказать о городе и штате, без чего будет трудно понять некоторые детали. Америка – большая страна, и жизнь в Техасе, конечно же, отличается от жизни, например, в Калифорнии или Айове.

Климат в Хьюстоне считается промежуточным между тропическим и субтропическим. По мне, так это однозначно тропики. Летом, которое длится с апреля по октябрь, стоит ужасная жара, которая усугубляется очень высокой влажностью. Поэтому все здания и автомобили кондиционированы: Хьюстон – первый город в мире по количеству кондиционеров. Духота летом настолько ужасная, что когда выходишь из помещения на улицу, возникает ощущение, что зашёл в парную. Зато зимой прекрасно: температура от десяти до двадцати градусов тепла, зеленеет травка, цветут цветы, поют птички.

С одной стороны, Техас – это провинция. Если проводить аналогии с Россией, то Техас – нечто вроде Краснодарского края. С другой стороны, такое сравнение не очень уместно. Это в России есть столица и есть провинция, где качество жизни ухудшается по мере удаления от Москвы. В США нет такого одного ярко выраженного центра. Жизнь хороша там, где хорошо развит бизнес.

С этой точки зрения Хьюстон – четвертый по величине город Америки. Кроме того что он считается нефтяной столицей мира, здесь расположены такие компании, как NASA, Compaq, печально известный ENRON и с десяток крупных нефтехимических предприятий. Поэтому Хьюстон – очень индустриальный, высокоразвитый и богатый город. Это сразу заметно, например, по наличию в нем фантастических четырехуровневых транспортных развязок с последним уровнем на сорокаметровой высоте.

В Техасе популярна шутка, что техасцы любят вещи большого размера. Не знаю, как насчет всех вещей, но что касается автомобилей, то это сущая правда. Привычным нам с вами седанам они предпочитают так называемые траки, по- нашему – пикапы. Также популярны джипы и микроавтобусы, но не маленькие и экономичные, а огромные полуторатонные, с шести- и восьмицилиндровыми двигателями. Они могут себе это позволить, так как при десятикратной разнице в заработной плате цены на бензин в Америке и России вот уже много лет идентичны копейка в копейку. Интересно, что этот самый трак служит не для перевозки грузов, а для повседневной езды на работу и редких выездов за город. Стоит ли говорить, что в кузове пикапа хьюстонцы не возят ничего крупнее и тяжелее барбекюшницы или кулера – термоящика со льдом для кока- колы?

В Хьюстоне, как и по всему югу Америки, много цветного населения. Особенно много

мексиканцев в связи с наличием общей границы с Мексикой. Латиноамериканцы составляют почти треть населения Хьюстона. Испанский язык по сути является вторым государственным языком Техаса. В городе четыре телеканала и несчетное количество радиостанций, вещающих на испанском. Я встречал очень много мексиканцев, которые прожили в Штатах более десяти лет и до сих пор не умеют говорить по- английски. Английский язык им просто не нужен, они прекрасно обходятся без знания официального языка как дома, так и на работе. Практически во всех фирмах, специализирующихся на услугах населению, с клиентами могут разговаривать на двух языках. Я не преувеличу, если скажу, что испанский язык более распространен в Хьюстоне, нежели татарский – в Казани. Кстати, на мой взгляд, именно мексиканцы, а не белые американцы ближе к основной массе россиян по своему менталитету: по отношению к детям, внутрисемейным отношениям и вообще по жизненным ценностям.

Что касается черного населения, то его всегда много там, где власти предлагают пособие по безработице. В Хьюстоне это пособие предлагают… В целом, как мексиканцы, так и черные предпочитают селиться в больших городах. В глубине штата их значительно меньше.

Белое население здесь в меньшей степени урбанизировано и сохранило дух старой Америки. Многие из белых американцев в душе до сих пор ковбои. В Хьюстоне частенько можно видеть мужчину в костюме и галстуке и одновременно в ковбойских сапогах. Первое время это шокирует, потом привыкаешь. Нередко можно увидеть мужчин в ковбойских шляпах. Как-то мои ученики в знак благодарности за мой скромный труд преподнесли мне ковбойскую шляпу. Я был очень польщен, так как у них это высшая награда.

Среди белых не редкость рокеры за пятьдесят, рассекающие на «Харлеях».

Если сравнивать этнический состав взрослого населения Хьюстона, то на данный момент три основные группы – белые, черные и латино – представлены примерно одинаково. Причем белых чуть меньше, а латиноамериканцев чуть больше трети. Однако уже в ближайшем будущем это равновесие будет нарушено.

Латиноамериканцы представляют собой самую быстрорастущую национальную группу Техаса в целом и Хьюстона в частности. Во- первых, идет постоянный приток легальных и нелегальных иммигрантов из Мексики. Во- вторых, рождаемость в мексиканских семьях в два- три раза выше, чем у белых. В результате сегодня в государственных школах Хьюстонского образовательного округа латиноамериканцы составляют уже более 50%, афроамериканцы около 30%, а белые менее 9%! правда, эти данные не учитывают северные пригороды Хьюстона, где как раз наиболее компактно проживает белое население, и все же… Даже с учетом этих данных и того обстоятельства, что в частных школах учатся в основном белые ученики, доля белых детей в мегаполисе не более 30%.

Эта ситуация создает американцам достаточно много проблем. И именно мультирассовость является одним из важнейших моментов, определяющих как суть, так и форму образовательного процесса в школах Хьюстона.

В США вопросы образования находятся в ведении штата. Каждый штат имеет свою собственную образовательную программу, которая может весьма значительно отличаться от программы образования в другом. Каждый штат разрабатывает свои же государственные экзамены либо вовсе не имеет таковых. Правда, раз в году ученики в масштабе всей страны сдают общенациональный экзамен. Несмотря на то, что последний не имеет большой юридической силы для констатации факта образования, его результаты в чем- то даже более значимы. Так, именно на результаты общенационального, а не местного экзамена ориентируются университеты при приеме абитуриентов. Мы же с вами можем использовать его результаты для сравнения уровня образования в разных штатах и разных школах.

Все государственные школы (так называемые public school) в Америке относятся к какому- либо образовательному округу (по- американски – дистрикту). Так, мы работаем в

Houston Independent School District. В каком- то смысле дистрикт – аналог нашего гороно. Только в отличие от гороно, осуществляющего в основном надзорную деятельность, у дистрикта гораздо больше полномочий и ответственности. Зарплату учителям платит не школа, а дистрикт. На работу принимает и увольняет тоже дистрикт, иногда по рекомендации директора школы, если последний достаточно авторитетен. Последняя инстанция в трудовых спорах тоже дистрикт. Наконец, дистрикт сам пополняет свой бюджет за счет местных налогоплательщиков и сам же по своему усмотрению его расходует. Поэтому работа учителей в разных дистриктах может оплачиваться по- разному.

Кроме государственных, есть еще многочисленные частные и прицерковные школы, которые никому не подчиняются. Но образование в них доступно только незначительной части населения.

Houston Independent School District (наш дистрикт) – богатая компания. Правда, его показатели по результатам общенационального экзамена немного ниже среднего показателя по штату. В то же время наш дистрикт периодически числится в передовиках по каким- то критериям, видимо, не связанным со знаниями учеников. В любом случае мы работаем не в худшем дистрикте Америки.

Внутри самого дистрикта школы очень разные. Конечно, сначала нас направили далеко не в лучшие школы. В лучших отбор учителей производят исключительно сами директора. По разнарядке распределяют в худшие школы. Но нам еще повезло: достались лучшие из худших, которых в дистрикте большинство.

Среднее образование в Америке трехуровневое: начальная школа (Elementary School) – первые пять классов, средняя (Middle School) – шестые- восьмые классы и высшая (High School) с девятый по двенадцатый класс. Несмотря на то, что эти школы разделены как административно, так и территориально, все они вертикально интегрированы. Как правило, две- три начальные школы относятся к одной средней, куда переходит ученики этих начальных школ после их окончания. Соответственно средняя школа в два- три раза больше начальной. В свою очередь две- три средние школы завязаны на одной высшей школе.

Я и почти все мои российские коллеги работаем в высшей школе. В нашем дистрикте таковых 34. Примерно половина из них являются большими базовыми, как описано выше, а вторая половина специализируется на каких то отдельных дисциплинах. Из всех 34 школ по-настоящему хорошими можно назвать три, остальные колеблются между "так себе" и «ужасная».

Мой опыт ограничен работой в двух высших школах: Westbury High School (одна из худших в дистрикте), куда я был распределен вместе с Сашей Миронычевым, и Lamer High School (одна из трех лучших), куда мне чудом удалось перебраться после года работы в первой. Кроме того, я немного знаю о ситуации в других школах по рассказам коллег.

Глава 3. Система образования

Ваша порция знаний, сэр

Учебный процесс в Америке построен принципиально иным образом, нежели тот, к которому мы привыкли. Прежде всего, школьный курс длится не десять лет, а двенадцать. Ученики идут в школу в первый класс в возрасте шести, а заканчивают двенадцатый в 17 – 18 лет. По возрасту учеников двенадцатый класс соответствует первому курсу наших вузов. Кстати, в американской школе учеников называют student, а не schoolboy или schoolgirl, как нас учили на уроках английского, поэтому я буду использовать слово «студент» вместо привычного нам «школьник».

Но это далеко не все. Еще сильнее отличается учебная программа в смысле организации и последовательности изучаемых предметов. В России все основные предметы

изучаются каждый год. Математика изучается все 10 лет: с первого класса по десятый (Теперь уже одиннадцатый), физика – пять лет подряд, химия – четыре года, биология – вообще шесть лет. Программа построена так, что один и тот же материал в какой- то степени повторяется из года в год. В старших классах те же самые концептуальные понятия преподносятся уже на более высоком уровне, чем годом ранее.

В Америке все не так. Программа здесь построена по блочному типу. Возьмем естествознание. С четвертого по восьмой класс этот предмет называется Science. По содержанию он очень похож на наше природоведение, хотя и содержит элементы химии и биологии. Здесь пока все как у нас. Но вот после восьмого класса Science уже распадается на независимые предметы: биологию, химию и физику. Причем эти предметы не идут непрерывно по несколько лет, а преподаются блоками по одному за год.

В девятом классе изучается так называемый Integrated Physical and Chemical Science. Данный курс включает в себя начала физики и химии, и объединение их в один предмет кажется даже логичным. Школьники учат его целый год: первое полугодие – физику, второе – химию. Причем на это выделяется не два урока в неделю по 45 минут каждый, а каждый второй школьный день пара по 90 минут. То есть получается как бы один урок по 45 минут каждый день.

В десятом классе в Америке изучают только биологию. Опять- таки целый год. В дальнейшем к ней уже не возвращаются. В одиннадцатом изучается химия. Дальнейший курс физики не обязателен. Его выбирают не все, и, как правило, в двенадцатом классе. Вместо физики можно взять второй уровень химии, биологии, анатомию либо астрономию.

Такая же блочная система по всем остальным предметам. Например, алгебра делится на два курса: Algebra- 1 и Algebra- 2. Каждый из курсов опять- таки изучается по году. Алгебра-1 – это материал, соответствующий шестому и седьмому классам российской школы. Большинство из американцев проходит этот курс в девятом или десятом классах. Причем, если они не берут ее в девятом, то этот год у них проходит вообще без математики. Алгебра-2 соответствует восьмому классу российской школы, изучается в десятом или одиннадцатом классах. Но американские дети могут от этого курса и отказаться, если другие предметы в сумме уже дают необходимое количество баллов для получения аттестата. Дальнейшая математика, включая тригонометрию, не является обязательным предметом. Этот курс, который у них называется Precalculus, – материал девятого класса российской школы, берут не более 10 процентов американских учеников. Поэтому он у них входит в университетскую программу. Интегральное и дифференциальное исчисление в школьном курсе выбирают лишь единицы.

Каждый ученик имеет индивидуальный учебный план, в состав которого входит определенный перечень обязательных общеобразовательных предметов (core subjects) – тех же, что и в России, плюс перечень выборочных предметов (electives), таких как разные виды спорта, музыка (любой инструмент на выбор), рисование, скульптура, хореография, театр и тому подобное. То есть все то, на что российские дети ходят в дополнительные школы после основной общеобразовательной, здесь включено в программу обычной школы. Можно даже брать уроки тенниса или езды на скейте.

Но ученик не может совсем отказаться от необязательных предметов. Он может выбрать что- либо по душе, но не выбирать ничего нельзя. В аттестате зарезервировано определенное количество мест для отметок по таким предметам. Причем эти выборочные предметы вносят такой же клад в общий балл, как и обязательные. Ученики не могут отказаться от выборочных предметов еще и потому, что время прихода в школу и ухода из школы строго фиксировано. Например, в High School учебный день начинается: в 8:30 и заканчивается в 15:45. Он включает в себя четыре урока по 90 минут каждый. Расписание ученика составлено так, что каждый день у него два- три обязательных предмета и один- два – на выбор.

Нам и не снилось

При такой системе на каждом отдельном предмете состав детей в классе совершенно разный. Теоретически, если ученику что- то не нравится – учитель или сам предмет, в начале года он может поменять своего педагога на другого, ведущего этот же предмет, или иногда даже сам предмет, так как даже среди обязательных предметов есть простор для маневрирования. На практике же просто по техническим причинам не всем и не всегда удается это осуществить.

Системой предусмотрено все, чтобы любой ребенок получил оптимальное для себя образование и при ни разу не был обижен или каким- то иным образом пострадал от субъективного к нему отношения со стороны учителя. Права детей действительно не ограничены, и они знают об этом.

В этом, я считаю, огромный и очевидный плюс американской системы образования по сравнению с российской. Вспомните, сколько детей в наших школах страдают из- за предвзятости учителей. Сколько бездарных педагогов проходит через жизнь каждого ученика за одиннадцать классов? Я уже не говорю о целенаправленном третировании тех учеников, чьи родители не могут или не хотят делать материальные взносы школе и учителю лично, что так широко распространено в сегодняшней российской школе. Американские ученики и их родители в полной мере ограждены от произвола учителя и школьной администрации. А чего стоит возможность бесплатного обучения, не выходя из школы, музыке и искусству? А бесплатные занятия спортом?

Еще один плюс американской школы – это то, сколько внимания уделяется детям с ограниченными физическими или интеллектуальными возможностями. В Америке такие ученики не изолированы от их здоровых сверстников. При желании родителей они могут обучаться в одном с ними классе. В каждой школе есть специальный департамент, занимающийся именно такими учениками. Им помогает прикрепленный к ним специалист. Даже слепые ученики могут обучаться в обычной школе. Средства, время и силы, идущие на обучение и поддержку таких учеников, огромны и в разы превышают те, которые выделяются на обучение беспроблемных детей. В результате эту систему можно упрекнуть в чем угодно, но только не в отсутствии гуманности.

Поговорим еще о плюсах. Первое, что сразу бросается в глаза, – это размеры и материальное оснащение школы. По сравнению с нашими школы в США – просто гигантские как по размеру зданий, так и по количеству учеников. В Middle School, как правило, несколько сот учеников, в High School – несколько тысяч… Количество учителей в моей школе приближается к двумстам. Материальное оснащение поражает воображение. Каждая High School, помимо просторных классов, лабораторий, многочисленных музыкальных и художественных мастерских, имеет, например, актовый зал на тысячу мест. В каждой школе три- четыре спортивных зала, бассейн. А размеру и качеству травяного покрытия футбольного поля позавидуют наши городские стадионы. Многие школы имеют ещё и отдельный театр.

Все делопроизводство, включая ведение классного журнала, компьютеризировано. Служебная переписка, распоряжения и инструкции руководства коллективу осуществляет исключительно по электронной почте. Все это работает настолько четко, что система нигде не дает сбоя.

Здесь распоряжения руководства не обсуждаются, а выполняют в срок. В первые дни это было очень непривычно после нашего российского разгильдяйства. У каждого учителя и административного персонала есть четкие служебные инструкции, согласно которым они должны действовать. Любое отклонение от этих инструкций недопустимо. Это одна из основных составляющих ментальности американцев – следование инструкциям. Причем это

возведено в категорию морали, а не просто хорошее или плохое исполнение служебных обязанностей. Следование инструкциям – хорошо. Нарушение инструкций – плохо. Никого не интересует конечная цель. Результат следования или неследования инструкции не имеет значения. Если ты нарушишь инструкцию и добьешься положительного результата, этого никто не заметит. Но вот если ты просчитаешься, и результат нарушения инструкции будет отрицательный, тебя накажут очень сурово, вплоть до увольнения. Совершенно неуместны попытки разобраться в ситуации, проявить человечность, попробовать решить что- либо с позиций добра и зла. Человеческий фактор исключен полностью. Причем эти правила распространяются не только на учителей, но и на учеников.

Глава 4. Первые дни и первые впечатления

Шаг в неизвестность, или вооружен любовью

Думаю, будет правильно в этом месте книги вернуться к хронологии и рассказать о наших самых первых впечатлениях от американской школы. Нужно ли говорить, что в глубине души каждый из нас побаивался первого дня в школе. Шутка ли, шагнуть в класс к американским ученикам! Поэтому мы как могли пытались подготовить себя к этому событию. Наш дистрикт тоже готовил нас к работе: мы посетили около шести различных семинаров на темы, которые администрация дистрикта посчитала нужным объяснить рекрутированным из- за границы учителям. К сожалению, мы услышали на этих семинарах лишь общие слова об американской педагогике и немного информации о самом дистрикте. Не прозвучало ни одного слова о том, что конкретно делать в учебном классе. Если же кто-то, задавая вопрос, пытался свернуть на практические рельсы, то, как правило, получал совершенно непонятный расплывчатый ответ.

В дополнение к семинарам нам раздали для изучения книги по педагогике – что- то вроде учебного пособия о том, каким должен быть настоящий американский учитель. Мысль о том, что надо неустанно дарить любовь ученикам, проходила красной нитью через каждую страницу издания. Возможно, кто- то из читателей уже слышал, что в американской школе учеников нельзя ругать, стыдить и тем более наказывать. Учитель должен воздействовать на ученика только позитивно, поощряя за успехи. Кроме того, мы знали, что правила поведения в американской школе очень демократичны. Дети могут разговаривать в классе, ходить во время урока, сидеть в свободной позе и т. д.

Правда, меня интересовал вопрос, насколько относительна эта свобода, что по их меркам приемлемо, а что нет, где граница между либерализмом и явным нарушением дисциплины? Как конкретно нужно поступать, если ученик откровенно плохо себя ведет? Как и в каких случаях нужно делать замечания, и главное, какие слова для этого использовать? Какие действия следует предпринять, если слова не действуют? Одним словом, меня интересовали конкретные практические вопросы, ответ на которые мне никак не удавалось найти. Я задавал эти вопросы администрации школы, коллегам- американцам, инструкторам на семинарах, но безответно. Создавалось впечатление, что такой проблемы просто не существует. Официальные лица твердили исключительно про любовь к детям и про совершенствование педагога, чтобы он мог дать еще большую любовь. Вооруженные этими знаниями, мы и шагнули в класс…

Состояние, которое все мы испытали в первые дни работы в школе, нельзя охарактеризовать иначе, как шок и стресс. Возможно, в этом месте кто- то из читателей злорадно улыбнется и скажет: "А что же вы ожидали?" И будет прав. Конечно, мы, пускаясь в эту авантюру, были готовы ко всему, в том числе к языковым проблемам, различию менталитетов и правил поведения. Но никто из нас не был готов к тому, с чем мы реально

столкнулись.

Хорошо помню свое состояние в первый день начала занятий. В тот день я прибыл в школу за час до начала урока. Стою в классе у доски и пишу на ней мелом число, тему урока… и в этот самый миг вдруг очень остро ощущаю какое- то состояние угнетенности. Я понимаю, что совершил большую ошибку, пустившись в эту авантюру, что вот он настал, момент истины! Шутки кончились, закончились приятные вводные семинарчики, еще несколько минут, и наступит суровая реальность… К счастью, это состояние продолжалось недолго, я быстро взял себя в руки и сконцентрировался на предстоящем моменте.

Итак, звенит звонок, и в класс начинают заходить американские ученики… Боже, какое поразительное разнообразие цвета кожи, разреза глаз, строения тела, одежды! Пирсинг на всех открытых взору частях тела, причем у представителей обоих полов. Прически… я видел некоторые из них в кино, но не думал, что они существуют в действительности.

Я максимально собран, но чувствую, что где- то глубоко во мне уже начинает зарождаться паника. Несколько учеников подходят и что- то спрашивают, а я с ужасом осознаю, что не понимаю ничего из того, что они мне говорят. В ответ либо что- то бубню себе под нос, либо делаю вид, что ничего не слышал. Ученики отходят, удивленные неадекватным поведением учителя. Звенит звонок, возвещающий о начале урока, и, обрадованный тем, что не нужно больше слушать их вопросов, наконец, начинаю говорить я. Поскольку готовился к первому уроку и практически заучил свои первые предложения наизусть, то говорю складно, не сбиваясь. Уже начинаю гордиться собой, как замечаю странное выражение глаз моих учеников. Минуту через три с ужасом осознаю, что и мои ученики не понимают практически ничего из того, что говорю им я…

Но это не самое страшное, так как это самый первый день. Ученики еще только присматриваются к преподавателю, как бы оценивая его, и пока не позволяют себе лишнего. Ягодки начнутся несколькими днями позже…

Ощущения, пережитые мною в последующие дни, были поистине незабываемы. Сейчас я уже не помню конкретных эпизодов из первых недель и месяцев моего учительствования в Америке. В памяти осталась лишь общая картина: в классе полнейший бардак. Удержать дисциплину на должном уровне не удается никакими усилиями. Каждую минуту кажется, что ситуация вот- вот выйдет из- под контроля. Никакие мои слова не действуют, известные мне меры наказания и иного воздействия тоже.

Такое ощущение, что этим ученикам нет никакого смысла пытаться хоть что- то объяснять… Ясно, что эти молодые люди приходят в школу для чего угодно, но только не учиться. Кажется, что они вообще не знают, что такое учеба в нашем понимании этого слова. За редким исключением они не способны даже просто усидеть за партами. Наивысшим проявлением мыслительного процесса и кооперации с учителем, в их понимании, является выкрикивание с места ответов на вопрос учителя. Молодец тот, кто случайно угадал ответ.

Частенько я как бы смотрю на себя со стороны и задаю себе вопрос – а что я здесь, собственно, делаю? Помню, что по силе эмоционального и психологического стресса эти дни были настолько тяжелы, что сейчас я ставлю их на один уровень с самыми трудными и неприятными периодами моей жизни.

Не зная броду, не суйся в воду

Лишь позже я начал понимать, в чем заключались проблемы. Часть их была связана с отсутствием реальных знаний об американской школе, а также с национальными, культурными и языковыми различиями между американскими и российскими учениками.

Самая очевидная проблема, конечно же, языковая. Как я уже упоминал, в первые дни ровным счетом ничего не понимал из того, что говорят ученики. Их язык очень сильно отличается от официального английского, на котором разговаривают учителя- американцы. И

если я разбирал то, что говорили мои коллеги на различных вводных тренингах и собраниях в школе, то детей не понимал совершенно. Во- первых, их речь – это сплошной сленг. Вспомните, все ли вам понятно из того, что говорят наши подростки? Во- вторых, многие мои студенты говорят с особенным произношением. Любой черный, если захочет, может сказать «по- английски» так, что даже белый американец его не поймет. В принципе, они могут говорить и на вполне нормальном английском. Но тот язык, на котором общаются друг с другом, совершенно особенный. В основу положены английские слова, но их произношение лишь отдаленно напоминает английскую речь. Передача смысла и эмоций осуществляется в большей степени интонациями, тембром голоса, и частотой звука. Словарный же набор большой роли не играет. Вот на таком своем языке они постоянно стремятся заговорить и с учителем.

Так вот, как, вы думаете, должен чувствовать себя учитель, к которому обращаются ученики, а он не понимает вопроса? Очень часто они просто спрашивают разрешения что-нибудь сделать: сходить в туалет, поточить карандаш, взять какой- нибудь предмет, пересесть к другому ученику и т. д. В первые дни смысл вопросов мне был непонятен, и передо мной стояла дилемма – разрешить или нет. Разрешать все нельзя. Запретить все – тоже. Помню, что в самом начале, пока я не научился распознавать смысл вопроса, разрешал и запрещал через раз.

Еще я мучился из- за того, что не мог должным образом пожурить за плохое поведение. Вначале ученики никак не реагировали на мои замечания, и я не мог понять – почему. Оказалось, что для общения со студентами существует специальный язык: конкретные слова и фразы используемые исключительно в классе. Их невозможно найти ни в каких словарях и учебниках английского языка, тем не менее, именно эти и только эти фразеологические выражения используются учителями. Но что самое главное, эти фразы очень четко улавливаются и понимаются учениками. Они привыкли их слышать с самого первого класса. Та же мысль, сказанная другими словами, не оказывает на них никакого действия. Причем важны даже не только сами слова, сколько интонация, с которой данная фраза сказана. Чтобы было понятнее, о чем идет речь, представьте себе, что вместо привычного "Сидеть!" вы говорите собаке: "Шарик, я тебя очень прошу, будь умницей и не сходи со своего места". Не стоит рассчитывать, что Шарик вас послушает.

Когда я стал использовать услышанные мною от других учителей привычные для учеников фразы, их реакция на мои замечания разительно изменилась.

Но основные мои проблемы были связаны отнюдь не с языком. Худо- бедно дети начинали меня понимать, и я сам понимал их с каждым днем все лучше и лучше. Основная трудность была в том, что мы не знали, как управлять этими детьми. Нам никто не рассказал и не показывал этого, несмотря на все наши настойчивые просьбы. Все мои русские коллеги испытывали одинаковый шок и стресс, включая тех, кто прекрасно знал английский. Наш российский педагогический опыт абсолютно не срабатывал в американских условиях. Более того, я заметил, что чем богаче был российский опыт, тем труднее приходилось моим коллегам. Так, например, Лариса Евгеньевна – заслуженный педагог с двадцатилетним стажем, ревела чуть ли не каждый день.

Наша беда была в том, что мы не имели никакого представления о том, что такое американская школа. Я и мои коллеги пробовали действовать, опираясь на российский опыт, на наши понятия о том, что хорошо и что плохо. Мы питались применить к ученикам известные нам российские способы воздействия, которые, как выяснялось, совершенно не срабатывали. Помню, я пару раз в качестве наказания заставил своих студентов встать и стоять, как это делается в России. Ученик при этом послушно вставал и удивленно смотрел на меня. Одновременно на происходящее с интересом взирал весь класс, пытаясь догадаться, такое учитель задумал. Все дело в том, что такая мера наказания не применяется в американской школе. Поэтому дети даже и не понимали, что это я их таким образом

наказываю. И так было практически со всем, что я предпринимал.

Сложность была и в том, что каждый мой класс состоял из черных и мексиканцев: примерно половина на половину. Белых учеников было трое на все мои шесть классов!

К тому же пять из шести моих классов были девятые, (возраст нашего восьмого). Думаю, российские учителя меня поймут. Стиль поведения черных детей этого возраста – вообще предмет для отдельной книги. Они очень активны физически и так подвижны, что просто не способны ни минуты сидеть спокойно. Чтобы как- то подвигатся, они тянут руку, просят, например, разрешения поточить карандаш (американские студенты почти не пишут ручками, предпочитая им обычные карандаши). Поэтому в каждом классе есть стационарные точилки, к которым они могут подойти и поточить свой карандаш. Так вот, ученик идет к точилке, точит карандаш секунд тридцать, пока не сточит половину, и на обратном пути, проходя между партами, успевает сотворить неимоверное количество движений: толкнуть сидящего, отобрать листок бумаги, подкинуть листок бумаги, стащить карандаш и т. д. Причем делает он это настолько быстро и искусно, что даже дух захватывает. После этого его хватает минут на пять, и он снова начинает ерзать.

И таких учеников в классе чуть ли не треть. Они постоянно вскакивают, прохаживаются по классу, что- то выкрикивают. Даже сидя за партой, находятся в постоянном движении. Ни о каком чтении учебника не может быть и речи. Они гораздо комфортнее ощущали бы себя в другом месте, но правительство решило, что дети должны сидеть за партами. В результате в школе комфортно они себя ощущают только в спортзале и на перемене, а на остальных уроках просто страдают.

Упор лежа принять

Позже я заметил, что даже американским учителям- первогодкам было очень тяжело. Я видел, в каком подавленном и опустошенном состоянии они выходили из школы после уроков. Опытные же коллеги подбадривали нас и говорили, что трудно первые полгода, потом будет полегче.

Постепенно, присматриваясь к своим американским коллегам со стажем, мы стали замечать, что свободой и любовью в их классах, в общем- то, особо не пахнет. Напротив, слышны командирским тоном отдаваемые приказания и налицо безропотное исполнение со стороны учеников.

А тренеры школьных команд по футболу и баскетболу обладают над своими подопечными просто неограниченной властью. Стиль их общения со своими подопечными больше напоминает армейский. За любую провинность они просто кладут их в упор лежа либо строят и, бывает, приводят особо отъявленных в чувство ударом кулака в грудь. Причем я видел, как белый тренер таким образом воспитывал черного студента – случай для Америки уникальный.

Что интересно, студенты покорно сносят такие методы воспитания. Авторитет тренера безграничен. Для них он царь и бог. Помню, как один из тренеров даже предложил мне свою помощь в усмирении буйных: "Вы только назовите мне имена тех, кто мешает вам вести урок". Что интересно, по существующим правилам студент лишается права участвовать в командных играх, если не успевает хоть по одному из обязательных предметов. Поэтому члены спортивных команд стараются вести себя хорошо и учится хотя бы на троечку, чтобы не вылететь из команды не подвести таким образом коллектив. К сожалению, далеко не все студенты принадлежат к той или иной сборной команде…

Постепенно, глядя на коллег- американцев, мы тоже стали закручивать гайки, но время было упущено. У детей уже сформировался стереотип, что у этих странных русских можно себе позволить все.

Через какое- то время мы поняли и главную причину наших проблем с дисциплиной.

Оказывается, нас распределили

Надо сказать, что сидеть без дела им не приходится. Редкий день в школе обходится без драки. Иногда их бывает по две- три на день. Многие инциденты остаются незамеченными учителями и полицией. Причем драки здесь отличаются от драк в российской школе. У драк в наших школах есть какая- либо основа. Обычно двое выясняют отношения в туалете или за школой на улице. Иногда трое- четверо избивают одного. Все это делается втихую.

Здесь же драка – это элемент культуры, своеобразное состязание, несмотря на всю свою серьезность. Если двое дерутся, то вокруг моментально собирается толпа, которая в полном экстазе начинает скандировать: Fight! Fight! Причем в толпе и юноши, и девушки. Последним это даже больше нравится. Частенько они и сами не прочь выяснить отношения друг с другом. Драка продолжается до тех пор, пока вызванная кем- то из учителей полиция не скручивает дерущихся и не уводит их в наручниках. А свидетели, которым посчастливилось увидеть драку от начала до конца, потом еще в течение десяти- пятнадцати минут после начала урока возбужденно рассказывают менее удачливым товарищам детали произошедшего.

Мой коллега Саша Миронычев выдвинул идею, что основная задача учителя в школе – не учить предмету, а держать детей в классе под присмотром, чтобы они были чем- то заняты и никто никого не покалечил. Конечно, это несколько утрировано, но близко к правде. В классах есть много детишек, которые могут хорошо учиться. Но процент неблагополучных или просто неспособных учиться настолько велик, что нормального учебного процесса, как того требует программа, не получается.

В начале учебного года я по совету коллег- американцев попросил своих учеников написать на листочке о том, как видят себе мой предмет и что помнят по этому предмету из предыдущего школьного года. Две очень примерные девочки написали следующее: «Мы не помним ничего. Наша учительница была nice, но она постоянно отвлекалась от урока, чтобы усмирять хулиганов и сопровождать их к директору. Поэтому мы практически не занимались». Это ощущения нормального ребенка от обычного класса обычной школы.

Отскочит ли голова, если долго биться об стену?

Для завершения картины моих первых впечатлений небольшой пример, свидетельствующий об уровне образовательного процесса в девятом классе Westbury High Shcool.

Для начала представьте себя на месте учителя. Вы две предыдущие недели усиленно трудились, пытаясь втолкнуть в головы своих учеников хоть что- нибудь. Затратили на это колоссальную энергию, такую, как никогда ранее. Выложились полностью. Причем большинство детей в классе под вашим неусыпным вниманием занималось делом. Когда вы обращались с вопросом к классу, то даже слышали вполне разумные ответы. Нечасто, но слышали. В целом класс работал. Вам удалось заставить студентов переписать из учебника в тетрадки дважды, а то и трижды главные определения. Они совершенно верно находили в учебнике ответы на поставленные вами вопросы. Вы проходили с ними тему действия и противодействия из раздела механики (помните такую?), и они понятливо кивали головами, когда вы приводили примеры из жизни на эту тему. И вот теперь предстоит контрольная работа, и вы ожидаете сравнительно высоких результатов. Результатов своего нелегкого, но благородного труда.

Теперь представьте свое состояние, когда при проверке контрольных выясняете, что хорошего результата нет. Что вообще нет никакого результата.

Что 10 процентов, как всегда, работу просто не делали и сдали чистые листки или вообще ничего не сдали. Еще 30 процентов написали что- то на листках, но искать в написанном какой- либо смысл бесполезно, 30 процентов на вопрос "Действием каких сил

объяснить тот факт, что мяч, брошенный об стенку, ударившись, летит обратно?" отвечают: "Потому что отскакивает". 20 процентов пишут почти правильные ответы, правда, при этом перепутав направления сил действия и противодействия, и лишь 10 процентов дают верный ответ. Вы рвете на себе волосы. Как же так? Как же вы могли?!

Теперь скажите, какова будет ваша реакция на эти результаты контрольной? Правильно! "Поставить всем двойки к чертовой матери!" И вы эти двойки ставите, и на душе становится немного легче… Вводите эти двойки в компьютер и видите, что текущие оценки учеников резко меняются. Теперь семьдесят процентов личного состава заваливают цикл. А оценки за цикл выводить через три дня…

Как вы думаете, что скажет директор школы, если увидит такие оценки?

Он скажет, что вы не справляетесь со своими обязанностями. Посмотрите, У других учителей какая успеваемость! 20 процентов – отличники, 40 процентов – хорошисты, 30 процентов – удовлетворительно. И только 10 процентов неуспевающих. Вот как!

Вы начинаете чесать свою репу… Боже мой, что делать? Что делать?!

Безвыходных ситуаций не бывает. Сейчас найдем выход. Ура, нашел! Завтра же даю им новую контрольную полегче. И вопрос задам попроще – "Что произойдет с мячиком, если его бросить об стену?" Большинство ответит

правильно – мячик отскочит от стенки, и я поставлю им пятерки. Показатели будут лучше, и отметки резко исправятся.

Хорошо? Да, но есть одно но… ту контрольную еще нужно проводить, потом ее нужно проверять, выставлять оценки… Долго, лишняя работа опять- таки. Не лучше ли пересмотреть оценки за прошедшую контрольную? И что это я на них взъелся? В целом они неплохие ребята. И написали в общем- то правильно. Ну сам подумай. Почему мяч летит обратно? Потому что отскакивает! А что тут, собственно, неправильного? А полетел бы он обратно, если бы не отскочил? Нет! То- то и оно то! Молодцы дети, получите свои четверочки.

Так, теперь вы… написали бессмыслицу… А может, это и не бессмыслица вовсе? Может, там скрытый смысл имеется? Ведь работали же детки в классе, писали что- то у себя в тетрадках, просто так не сидели. Получите свои троечки.

А ты всего три слова написал: I don't understand? Ну что же ты? А такой умный мальчик. Вон как по барабану бьешь в школьном оркестре! И в баскетбол славно играешь! А ты и вовсе два слова написал: Fuck school? Ух ты непоседа какой… А ну получите свои троечки с минусом. Так, Сколько теперь у меня неуспевающих? Пятнадцать процентов? Ну, это нормально. Можно спать спокойно.

Весело вам, уважаемый читатель? Знаю, весело! А теперь станет еще веселей, если узнаете, что в этой истории нет ни грамма вымысла. Это повседневная реальность.

Нужны ли дополнительные детали для описания моего стрессового состояния на протяжении нескольких первых месяцев? Уже на третий день я почувствовал, что просто умираю, и решил, что на эту работу больше не пойду. Пакую чемоданы и уезжаю обратно.

Так я говорил себе если не каждый день, то но крайней мере каждый второй. Но чуть остыв и придя в себя, на следующее утро снова отправлялся на работу. Тогда я не мог себе позволить уволиться из- за финансовых соображений. Я вложил в приезд в Америку достаточно большие для меня деньги и не мог себе позволить просто так их профукать. Должен был если уж не заработать, то хотя бы вернуть вложенное. Каждый день говорил себе – продержаться еще хотя бы одну недельку, до следующей зарплаты. Вернуть хотя бы часть, а там посмотрим…

Так я выстоял первое полугодие. А во втором – действительно стало легче. И я решил попробовать продержаться еще полгода, чтобы уже действительно что- то заработать.

В конце учебного года мне чудом удалось перевестись в другую школу дистрикта – Lamar High School, в одну из трех лучших школ Хьюстона. Там совсем другие дети, и вообще

это совсем другая школа. Но это уже другая история, и об этом в следующей главе.

Глава 5. Дети с другой планеты

Единство в разнообразии

Самое первое, что можно и нужно сказать об американских школьниках, – это то, что они совершенно не похожи российских. Для нашего человека они как люди с другой планеты. К тому же не похожи друг на друга – прежде всего в силу различной этнической принадлежности. Помимо трех вышеупомянутых этнических групп, очень много представителей стран Юго- Восточной Азии. Одним словом, полный интернационал.

Вне зависимости от цвета кожи среди учеников встречаются как тугодумы и неучи, так и дети с выдающимися способностями. Например, я до сих пор помню одну из своих самых сильных студенток темного цвета кожи, которая впоследствии была принята в Гарвардский университет. Но, к сожалению, в целом среди черного населения высок процент экономически неблагополучных семей, где родители не обращают должного внимания на образование своих детей. В итоге существует прямая зависимость (о которой не принято говорить вслух) между этническим составом учеников и благополучностью школы. Думаю, читатель уже догадался, что чем больше цветного населения, тем хуже показатели школы. Например, в Lamar High School 40 % белых учеников и 24 % черных, а вот в Westbury High School белых только 9 %, зато черных 49 %!

Главное же отличие между белыми и черными студентами в том, что первые более усидчивы, а вторые более подвижны и активны. Им нужно больше двигаться, петь и плясать, что у них получается поистине бесподобно.

В таких школах, где процент черных в классе достаточно высок, а авторитет и опыт учителя оставляет желать лучшего, на уроке может твориться что угодно. Так, у моего коллеги Саши Миронычева, отличающегося интеллигентностью и тихим нравом, в Westbury High School черные ученики могут во время урока вдруг запеть или начать танцевать, и если их не одернуть, то от своих ритмов они впадут в такое состояние, что после их уже ничем не остановишь. Понятно, что более спокойным ученикам в такой обстановке не очень комфортно.

У меня в классе атмосфера значительно строже, с дисциплиной полный порядок. Но стоит лишь чуть отпустить вожжи, как начинается тихий разговор, который становится все, громче и громче и, если этого не пересечь, переходит в нечленораздельное многоголосье с визгами и подвываниями.

Следующее отличие, которое сразу бросается в глаза, – это физическая зрелость учеников. Во- первых, они учатся в школе на год больше, чем российские дети, оканчивая школу не в 16 – 17 лет, а в 17 – 18. А во- вторых, под южным солнцем гораздо раньше созревают, особенно черные, которые уже к 14 – 15 годам достигают полной физической зрелости. Внешне они в этом возрасте уже ничем не отличаются от взрослых. А сидящих в моем классе 17 – 18- летних учеников назвать детьми язык просто не поворачивается. Внешне они выглядят как студенты российских вузов.

Наверное, из- за употребления напичканной пищевыми добавками и гормонами пищи все американские дети (и белые в том числе), очень рослые, крупные, с широкой костью. Очень высок процент студентов с излишним весом, особенно среди мексиканцев и черных. Это делает фигуру похожей на фигуру взрослого человека. Не преувеличу, если скажу, что среди студенток каждая вторая афроамериканка и две из трех латиноамериканок страдают ожирением.

Ну да бог с ней, с внешностью, пора переходить к сути. На первый взгляд может

показаться, что между всеми представителями наций и народностей вообще нет и не может быть ничего общего. Но приглядевшись, понимаешь, что на самом деле общего у них гораздо больше, чем различий. И это общее – не только возраст. Этим общим является система взглядов и жизненных ценностей, то есть все то, что определяется воспитанием и окружающей ей средой. Это общее как раз и отличает их от детей российских.

Прежде всего – американские ученики невредные. У них совершенно отсутствует озлобленность, присущая российским детям в подавляющей своей массе они добры и приветливы как с учителями, так и друг с другом. Ни в одной из моих учениц я не заметил стервозности, присущей многим российским девочкам. За редким исключением не видел я и взгляда волчонка, так характерного некоторых российских мальчиков. Американские студенты начинают сексуальную жизнь в сравнительно юном юном возрасте, тем не менее ни у одной из своих учениц я ни разу не заметил вульгарного взгляда, характерного для юных россиянок. Я уже не говорю о каких- либо пошлых шуточках, улыбочках, намеках со стороны студенток. Пошутить на эту тему можно, но без пошлости и вульгарности.

Американским ученикам не присуща российская жестокость. Они не обижают друг друга. Невозможно даже представить себе такие обязательные атрибуты нашей школы, как различные группировки внутри класса и вражда между ними или коллективная травля какого- то одного ученика. Полностью отсутствует задирание девочек мальчиками. Ни разу не заметил издевательств над слабыми и мягкотелыми учениками со стороны более сильных и наглых.

В хороших классах студенты подчеркнуто вежливы с учителем. Но даже в самых плохих они видят в учителе скорее друга, чем врага. Помню, я был приятно удивлен, когда в конце учебного года некоторые ученики подарили мне сушенные яблоки – символ признательности учителю. К стати, ценные подарки со стороны учеников их родителей в американской школе не практикуются. Я уже не уже не говорю о поборах на ремонт школы и пр. Учитель пользуется среди студентов уважением, если он хоть что- нибудь собой представляет. Впрочем, американские дети так же, как и наши, способны вывести из себя, но делают это не из вредности, а просто из- за своего разгильдяйства. Кнопки на стуле у учителя совершенно исключены.

Другой отличительный момент – американские ученики незакомплексованы и ничем не стеснены. В классе они могут сидеть на стуле, скрестив ноги по- турецки или закинув ногу на парту. Причем это не поза, не вызов учителю – это в порядке вещей, даже самые примерные ученики так частенько делают. Если им сказать, что вам это не нравится, они больше не будут этого делать в вашем классе.

Американские студенты не испытывают никаких комплексов по поводу своего вида. Выше уже шла речь о том, что излишним весом страдают очень многие, но это их не сильно заботит. Тот, кто у нас обречен быть посмешищем, здесь очень часто является душой общества.

Все дети очень просто и часто небрежно одеты. Шорты в футболка у юношей и та же самая футболка и юбочка у девушек. Причем и юбка, и футболка могут быть старенькими, застиранными и чаще всего наглаженными. Наши старшеклассницы никогда не позволят себе прийти в школу в таком виде. Комбинация элементов одежды просто поражает наше российское воображение. О юношах я промолчу, но вот то, что носят девушки, просто режет глаз. Как вам, например, понравится сочетание юбки с кедами? Помните, был такой вид обуви в Советском Союзе? Здесь они очень популярны. А самым любимым видом обуви у белых девочек являются сланцы, да- да, те самые, с резиновой подошвой и лямочкой между пальцами, что мы надеваем на пляж или в баню. Примечательно, что они их носят круглогодично – и в летнюю жару, и зимой, когда температура воздуха опускается чуть ли не до ноля градусов. В холодную погоду под юбку девочки могут надеть спортивные штанишки, очень напоминающие наши совковые мужские хлопчатобумажные трико с отвисшими

пузырями на коленках.

Нельзя сказать, что девушки не хотят выглядеть красивыми, просто здесь свое понимание красоты. Кстати, взрослые белые дамочки меньше всех озабочены своим внешним видом. Они могут приехать в магазин непричесанными, в мятых футболке и шортах, больше напоминающих трусы. В том же виде они прогуливаются с детьми возле своего дома или на детских площадках. Правда, на работу одеваются соответствующе. Больше всех следят за своим видом черные женщины: они всегда накрашены, волосы уложены и залачены.

Но то взрослые, а в школе все предельно просто. Поэтому среди учеников совершенно исключено различие по качеству и стоимости одежды. Они не обращают большого внимания на то, на каком автомобиле ездят они сами или их родители. Соответственно нет дифференциации и по количеству денег либо социальному статусу родителей. Вернее, она есть, но никак не выпячивается в общении друг с другом.

Что такое хорошо и что такое плохо

Следующий момент очень важный и серьезный. Я хочу остановиться на нем подробнее. У американских студентов за редким исключением, абсолютно отсутствует идея оппозиции учителю, школе, администрации, то что так характерно для российской системы в целом и российских детей в частности. Быть хулиганом и иметь плохие оценки в американской школе не считается круто. Также не круто пить, курить и ругаться матом. А иметь примерное поведение для мальчика не считается зазорным. Наоборот, быть прилежным учеником и иметь хорошие оценки в школе у них престижно (cool), а двоечники считаются не лидерами, а неудачниками (looser). Также престижно заниматься какой- нибудь общей работой, быть на виду. Все это является результатом целенаправленного воспитания или идеологии в области образования.

Вспомните, как воспитываются наши дети. Вспомните, как часто в наших фильмах главный герой противостоит системе и лицам, по своему служебному положению эту систему олицетворяющим. Вспомните, как часто наш герой должен принять решение, идущее вразрез с системой. И он делает это на основе своих представлений о добре и зле, на основе своих жизненных ценностей. Он дает свою оценку всему происходящему. Он имеет свое собственное мнение…

Все это совершенно противопоказано детям американским. За них уже все продумали и решили. Их личные ценности должны быть адекватными с ценностями системы. И одна из главных ценностей выше уже шла речь об этом) – это следование инструкциям. Чтобы быть хорошим членом общества, совсем не обязательно делать что- то хорошее. Достаточно не делать ничего плохого, то есть не нарушать инструкции. Принести оружие в школу плохо не потому, что это плохо, а потому, что это нарушает вполне конкретной инструкции – пункт такой- то, абзац такой- то. И это с детства в них усиленно воспитывается. К 16 – 17 годам они уже вполне сформировавшийся продукт системы.

Один маленький пример. У меня в классе во время урока громко разговаривает черная девочка. Честно говоря, это уже и не девочка вовсе. Ей 18 лет, и она должна бы быть в двенадцатом классе. Но, видимо, в прошлом году завалила несколько предметов и поэтому оставлена на второй год, теперь числится в одиннадцатом. Это говорит о том, что проблемы у нее не только с химией. В девочке 180 сантиметров роста и не меньше 100 килограммов веса, а то и все 120. Так вот, я делаю ей одно замечание, другое. Ноль внимания. После того как замечания не дают результата, я, следуя инструкциям, вывожу ее из класса – для приватной беседы в коридор, и там случайно наталкиваюсь на проходящего мимо завуча.

Завуч, видя, что начинающий учитель в нестандартной ситуации, интересуется в чем дело, я все вкратце объясняю. В ответ девочка начинает утверждать, что не делала ничего

дурного. Мол, все разговаривают, и она совершенно не понимает, почему я привязался именно к ней. Это у них наиболее частая отмазка – "все разговаривали". Но я это уже проходил и потому вполне педагогично замечаю: «Бритни, мы сейчас говорим не обо всех, а конкретно о тебе. Ты должна отвечать за свои поступки». Она знает, что таковы правила: коллективное не снимает персональной ответственности. Девочка в легком замешательстве. "Я помогала Тиффани, так как она попросила меня объяснить ей непонятную задачу", – изобретает она на ходу после недолгой паузы. Тут уже я в замешательстве. Я еще не знаю, как это крыть. Но хорошо знает завуч. "А ты спросила у учителя разрешения помочь твоей подруге?" – спрашивает она ее. Девочка опускает глазки и говорит виноватым голосом: «Нет». Она вспоминает, что есть такая инструкция – спросить разрешения у учителя. Она эту инструкцию нарушила. "В следующий раз, если захочешь кому- то помочь, – педагогично продолжает завуч, – спроси разрешения у учителя, и тогда тебя никто ни в чем не обвинит".

Я смотрю на все это и с трудом сдерживаю смех. Девочка- тетя виновато стоит перед нами, потупив глазки. Ее поймали на нарушении инструкции. Громко разговаривать плохо не потому, что это мешает учителю, остальным ученикам, а потому, что существует такая инструкция. И тут я вспоминаю, что действительно многие дети постоянно спрашивают у меня, можно ли им помочь друг другу.

О правилах

Тут уместно будет перейти к различиям между учениками двух разных школ – хорошей и плохой.

Итак, школа худшая или, назовем ее так, среднестатистическая, которых в нашем дистрикте 90 процентов. Учеников в ней можно условно разделить на четыре категории.

Первая (от 10 до 20 процентов) – дети, настроенные на учебу. Они хотят что- то понять, чему- то научиться и очень заинтересованы в хорошей оценке. Подчеркнуто вежливы с учителем и друг с другом.

К следующей категории я бы отнес детей, которые могли бы нормально учиться и, как правило, нормально учатся при наличии в классе соответствующей атмосферы. Но они заинтересованы не столько в знаниях, сколько в хорошей оценке, так как в противном случае их ждут неприятности дома. Таких процентов 30.

Примерно столько же тех, кто настроен не учиться, а просто провести время в классе. По большому счету им наплевать на оценку, которую они получат. Заставить их что- либо делать в классе крайне сложно. Как правило, их родителям совершенно безразличны успехи детей в школе. Это третья категория.

Оставшиеся 20 процентов – это просто патологический случай.

Из двух последних групп половина учеников не способна чему- либо научиться в принципе. Причем я сейчас говорю о тех, у кого официально медиками зафиксированы какие- либо проблемы (learning disabilities). Таковых не более 5 %. Причем я с удивлением обнаруживаю, что подчас среди этих студентов есть умненькие детишки. Сейчас я говорю о тех, кто официально считается совершенно нормальным человеком безо всяких отклонений. Так вот, у этих самых нормальных студентов совершенно отсутствуют всякие навыки к обучению, к усвоению материала. Мозг не приучен выполнять даже простейшие мыслительные операции. В ходе недавней подготовки к государственному тесту ученики десятого класса должны были ответить на вопрос: "Если деревянный брусок распилить пополам, чему будет равна плотность каждой половинки?" Только 20 процентов ответили, что плотность останется та же, 60 процентов – что плотность каждой половинки будет в два раза меньше начальной, еще 20 процентов – что плотность будет в два раза больше…

Об исключении из правил

Поговорим теперь об учениках хороших. Но прежде всего несколько слов о самой школе. Мне удалось перейти в нее совершенно случайно в самом конце моего первого года работы в Америке. В предпоследний учебный день я зашел на сайт нашего дистрикта и с удивлением обнаружил, что требуется учитель химии в Lamar High School – в одну из лучших, если не сказать самую лучшую High School города. И я решил попробовать. Работать в прежней школе уже не было ни сил, ни желания. Послал свое резюме, и в тот же самый день меня пригласили на собеседование. А на следующий день я уже был зачислен в штат новой школы. Директору для принятия решения, в принципе, хватило того факта, что я кандидат наук по химии.

Оказалось, дело в том, что в этой школе есть программа так называемого международного бакалавриата (International Baccalaureate). Мы ее называем просто IB-программой. В дальнейшем для краткости буду ее называть программой МБ. Штаб- квартира этой организации находится в Швейцарии. В ней действительно участвуют школы со всего мира, есть даже несколько из России. Причем все они платят за свое членство в организации. Существует стандартная учебная программа (достаточно сложная) со стандартными выпускными экзаменами. Диплом этой организации признается большинством университетов мира, и потому для абитуриентов он служит хорошим подспорьем при поступлении. Кроме того, при хорошей оценке на экзамене некоторые курсы, пройденные в школе, засчитываются как университетские, поскольку действительно таковыми и являются. Самые продвинутые школьные курсы в этой программе, вроде преподаваемого мной Chemistry- 3, эквивалентны или даже сложнее программы первых курсов университетов.

Разумеется, в программу МБ принимают не всех. Критерии отбора очень жесткие. Понятно, что отношение к учебе у этих студентов совершенно иное. Да и голова у них, как я заметил, работает. Чувствуется неплохая подготовка. Некоторые даже очень способны. С ними просто приятно работать. Я с радостью за них и даже с некоторой ревностью отмечаю, что многие более сообразительны, нежели был я сам в их возрасте.

Был у меня такой интересный случай. Веду урок в своем самом продвинутом дипломном классе, том самом, преподается университетский уровень химии. В этом классе у меня всего двенадцать учеников. Я не подготовился заранее к уроку и веду его, что называется, с колес. Задал задачку из учебника, они решают, и одновременно решаю её сам. Решил, заглянул в ответы в конце учебника – ответ не сходится. Пересчитал еще раз – то же самое. Ну, думаю, американцы, даже ответы не могут привести правильные. Обращаюсь к классу: "Кто решил задачу?" Половина поднимает руку. Спрашиваю: "Сошлось с ответом?" Отвечают, что сошлось… Я в замешательстве. Чтобы потянуть время и сориентироваться, вызываю одного из них к доске, и тот решает задачу… Оказалось, что в данном случае нужно использовать другую формулу. С тех пор я стал относиться к своим студентам с еще большим уважением.

Эта категория студентов отличается высокой мотивацией к обучению. Они четко знают, что им нужно от школы и понимают, что их будущее во многом зависит он того, как они учатся. Очень высока состязательность в обучении. Они сражаются за каждый отдельный балл, им очень важно получить оценку лучше, чем одноклассники. Это балл впоследствии будет им необходим при поступлении в университет. Дело в том, что лучшие 10 процентов выпускников каждой школы получают от государства так называемый scholarship – средства для бесплатного обучения в университете. Не последнее значение имеют и приобретенные знания. Эти студенты знают цену образованию и постоянно выражают мне свою признательность за то, что я их действительно учу.

В заключение разговора об этой категории студентов еще раз отмечу, что они все хорошо воспитаны, очень вежливы и обходительны с учителем. С ними приятно даже просто общаться на отвлеченные темы, что я порой и делаю. За счет таких студентов

поддерживается высокий уровень школы по сравнению с другими школами Хьюстона.

Кстати, по результатам общенациональных экзаменов наша школа находится не только выше среднего уровня по дистрикту и штату, но и выше среднего общенационального уровня. А по числу выпускников, получивших дипломы, мы в первой десятке в США и среди первых тридцати в мире среди школ, участвующих в этой программе.

Однако было бы неправильно судить о всей школе по студентам, занимающимся по этой программе. Программа МБ – это вещь в себе, как бы школа внутри школы. Если же повнимательнее посмотреть на студентов в обычных классах, то они мало чем отличаются от студентов вышеописанной Westbury High School.

Уровень их подготовки и мыслительные способности на том же уровне. Разве что с дисциплиной дела обстоят несколько лучше. Многие из них хотят получить если уж не знания, то по крайней мере хорошую оценку. Неблагополучные ученики просто растворяются в преобладающей массе успевающих студентов. Да и общая уже сформировавшаяся школьная среда вынуждает их держать себя в рамках приличия.

Следует оговориться, что в дальнейшем в тексте я буду писать не столько о своих лучших студентах, сколько об основной, преимущественно неблагополучной в смысле знаний, массе учеников нашей школы и дистрикта. Книга о правилах, а не исключениях из правил.

Глава 6. На страже конституции

Подход к образованию является одной из отличительных национальных черт американцев. Одновременно это их национальная гордость, признанная демонстрировать преимущества старейшего демократического государства. Поэтом у как вся система образования в целом, так и школа как ее отдельный институт во многом обусловлены демократическими принципами и идеями, конечно, в американском понимании этого слова. А проще говоря, американской системой жизненных ценностей, или если ещё точнее, официальной системой жизненных ценностей.

Отправной идеологической точкой американского образования является постулат о равных возможностях, являющийся наряду с постулатом о неприкосновенности частной собственности одним из столпов американской Конституции. Будучи приложенным к институту образования, этот постулат декларирует, что все дети в стране имеют равные возможности на получение образования независимо от уровня доходов, социального положения, национальности и пр. По сути дела, это попытка претворить (или сделать видимость претворения) в жизнь сугубо коммунистического принципа в исключительно капиталистической стране.

Второй постулат не прописан в Конституции, зато им пестрит педагогическая литература: «Несмотря на различные природные способности (английский аналог русского понятия “умственные способности” в американской педагогике отсутствует – **Авт** .), каждый ученик способен учиться». Другая версия этого утверждения: «Все имеют одинаковые способности, просто они выражены по- разному».

Совершенно логично, что если все дети в стране имеют одинаковые шансы на образование и одинаковые способности, то они должны иметь и одинаковые знания как результат реализации этих шансов. На практике люди понимают, что шансы совсем не равные, а способности и подавно. Между тем продекларированные принципы требуют постоянного подтверждения своего претворения в жизнь. Как это можно сделать? Очень просто: заменив два уже приведенных постулата третьим – «Каждый ученик способен учиться и каждый ученик в американской школе может и должен достичь успеха (success)».

Американцы очень любят это слово success, делая акцент на том, что успех в школе –

это начало успеха в большой жизни. Здесь происходит завуалированная подмена понятий: право на качественное образование подменяется правом на success. Якобы это одно и то же. Мол, какая разница, у кого какие возможности и способности, если в итоге у всех одинаковый success?

А что является мерилом этого успеха в школе? Конечно же, отметка!

Ответственность за выполнение этого принципа возлагается на школу, то есть на директора и учителей. В том, что ученик не успевает, виноваты не он сам и даже не его семья, а учитель и школа, так как априори считается, что сила американского государства настолько велика, что может из любого ученика сделать преуспевающего члена общества.

Этим утверждением о равенстве возможностей и способностей американская педагогика сама себя загоняет в тупик. Ведь что из него следует? А то, что высокий процент неуспевающих детей свидетельствует о недоработке государства, а точнее, тех чиновников, которые поставлены государством на столь ответственный пост – следить за выполнением этого принципа. Такого в демократическом государстве быть не должно. Только представьте себе, как далеко здесь можно зайти……….. Ведь сразу может возникнуть вопрос: а какие дети наиболее успевающие и какие – наименее? Возникнут попытки анализа и классификации. Что если окажется, что белые успевают лучше черных? Представляете, что из этого может вырасти?! Это же, извините, расизм какой- то. А вдруг выяснится зависимость между социальным положением родителей и успеваемостью их детей? Тогда вообще беда! Тогда под сомнение попадает главный постулат о равенстве возможностей.

Нужно ли говорить, что американская педагогика, будучи обремененной этими идеологическими установками, сильно отличается от нашей. Ее суть невозможно понять, если пытаться это делать с позиций российского менталитета, нашей системы жизненных ценностей, да и просто с точки зрения здравого смысла. Если попытаться объяснить ее суть нашему человеку, то единственной реакцией будут слова: «Что за бред?».

Приведу небольшой пример. Знаете, что должен сделать настоящий педагог, если у него в классе безобразничает ученик? Никогда не догадаетесь – настоящий педагог в данной ситуации должен спросить себя: «А что же я делаю неправильно, что заставляет ученика так себя вести в моем классе?»

И действительно, в американской школе в центр вселенной поставлен его величество ученик, а все остальное вращается вокруг него (student- centered instruction). Учитель же является по сути дела обслугой, нанятой для процесса обучения. Для нас это кажется диковатым, тем не менее сами американцы в эту систему свято верят и считают ее единственно верной. Правда, не все американцы. Скажем так, что на этом настаивают педагоги- теоретики и чиновники от образования. Рядовые же учителя, особенно их старшее поколение, весьма критически высказываются об этой системе. Они еще помнят то время, когда в школах не было сегодняшнего абсурда.

Еще одно существеное отличие американского и российского образования.

В России акцент делается на преподавании теории и фактического материала. Мы предлагаем ученикам теорему и способ её доказательства. Для умственной деятельности даем задачи и примеры. Американцы считают более важным привить навыки решения сугубо практических задач – real life problems. Считается, что если студент умеет решать поставленные задачи, то фактический материал всегда можно найти в литературе.

Это, конечно, не лишено смысла. Общеизвестно, что российское образование слишком теоретизировало и что неплохо приблизить его конкретике. Но американцы не понимают (или делают вид, что не понимают): если фактических знаний полный ноль, то алгоритмы решения задач просто не к чему приложить.

В российской школе на уроках естествознания мы сначала в достаточно большом объеме даем эмпирический материал, который впоследствии обобщается в правила, теории и законы. Таким образом, наше образование выстроено в полном соответствии с историческим

развитием науки. Американцы же, наоборот, сразу вываливают глобальную теорию или закон при минимальном количестве рассмотренных в подтверждение примеров. Фактический материал – такой, например, как конкретные свойства конкретных веществ, не изучается вообще. Видимо, считается, что этим не стоит забивать студентам голову. Вместо этого предлагается учить основополагающим законам, по которым вещества реагируют друг с другом.

По сути дела они запрягают телег впереди лошади, или точнее, вообще без лошади. Без конкретных примеров общие законы не могут быть поняты и усвоены. Занимаясь этим каждый день и имея возможность сравнивать, я очень хорошо вижу и понимаю это.

Недавно президент Буш издал вердикт, называющийся N'o child left behind, что значит «Ни одного неуспевающего ребенка». Название говорит само за себя, и по сути это дальнейшее развитие рассмотренного выше постулата о равных возможностях. Идея для Америки не нова, но в этот раз президентский почин получил дальнейшее развитие, непосредственно коснувшееся всех учителей- иностранцев.

В соответствии с этим указом в школах Америки не должно остаться ни одного несертифицированного учителя. Дли нас, работающих на основании временного разрешения нашего дистрикта, это означало, что мы должны получить полноценный американский сертификат. Главным же условием его получения служила сдача экзамена по американской педагогике. Причем те, кто не имел российского педагогического образования, принудительно направлялись на курсы за «скромную» плату в 3500 долларов.

К моей великой радости, университетское образование было приравнено к педагогическому. Таким образом, мне нужно было только сдать экзамен. Я как мог, оттягивал это знаменательное событие, надеясь на то, что уволюсь раньше, чем меня окончательно припрут к стенке. Но в конце концов, мне пришлось пройти через это, последним изо всей нашей команды.

Кому- то, включая вашего покорного слугу, удалось сдать этот экзамен с первого раза. Кто- то сдал со второго. А кому- то экзамен не дался и с третьего захода. Например, наш общий коллега Сергей Бобровник сдал его только с девятой ходки. Самое смешное, что именно у него и было настоящее, еще советское, педагогическое образование. Мой коллега по первой школе Саша Миронычев уже сделал четыре попытки и до сих пор не сдал экзамен, несмотря на то что отдал за обучение 4000 долларов и полгода ходил на эти курсы.

Что интересно, трудности возникли в основном у тех, кто имел российское педагогическое образование. Я же воспользовался советом моих американских коллег, которые проинструктировали меня следующим образом:

"Помни, что это только теория, которую ты на самом деле никогда не воплотишь в жизнь в своем классе. Не отвечай на вопрос так, как на самом деле нужно делать в предложенной ситуации".

Таким образом, американская педагогика в большей степени все же остается теорией, тем не менее, влияние этой теории на реальную школу более чем заметно.

Глава 7 Методология удовольствия

Сплошной фан

Что же мы имеем на практике? Основной подход к образованию в Америке заключается в том, что процесс обучения должен быть удовольствием. Американские ученики ходят в школу, чтобы получать удовольствие. To have fun – как они сами это называют. Образовательный процесс должен быть увлекательным, интересным и ненапряженным. Противное считается насилием над ребенком.

Понятно, что усиленный мыслительный процесс не может быть «фаном». Это

американским ученикам противопоказано. Если же в процессе обучения мыслительного процесса нельзя избежать совсем, то он должен быть сведен до минимума, а за ним обязательно должно следовать поощрение в виде высокой оценки за решенную задачу. Очень популярны и более простые и понятные способы поощрения учеников, например, в виде конфетки за правильный ответ с места. В противном случае в глазах американского школьника пропадает смысл обучения, так как знания сами по себе не являются ценностью. Учебный процесс без вознаграждения за труд перестает быть «фаном».

Думаю, что одна из главных целей упрощения образовательного процесса и низведения его до примитивного игрового уровня как раз и состоит в том, чтобы завуалировать разницу в уровне подготовки и умственных способностях школьников. На самом деле эта разница огромная, величиной с пропасть. Поэтому учитель вынужден давать такое задание, с которым заведомо справятся все. Очень часто это либо игра, либо какая- нибудь поделка на уровне урока труда в четвертом классе. В результате все остаются довольны, а ученики даже не успевают осознать, каким примитивом занимаются. Они не понимают, что не получают реальных знаний по изучаемому предмету…

Образовательная обслуга

Обозначим еще одно существенное различие двух образовательных систем: российской и американской. В центре российской системы образования стоит учитель. Авторитет Учителя и уважение к Учителю – основные слагаемые российской школы и культуры в целом. Несмотря на то что в последнее время ситуация с этим меняется не в лучшую сторону, в целом уважение к учителю у нас – часть менталитета нации. Сама этимология российского слова «учитель»; отличается от английского teacher. Слово «учитель» может одновременно быть использовано для обозначения духовного наставника. Teacher – это скорее инструктор, который просто нанят для оказания образовательных услуг.

Пожалуй, ни в одной другой стране мира это не выражено так ярко, как здесь, где абсолютно все проставлено основу на товарно- денежных отношении.

На мой взгляд, именно этот момент и является одной из основных причин низкого уровня школьного образования в стране. Чему может научить учитель, у которого нет авторитета? Учитель без авторитета – это не учитель, а именно инструктор. Настоящего учителя слушают с замиранием сердца и беспрекословно исполняют все его указания. Инструктора же можно слушать, а можно и не слушать. За все уплачено. Услуги инструктора можно принять, а можно отказаться и принять услуги другого. Клиент всегда прав. Что интересно, сами американцы этого не понимают. Они продолжают выдумывать, что же еще можно сделать, чтобы ученику жилось еще лучше, чтобы ученик прилагал ещё меньше сил, получал еще больше «фана», а знания его улучшались.

Для достижения этих целей чиновники и теоретики от образования разрабатывают все новые и новые методики преподавания, а реальные знания учеников, по свидетельству американских учителей, все хуже и хуже. Еще в 2005 году Национнальная Академия наук США пришла к выводу, что научное и технологическое лидерство Соединенных Штатов находится под угрозой. Академия, в частности, обратила внимание на то, что американские учителя математики хуже образованы по сравнению со своими коллегами в индустриально развитых странах мира. Математические знания американских школьников заметно уступают аналогичным знаниям их сверстников из 11 стран.

Чтобы исправить ситуацию, требуются срочные меры. Учителей периодически сгоняют на посвященные новым методикам семинары, где лекторы с минимальным педагогическим опытам, а то и вовсе без оного пытаются убедить учителей со стажем, что все, что они дели до этого, – полная ерунда и большая ошибка. Хуже всего то, что после этих семинаров администрация школы с большей или меньшей настойчивостью заставляет использовать эти

методики на уроке. Не прижившись, эти бестолковые методики отмирают, им на смену приходят другие.

Самое смешное: никто и не думает спросить практикующих учителей – а что они думают о той или иной методике? Пусть не всех, пусть хотя бы самых лучших и заслуженных. Ничего подобного! Просто сверху спускается директива, а директор школы должен проконтролировать её выполнение. У учителя авторитета никакого – он просто наемный инструктор. Не нравится – не работай, а твое место найдут другого, более покладистого.

Странно, но конечный результат работы учителя в виде реальных знаний учеников никого не интересует. Самая главная задача учителя – четко и беспрекословно выполнять инструкции.

Что касается администрации школы и дистрикта, то качество их работы в основном оценивается по двум наиболее важным на сегодняшний день показателям: результатам государственных экзаменов и проценту студентов, отчисленных из школы либо добровольно бросивших школу. На государственных экзаменах более подробно я остановлюсь позже, а к чему приводит стремление искусственно удержать в стенах школы человека, который этого не желает, думаю, объяснять не нужно.

В результате такой политики администрация школы давит на учителей, с помощью административных хитростей запрещая им, по сути, выводить за год двойки. То есть двойки напрямую могут быть и не запрещены, но, поставив двойку, учитель сталкивается с такими проблемами, что в следующий раз уже не захочет этого делать. Такое, например, широко практикуется в последние годы в школе, где я работаю. Хотя чаще всего, по свидетельствам учителей из других школ, администрация особо не церемонится и просто запрещает учителям ставить двойки, несмотря на то что это прямое нарушение действующего законодательства.

Частенько уже с двойкой за экзамен ученик все же переводится в следующий класс с одной лишь целью – предотвратить его отчисление из школы. Поэтому в каждом моем одиннадцатом классе половина учеников, которым нужно преподавать алгебру и химию, не умеют складывать вычитать и отрицательные числа…

В первый год моего учительствования в нашем дистрикте проходила кампания под названием First Things First. Игра слов, означающая «делай первостепенные вещи в первую очередь». Согласно этой реформе все американские школы должны быть поделены на несколько маленьких учебных комьюнити – что- то вроде школы внутри школы. Идея в том, чтобы ученики не рассредоточивались по огромной школе по разным учителям, а на протяжении всех четырех лет обучения в High School были под присмотром одних и тех же преподавателей. То есть предполагалось создание чего- то, больше напоминающего российскую школу. Тогда учитель будет лучше знать учеников и их родителей, и через этот контакт якобы улучшится обстановка в классе и, как следствие, успеваемость. Все хорошо, но лес рубят – щепки летят.

Предполагалось, что дети будут сидеть в одном классе весь день, а учителя станут приходить к ним давать свой урок. Каково? Учитель, и без того по сути бесправный, становится в еще более унизительное положение обслуги ученика. К тому же один и тот же учитель естествознания будет преподавать все три предмета: биологию, химию и физику. Можно ли знать все эти три предмета одинаково хорошо, так, чтобы преподавать их действительно на должном уровне? Об этом реформаторы просто не задумываются. Да и зачем? Цель реформы не в том, чтобы повысить реальные знания учащихся. А в чем? Да в том, чтобы каждый ученик в школе имел успех. А это совсем не одно и то же.

Двоечник, получи свои 69 баллов

Такой взгляд на образование находит свое отражение и в принятой в стране системе оценок знаний. Их система не пятибалльная, как у нас, а стобалльная и выражена в процентах. Давайте сравним эти две системы, для чего вспомним, какие оценки ставили нам в детстве наши учителя. Допустим, контрольная работа, в ней десять примеров. Сделал правильно все десять – пятерка. Девять – пять с минусом. Шесть- восемь – получи свою четверку. Три- пять – троечка. Ну а дальше уже двойка. Конечно, это все зависит от учителя. Но бесспорно одно: если ты сделал хотя бы половину задания, то можно смело рассчитывать на положительную оценку. Посмотрим, как у них.

Теоретически в случае с десятью примерами каждый пример должен давать десять процентов. В итоге будет сто. На первый взгляд, это замечательно – сведен до минимума субъективизм учителя и ученик получает строго то, что заслужил. Все хорошо, но есть одно «но». В стране с самым передовым образованием по логике должно быть и самое высокое качество образования, что непременно должно находить свое отражение в высоких результатах. Так вот, планка действительно очень высока. Неудовлетворительной считается любая оценка ниже 70 процентов.

А оценки в пределах 70 – 80 процентов удовлетворительны, но не престижны. Таким образом, российский ученик, сделавший правильно шесть из десяти примеров, получит четверку, а американский за ту же работу – неуд. "Вот это сильно! – воскликнете вы. – Вот это система так система!" Не торопитесь. Как вы думаете, много ли учеников в классе могут правильно решить семь из десяти примеров? А девять из десяти? Немного…

Где же выход? Он очевиден. Вернее, их даже два.

Путь первый – упростить программу! Причем максимально. Например, по математике за первые шесть классов в США проходят то, что российские дети – за первые три. И если даже в программе есть что- то сверх того, то это отдельный материал, не требующий использования ранее полученных знаний и построения причинно- следственных связей.

Путь второй еще проще – просто ставить заведомо незаслуженную оценку. Что и происходит в действительности. Например, у большинства учителей в нашей школе низшая оценка не ноль, а 50. Это значит, что если даже все десять примеров решены неправильно, оценка будет 50. Очень многие учителя ставят 70 или даже 75 (по- нашему, троечка с минусом) просто за то, что ученик сдает работу, неважно, что там написано. Однако это пример субъективный и все здесь зависит от учителя. А вот пример совершенно официальный.

Во всех школах нашего дистрикта классный журнал ведется в компьютере. Из компьютера учителя оценки попадают на школьный сервер, а оттуда – на главный сервер дистрикта. Все это обслуживает специально созданная программа. Так вот эта программа совершенно официально не позволяет вывести оценку за четверть ниже, чем 50 баллов. Учащийся может просто прогулять, а оценку получит не ниже, чем 50.

Что интересно, в реальной жизни в Америке такие вещи не проходят. Например, если ты сдаешь какой- либо квалификационный экзамен, например на водительское удостоверение, и наберешь 69 процентов, то экзамен не сдан. В школе же такая фальшь узаконена.

Будучи обусловлен критерием «фановости» и всеобщего успеха, учебный процесс максимально упрощен. Наиболее четко это прослеживается на примере таких «нефановых» предметов, как математика, физика или химия.

Я собираюсь остановиться именно на этих предметах еще и потому, что никто из наших российских учителей по понятным причинам не ведет гуманитарные предметы, поэтому я не могу объективно судить о глубине и качестве образования в этих областях. Можно лишь попробовать провести аналогии. Что касается точных наук, это упрощение сразу же заметно при первом взгляде на школьную программу. Например, по математике их программа отстает от российской примерно на три года. Физика отсутствует как таковая. По химии преподается

примитив.

Но печальнее всего то, что ученики не в состоянии усвоить даже этот примитивный материал. Вернее, они его усваивают до ближайшей контрольной работы. На следующем уроке уже ничего не помнят. Я молчу о том, что остается в их головах через месяц или два. А это говорит о том, что проблема не столько с программой, сколько с методикой обучения.

Поразительно, но этой сфере в американском образовании не придается совсем никакого значения. В России в педагогических вузах есть предмет "Методика преподавания химии" (физики, математики и т. д.), который учит будущих учителей, в какой последовательности преподавать основные концептуальные категории.

В США об этом и не слышали. Этот вопрос отдан на откуп учителю. Можно сказать, что здесь, по сути, нет даже четкой образовательной программы. Вот такая интересная ситуация – педагогика есть, а методики преподавания нет. Вернее, методика есть, я остановлюсь на ней ниже. Но это общая методика преподавания, а не преподавания конкретного предмета. Этот факт свидетельствует лишь о том, что реальные знания предмета учеником никого не интересуют. Важен лишь success, а не знания. Скоро вы поймете, что эти две категории совсем не одно и то же.

Глава 8 Методика преподавания или поиграем в математику

Эту главу читатель, не занятый в сфере образования, может смело пропустить. Она будет больше интересна учителям и отчасти родителям, задумывающимся об образовании своих чад. Если вы все же наберетесь терпения и прочитаете ее до конца, то будете иметь более- менее полное представление о том, чем американцы занимаются в школе.

Моя собственная дочь по прибытии в Америку пошла в седьмой класс в Johnston Middle School. Это одна из лучших школ. А по математике она была определена в так называемый Advanced Placement (сокращенно AP) класс. Считается, что AP классы для одаренных и увлеченных детей, где предмет преподается по более углубленной программе, нежели в обычном классе. Я очень внимательно следил за ее учебной программой. Так вот, то, чем они занимались на уроке математики, было таким примитивом, что я даже не стану утомлять читателя подробностями. Это примерно уровень третьего- четвертого класса российской школы. И это в сильном классе. А что же там делается в обычных?

Более- менее нормальная математика начинается в восьмом классе. Я не оговорился – не алгебра и геометрия, а именно математика, так как никакой алгеброй там еще не пахнет. Одна из моих российских коллег – Катерина – как раз ведет математику в восьмом классе в Fondren Middle School. По ее словам я могу достаточно объективно судить о том, что там делается.

Год начинается с изучения отрицательных чисел, и решаются примеры на уровне:

$5 + (-8) = ?$

Причем сидят ученики на этом очень долго, так как их воображение отказывается воспринимать отрицательные числа. Как говорит сама Катя, у них нет чувства чисел. Наиболее сложное для них – вычесть отрицательное число:

$5 - (-3) = ?$

Или сложить два отрицательных:

$-5 + (-3) = ?$

Решая последний пример, они получают либо 2, либо –2, но только не –8.

После этого начинается изучение дробей и действий с дробями. Наиболее сложным заданием по этой теме является пример типа нижеследующего:

$5 \times {}^{1}/_{3} - 2 \times {}^{5}/_{6} = ?$

Справляются с этим заданием не более 30 процентов учащихся.

Следующий этап – уравнения. Самые простейшие, типа $25x = 100$. Что интересно, они решают такие уравнения не так, как в России. Я сам неоднократно наблюдал это. Мы, чтобы найти x, делим 100 на 25, что кажется нам вполне логичным. Ведь x в 25 раз меньше, чем 100. Американцы делают это гораздо круче. Чтобы найти x, они делят обе части уравнения на 25. В результате слева остается x, а справа 4.

Круто, правда? Это может показаться очень грамотным с математической точки зрения, но совершенно не способствует пониманию учеником сути производимых действий. Они не успевают осознать, что x в 25 раз меньше 100, механически выполняя показанные учителем операции.

Следующий этап – проценты. Около месяца они учатся рассчитывать, сколько процентов составляет, например, 15 от 60. Причем опять- таки делают это чисто механически. Они не делят 15 на 60, чтобы осознать, что 15 составляет одну четверть от 60. Большинство из них и поделить- то это не могут без калькулятора. Просто механически выполняют операции по данному учителем шаблону.

Будучи практически ориентированными, на математике они учатся строить разные графики. Нет, не функции, которые даются не ранее девятого класса. Просто учатся откладывать точки с экспериментальными данными на оси координат. Наиболее сложным является построение так называемого Circle Graph, круга, где процентное содержание составляющих компонентов представлено в виде секторов (круговые диаграммы). Для выполнения этого задания им нужно рассчитать, сколько градусов приходится на каждый сектор, путем умножения процентной доли на 360 градусов. Несмотря на очевидную простоту, далеко не все восьмиклассники справляются с этим заданием.

Вся вышеперечисленная программа рассчитана на полгода. Апофеозом этого курса является решение следующего уравнения:

$5(x + 3) – 7 = 3x + 12$.

Но это, по словам Кати, уже является для них высшим пилотажем, и справляются с этим заданием не более 10 процентов ее учеников.

По словам другого нашего общего коллеги Камиля Сафина, преподающего математику в Fonville Middle School, ни один из его учеников даже при наличии в руках калькулятора не способен ответить на вопрос – сколько яблок можно купить на восемь долларов, если стоимость одного яблока 1 доллар 53 цента. Если бы одно яблоко стоило два доллара, то есть числа делились без остатка, то ученики знали бы ответ. А вот реальный вопрос с реальными числами вводит их в полнейший ступор.

Закончив таким образом обучение в Middle School, ученики переходят в High School, где еще раз выясняется, что математики они не знают.

Могу поклясться чем угодно, что более половины моих учеников в девятом классе Westbury High School не могли выполнить простейшего действия типа

$47 + (–68) =?$

Что касается математики, то программа High School не сильно отличается от программы Middle School. Теоретически самым верхом в обязательной программе по математике являются логарифмы и решение квадратных уравнений. На практике же большинство школ и учителей либо полностью отказываются от логарифмов, либо просто формально объясняют, что это такое.

Когда я в конце учебного года спросил своих учеников одиннадцатого класса, чему равен десятичный логарифм ста, то лишь двое из восьмидесяти опрошенных дали правильный ответ. Это при том, что вопросу предшествовало краткое объяснение, что такое логарифм.

Научиться решать квадратные уравнения среди учеников обычных классов могут процентов 10–20. Как я уже упоминал ранее, таких предметов, как тригонометрия или дифференциальное исчисление, в обязательной программе не предусмотрено совсем.

Умножение в присядку

Однако главное даже не в том, что американские ученики проходят, а в том, что они усваивают. Более половины учеников обычных классов не могут справиться даже с элементарными математическими заданиями, несмотря на то что проходили это неоднократно, начиная с класса шестого и кончая одиннадцатым. А это уже говорит о том, что дело здесь не только и не столько в программе, сколько в методике и методологии обучения.

Основной целью обучения на уровне начальной и средней школы не является выработка каких- либо навыков и умения мыслить. Задача – дать общее представление о материале, суть которого сразу же после написания контрольной работы благополучно забывается. Вместо скучного логического мышления ученикам даются игровые шаблоны-схемы, с помощью которых они должны решать те или иные примеры и задачи. Никакого понимания производимых действий при этом нет. Впоследствии для решения другого типа задач им даются другие шаблоны. Эти шаблоны наслаиваются один на другой. В результате в головах обучаемых образуется какая- то дикая смесь обрывочных знаний и отдельных кусков всех этих схем- шаблонов.

Например, каждый американский ученик с начальной школы знает поговорку «Please Excuse My Dear Aunt Sally». Этот шаблон подсказывает порядок выполнения математических операций. Первое слово please начинается на ту же букву, что и parentheses, что означает «скобки». Это означает, что в первую очередь нужно делать то, что в скобках. Далее следует степень, потом умножение, деление, сложение и вычитание. Зазубрил эту поговорку – и никакой тебе скучной логики. При этом они не понимают, что для умножения и деления важен порядок следования действий в записи числового выражения (аналогично для сложения и вычитания). Если они видят пример:

6: 3 × 5 =?

то они сначала умножат 3 на 5, а потом разделят 6 на 15 и получат ответ 0,4 в строгом соответствии с шаблоном- поговоркой.

Думать же логически и разбираться в задаче они не приучены. Таких любимых нами в детстве задач, как «Из пункта А в пункт Б вышел поезд» в их учебной программе нет совсем. Я очень сомневаюсь, что даже американские ученики старших классов смогут решить такие задачи.

Вместо логического мышления дети в школе обучаются играм и манипуляциям. Они на сравнительно короткий срок (как правило – до конца урока, в лучшем случае – до ближайшей контрольной) обучаются простым операциям- схемам, суть которых – что куда и как перенести или передвинуть. Вот, например, как их учат переводить метры в сантиметры.

Перед учениками шкала, на которой расположены приставки единиц измерения, начиная от меньших слева, заканчивая крупными справа:

милли, санти, деци, один, дека, гекто, кило.

Каждой единице соответствует ячейка. Таким образом, между метром и сантиметром две ячейки. Чтобы записать, например, 5,372 метра в сантиметрах нужно перенести запятую на две ячейки. Теперь самое главное – нужно решить, в какую сторону переносить. Инструкция такова – все время переноси в сторону, обратную движению. По нашей шкале от метров к сантиметрам мы движемся справа налево, значит, запятую нужно перенести слева направо. Получаем 537,2 см. Осознать, что в метре 100 см и соответственно значение, выраженное в см, будет в сто раз больше, для них слишком сложно. Очень немногие могут понять это и использовать на практике.

Читатель мне не поверит, но большинство учеников 11 класса постоянно путаются, переводя граммы в килограммы и наоборот. Если они перепутали, в какую сторону

перенести запятую, то вполне могут написать:

34,5 г = 34500 кг,

совершенно не смутившись полученным результатом.

Так они и переносят знаки слева направо и справа налево, не понимая смысла выполняемых операций. Учителя даже и не пытаются объяснить студентам, в чем истинный смысл этих действий. Отчасти потому, что многие учителя в свое время сами обучались по подобным методикам.

Для лучшего усвоения материала учителей принуждают использовать "передовые методы обучения". Суть одного из них, на презентации которого мне пришлось побывать, заключается в том, что, совершая вышеописанное действие, ученики одновременно совершают физические движения. Они хлопают в ладоши, прыгают, трясут вытянутыми вверх руками и в одном случае (при делении), приседая, опускают вниз левую руку, а в другом – правую. Очень хорошо делать это все под музыку. Здорово? Здорово! Если бы не одно обстоятельство. Все это происходит не в детском саду и даже не в начальной школе. Такие методики навязываются на всевозможных тренингах учителям средней школы.

Рабочие тетради и работа в группах

Расскажу еще об одном «гениальном» изобретении американской педагогической мысли. Кстати, эта заразная вещь в последние годы стала активно проникать в школы российские – родители, будьте начеку! Американские учителя, особенно гуманитарных и естественных наук, очень любят использовать так называемый worksheet, что в дословном переводе означает «рабочий листок». В России это называют рабочими тетрадями. Эти рабочие листки прилагаются как дидактический материал к любому изданию учебника. Для учителя они хороши тем, что не болит голова, какие составить вопросы и задачи – все уже продумано за него.

Рабочий листок разработан для каждого отдельного параграфа учебника и содержит от десяти до двадцати пунктов по теме каждого урока. Каждый пункт есть какое- либо утверждение, но в этих утверждениях пропущены отдельные ключевые слова или целые фразы. Ученики должны вписать пропущенные слова и фразы. Иногда дается утверждение и нужно ответить, верно утверждение или ложно.

По замыслу ученик, видимо, должен прочитать материал по учебнику, понять его, запомнить, а потом заполнить пробелы в рабочем листке. Американские студенты очень любят такую работу, особенно когда им разрешается выполнять эту работу в составе небольших групп. Я, будучи начинающим американским учителем, тоже иногда прибегал к этой форме обучения. Дал задание, и они его делают чуть ли не весь урок.

Как- то моя собственная дочь, учась в седьмом классе Johnston Middle School, принесла домой такой worksheet в качестве домашнего задания по истории. Для выполнения этого задания ей предстояло прочесть в учебнике параграф объемом одиннадцать страниц. Это был только третий месяц ее пребывания в Америке, английского языка до приезда в страну она не знала, и на тот момент только- только начинала что- то понимать.

Задание было для нее невыполнимое, текст учебника оказался сложным даже для меня. Тем не менее я предложил ей поработать для начала самостоятельно, педагогично рассудив, что детей нужно приучать самостоятельно преодолевать трудности. Каково же было мое удивление, когда через часик она протянула мне практически полностью заполненный worksheet! Причем более половины задания было сделано правильно. Я задал ей пару наводящих вопросов, из чего мне стало понятно, что она по- прежнему почти ничего не понимает из текста. Тем не менее, задание выполнено – листок заполнен!

В чем же дело? А в том, что предложения в рабочем листке идентичны с предложениями в тексте учебника. Необходимо только найти соответствующее предложение

в учебнике и отыскать в нем пропущенное слово…

Нужно ли говорить, уважаемый читатель, что и американские ученики поступают совершенно так же, как это сделала моя дочь. За очень редким исключением они не понимают того, что написано в учебнике. (Вам кажется это утверждение абсолютно голословным? Тогда вот, пожалуйста, – данные Национального центра образовательной статистики Америки. Согласно им, 70 % выпускников американских школ не понимают письменный текст средней сложности. Другими словами, не понимают того, что читают.)

Подавляющее большинство учеников не могут подобрать правильного слова, если предложение в рабочем листке сформулировано несколько иначе, чем в тексте. Причем в этом случае совершенно не важно, что вопрос очень простой и для ответа не нужно даже знать предмета, что это всего лишь здравый смысл. Многие из них не смогут написать, что вода – это жидкость, а кислород – газ, если не найдут идентичного предложения в тексте учебника. Но авторы учебника – люди понимающие, и потому тексты в рабочем листке и учебнике сходятся на 90 процентов.

Это еще не все. Для пущей эффективности студенты могут заполнять эти рабочие листки не индивидуально, а в составе небольшой рабочей группы из трех- четырех человек. Американцы очень гордятся такой системой обучения (group work) и считают, что она гораздо эффективнее традиционной, где каждый выполняет свое задание в одиночку. Считается, что в группе обучаемые помогают друг другу усваивать материал. Они делятся мыслями, идеями, что- то друг другу подсказывают и пр. Согласен, в самой идее что- то есть. В определенных условиях такая методика может дать результат. Например, если мотивация обучаемых очень высока, то по такой системе можно предложить решать сложные многоступенчатые задачи. Также система хороша в выполнении лабораторных работ.

В условиях же обычной американской школы это совершенно не работает. Я заметил, что даже в моем самом продвинутом классе, где мотивация учащихся неимоверно высока, реально в работе участвуют один или двое членов группы – те, что быстрее соображают. Остальные просто не могут угнаться за ходом мыслей лидеров. В лучшем случае они успевают понять, как лидеры решили задачу. Но понять – еще не значит научиться. Как известно, решенное другим человеком недолго задерживается в памяти.

В обычных же классах происходит следующее. Если ученики настроены работать, а учитель стоит над ними, то лидер выполняет задачу, а остальные просто бездумно списывают с него. В худшем же случае они болтают на посторонние темы, попутно что- то там пописывая на своих листочках. Читать написанное, как правило, нет никакого смысла.

Эта форма работы хороша тем, что в результате все справляются с заданием. Неважно, что один делал, а трое списывали, все четверо получают одинаковую хорошую оценку. Вот она, успеваемость, вот они, показатели! Вот оно, торжество американской системы образования, где every student can learn, every one can be successful!!!

Устный счет на калькуляторе

Ученики 11 и 12 классов, успешно закончившие курсы Algebra- 1 и Algebra- 2, не могут разделить десять в шестой степени на десять во второй. Причем они послушно зазубрили правило (чувствуется, что это вдалбливалось достаточно долго и упорно): “умножаем – складывай степени, делим – вычитай”. Но вот произвести эти действия правильно могут единицы. Как вы думаете, что они делают, чтобы произвести эти вычисления? Догадались? Достают калькуляторы. Нет, они не набирают шесть нулей после единицы. Это продвинутые дети, и у них продвинутые калькуляторы, где есть кнопочка для работы с экспонентами! Они используют эту кнопочку и… все как один получают неправильный результат…

Оценить же полученный результат они не в состоянии. Могут, к примеру, поделить десять в третьей степени на десять во второй (то бишь тысячу на сто) и предъявить ответ:

десять в пятой. То, что полученное число больше первоначального, их нисколько не смущает. К тому же многие из них просто не понимают, что десять в пятой степени – это сто тысяч, да и просто не в состоянии осознать величину этого числа. Многие не понимают, что тысяча – это десять сотен. И если большинство все же слышали, что миллион – это тысяча тысяч, то представить миллион как сто раз по десять тысяч способны лишь единицы.

Устный счет не развит совершенно. Любой набор цифр повергает их в шок.

Как- то в начале своей работы в американской школе на уроке химии в одиннадцатом классе показываю классу решение задачи на доске. После того как собственно химическая часть решения задачи закончилась путем постановки в формулу всех необходимых значений, получилась большая дробь: два числа в числителе, три в знаменателе, несколько экспонентов.

Я предлагаю им самостоятельно завершить вычисления, справедливо полагая, что это уже дело техники, и ученики 11 класса справятся с этим легко. Наивный! Бедные учащиеся растерянно смотрят на эту дробь, не зная, какую цифру первой ввести в калькулятор и главное – как это сделать, ведь обычные числа чередуются со степенями. Я им предлагаю решить это без калькуляторов. По классу проходит смешок. Они думают, что учитель так нестандартно шутит.

Тогда я приступаю к решению и начинаю с сокращения чисел. Числа простые, специально подобранные для облегчения счета. Студенты понимают каждое мое отдельное действие и кивают головами. Более того, начинают подсказывать, что сократить на следующем этапе. Через какое- то время мы вместе с ними получаем ответ, и по классу прокатывается гул восторга. Они обалдело улыбаются и смотрят на меня как на факира. Дэвид Копперфилд отдыхает! И тут я понимаю, что за все одиннадцать лет учебы в школе я первый учитель, кто показал им пример устного счета.

Это все происходит в моей образцово- показательной школе, где успевающие ученики. Они очень хотят понять, как это делается. Это прекрасные милые молодые люди с приятными лицами, и я искренне хочу научить их чему- нибудь. Поэтому начинаю им объяснять математику, хоть это и не моя работа. Прошу их отложить в сторону калькуляторы и пытаюсь задействовать их логику – не работает. Бьюсь над этим минут десять, заходя к проблеме со всех сторон – не доходит!

Тогда начинаю объяснять то же самое по американской схеме – большая половина класса тут же улавливает суть, и весь остаток урока нормально решает задачи. Но на следующий урок повторить то же самое могут уже лишь единицы. И это понятно – схема не может сидеть в голове долгое время.

Полный ноль

За несколько лет преподавания химии я заметил один интересный и очень показательный факт. Абсолютное большинство американских студентов совершенно не понимает категории «плотность». Учащиеся одиннадцатого класса не могут написать простейшей формулы:

Плотность = Масса / Объем

Они не в состоянии понять самой идеи плотности вещества как массы на единицу объема. Вместо понимания им предлагается зрительно запомнить картинку в виде круга, поделенного на три части. В верхней части находится масса, а в двух нижних плотность и объем. Запомнить это, разумеется, невозможно, поэтому они постоянно путаются.

В ходе недавней подготовки к государственному тесту ученики десятого класса должны были ответить на вопрос: “Если деревянный брусок распилить пополам, чему будет равна плотность каждой половинки?” Только 20 процентов ответили, что плотность останется та же, 60 процентов ответили, что плотность каждой половинки будет в два раза меньше начальной. Еще 20 процентов ответили, что плотность будет в два раза больше…

Даже если дать им вышеприведенную формулу, то они не способны на этом основании выразить массу или объем через две другие переменные. Это свидетельствует о полном отсутствии логического мышления. В принципе уже только за одно это можно смело ставить «неуд» всей американской системе образования.

Основная проблема американских студентов заключается в отсутствии базы – минимума знаний и навыков, необходимых для усвоения более сложного материала. Все точные науки, как известно, уже на школьном уровне используют математические модели и соответствующий математический аппарат для описания физических или химических явлений. Не зная элементарной математики, невозможно усвоить ни более сложную математику, ни физику, ни химию.

Свою негативную роль в преподавании и усвоении материала играет блочная система организации преподавания предметов. Тот факт, что каждый предмет студенты изучают лишь один год и впоследствии к нему не возвращаются, конечно же, не способствует пониманию и усвоению преподаваемого материала.

Например, к 11- му классу студенты совершенно ничего не помнят из той химии, что изучали в курсе Integrated Physical and Chemical Science. Вроде бы по количеству часов они прошли курс, адекватный одному году обучения химии и одному году физики в российской школе, даже немного более. В российской школе по окончании годичного курса обучения химии большинство учеников имеют основные понятия о химических веществах, формулах и даже могут написать их. Самый последний двоечник помнит по крайней мере, формулы воды, серной и соляной кислоты, знает, что такое атом и молекула и т. д.

Американские студенты, когда приходят ко мне на предмет «Химия» в одиннадцатом классе, не знают из той химии, что они учили два года назад, абсолютно ничего. Причем я не говорю о каких- либо деталях предмета. Они не имеют представления об элементарном. Например, в чем разница между атомом и молекулой, что такое элемент, вещество. О химических формулах не стоит даже и говорить. Поэтому приходится всему этому учить их заново.

Сборник сказок по химии

Но вернемся к химии и физике. Или, точнее, к их началам. Хочу остановиться на учебнике по этому предмету. Учебник выглядит потрясающе. Его хочется взять в руки и прочитать или хотя бы просмотреть. Однако после просмотра понимаешь, что, кроме мелованной бумаги и красочных картинок, у него нет больше никаких достоинств. Материал учебника представлен очень описательно. На весь учебник не больше десяти формул для расчетов и двадцати задач для решения по этим формулам.

Тем не менее, большинство учителей при подаче материала стараются избежать даже этих десяти формул. Учебник написан таким языком и сопровожден такими картинками, чтобы его чтение было «фаном» и не требовало бы каких- либо раздумий. Такой учебник был бы, наверное, хорош для детей года на два- три помладше. Объем предложенной в учебнике информации достаточно большой, но материал дается очень поверхностно, как в плохом научно- популярном журнале. Это просто констатация интересных фактов. Причем актов, никак не связных между собой. Материалы предыдущих глав очень мало используются в последующем. Даже если студент пожелает выучить предмет то сделать это по такому учебнику будет очень проблематично.

Что интересно, учебник химии представляет собой явную противоположность. Напомню, что химия по блочной системе предлагается к изучению после вышеупомянутых «основ химии и физики». Так вот, американская программа по химии, помимо разделов, включенных в курс российской средней школы, содержит еще темы, которые в России изучают в университете. В то же время многого из нашего школьного курса химии просто

нет в американской программе. Если посмотреть внимательно, то становится понятно, что, собственно, исключена сама химия как таковая – как наука о превращении одних веществ в другие. Так, вся неорганическая химия (весь девятый класс российской программы) изложена в одной главе "Химические реакции", на изучение которой предусмотрено всего две недели! «Органическая химия» вообще отсутствует в программе. В то же самое время курс содержит множество достаточно трудных и диковинных разделов, которые мне, кандидату химических наук, пришлось вспоминать, а то и заново учить по американскому школьному учебнику. Например, приводится уравнение Шредингера.

Одним словом, многие разделы учебника химии доступны только для вундеркиндов. Причем таких, которые прекрасно помнят материал предыдущего курса. Но как мы уже хорошо знаем, абсолютное большинство американских учеников не являются таковыми.

Как, вы думаете, должен поступить учитель химии, когда перед ним сидят отнюдь не вундеркинды, а самые обычные американские дети? Как преподать им весь предполагаемый программой материал? Догадались? Правильно, никто из учителей и не пытается дать детям всю положенную программу. Я был поражен тем фактом, что большинство учителей дают не более 25 процентов от предусмотренного программой материала. Да и те 25 процентов на очень примитивном уровне, доступном для учеников, да еще и в силу своего понимания предмета. Причем такая ситуация не только с химией, но и с физикой и математикой.

Знаний все меньше, оценки все выше

А как же контроль над полученными учениками знаниями? – спросите вы. Должен же кто- то его осуществлять?! Контроль очень своеобразный. Администрацию школы интересуют лишь оценки. И чтобы все были довольны – и ученики, и их родители. То же самое, по большому счету, интересует и администрацию дистрикта. Я был просто потрясен, когда понял, что работу учителя в этом плане никто не проверяет. Отсутствует не то чтобы контроль – нет даже какой- либо попытки поинтересоваться: а что учителя там преподают у себя в классах? Государственная программа вроде бы существует, но по сути каждый учитель волен делать то, что хочет. Наверное, это связано с тем, что если требовать от учителя преподавания программного материала, то логично проверять и усвоение этого материала учениками. Если на это пойти, то успеваемость по основным предметам будет не выше 10 процентов.

Единственной формой контроля знаний учеников является сдача государственного экзамена, причем не в конце учебного года, а почему- то в апреле месяце.

Причем до 2001 года эти экзамены проводились только по математике, английскому языку и гуманитарным предметам. По таким предметам, как химия, физика, и биология, эти тесты не предусматривались вообще. Единственным критерием знаний учеников по этим предметам служила учительская оценка. По математике тест проводился, но задание представляло собой такой примитив, что с контрольной для девятого класса легко справится любой двоечник- семиклассник российской школы. Удивительно, что при этом около 30 процентов учащихся дистрикта умудрялись завалить этот тест.

Мне достаточно трудно оценить сложность тестов по английскому языку. Во всяком случае, ваш покорный слуга на первом году работы в школе со своим отнюдь не блестящим английским легко справился с большинством из предлагаемых вопросов теста для 9- го класса.

В 2002 году в области государственного контроля в Техасе произошли некоторые изменения. Прежде всего изменили название теста с TAAS на TAKS и одновременно несколько усложнили вопросы, но до сих пор они достаточно просты по сравнению с российской программой. Чтобы убедиться в этом, можно просто взглянуть на предлагаемые задания и вопросы. Было бы очень утомительно приводить их в этой книге. Интересующиеся

могут сами ознакомиться с содержанием тестов, заглянув в Интернет по следующей ссылке:

www.state.tx.us/student.assessment/resources/release/taks/index.html или же просто набрав ключевые слова TAKS – test release в поисковике Google.

Нужно ли говорить, что форма всех тестов – Multiple Choice, где студенты должны просто выбрать один ответ из четырех предложенных.

В 2002 году ввели объединенный тест по естественным предметам и назвали его Science. В этом тесте 40 процентов вопросов по биологии, 25 процентов – по химии и 25 – по физике. Еще 10 процентов составляют вопросы на общее развитие, умение читать таблицы, графики и пр. Теперь следите за моей мыслью внимательно.

Начала химии и физики они проходят в девятом классе, биологию в десятом, химию в одиннадцатом и экзамен сдают тоже в одиннадцатом! Гениально, не правда ли? Как много материала студенты будут помнить по прошествии года или двух? Почему бы не протестировать знание предмета по окончании курса в конце учебного года? – спросите вы. Ответа на этот вопрос не существует. Во всяком случае, американские учителя его не знают. Хорошо лишь то, что такое явное несоответствие тестируемых вопросов с пройденным материалом компенсируется легкостью вопросов.

Меня больше всего удивило именно это несоответствие содержания вопросов государственного экзамена государственной же учебной программе. Следующим впечатляющим моментом было то, что все вопросы очень общие и не требуют особых знаний предмета. Они вроде бы по предмету, но в то же время и не по предмету. Большинство представляют собой, как это называют сами американцы, common sense, что значит «здравый смысл». Вопросы составлены так, что любой более- менее развитый ученик может легко ответить на 70 процентов из них.

Сами посудите, нужны ли какие- либо особые знания химии, физики или биологии, чтобы ответить на вопрос «Что станет с рыбой, если в воде сократиться содержание кислорода?» Или как вам следующий вопрос: «Вода зимой в водоеме не промерзает до дна, потому что лед, образуемый на поверхности, обладает свойствами: a) интерференционными, в) теплоизолирующими, c) электропроводными, d) магнитоотталкивающими?»

Интересно, какой ответ может выбрать любой человек, если он не абсолютный кретин? Еще больше подобных вопросов вы можете увидеть сами на вышеприведенном сайте. Все, что вам нужно для получения этого удовольствия, – знание английского.

Теперь давайте поговорим о самом интересном. Как вы думаете, в департаменте образования штата знают о положении вещей в школе? Вопрос риторический. Что же они там ничего не делают? – спросите вы. А что они могут сделать? И зачем? Повысить требования? Тогда не 30, а 80 процентов учеников завалят тесты. Как следствие, работу сотрудников департамента признают неудовлетворительной. Всех поувольняют, а их место займут другие, не столь умные и активные. Желающих на такое теплое место хоть отбавляй. Работка не пыльная, а зарплаты не в пример учительским. Так что кому это надо? Никому! Поэтому уровень успеваемости по дистрикту и в целом по штату из года в год стабильно повышается. Правда, я не знаю, что они будут делать, когда этот показатель приблизится к 100 процентов. Согласитесь, стопроцентная успеваемость при таком уровне образования – уже слишком.

Но это вопрос будущего, а пока система работает без сбоев, так как устраивает абсолютно всех. В этом ее прочность и незыблемость.

Глава 9. О бедном учителе замолвите слово

Аппликация как сложный механизм

Теперь, когда у читателя уже сложилось общее впечатление об учениках, необходимо поговорить о фигуре в образовании центральной – об учителе.

Полагаю, читателю уже понятно, как работают американские учителя? Большинство из них предпочитают просто играть с детьми в классе, вместо того чтобы заниматься. Даешь им какое- нибудь игровое занятие, они его 90 минут делают. Куча «фана». Никаких тебе затрат энергии, никаких нервов. Пока они заняты, можно почитать книжку или по интернету полазить. А в конце урока раздаешь оценки – четверки и пятерки. Все довольны, все смеются. Ученики хорошо провели время и получили «фан», а заодно и хорошие оценки. Учитель, особо не напрягаясь, достиг высокой успеваемости. А главное, все остались довольны друг другом. Идиллия!

Как- то в моей первой школе я тоже решил провести игровое занятие. Тема была «простые механизмы». Помните такое из механики? Рычаг, наклонная плоскость, блок и т. д. За советом я обратился к своему co- teacher. По- русски – «соучитель». Это по сути второй учитель в классе. Он выделяется в некоторых случаях на подмогу основному учителю, если в классе слишком высок процент учеников с официально признанными learning disabllities или behavior problems, что значит "проблемы с усвоением материала" и "проблемы с дисциплиной". У меня таких в каждом классе было человек по пять. На мой вопрос об игровом занятии соучительница ответила, что может вообще провести несколько уроков сама. Я несказанно обрадовался такой возможности – как это раньше не приходило мне в голову? Надо сказать, что дама эта – американка с большим стажем работы в школе, кандидат педагогических наук. Итак, на следующие два дня я превратился в зрителя.

Первый день проходил в форме обычного урока. Моя коллега пыталась объяснить ученикам суть простых механизмов в меру своего понимания этого вопроса. Первое, что я уяснил, – она сама не понимала, что такое простые механизмы. Суть ее объяснений сводилась к тому, что в повседневной жизни нас окружают как простые, так и сложные механизмы. И даже внутри нашего организма полно простых механизмов (В учебнике есть картинка, где в качестве примера рычага приведен локтевой сустав человека.) Впрочем, такие слова, как «рычаг» или «лебедка», в ее речи не звучали совсем.

На следующий день в классе появилась куча бумаги, старые журналы, ножницы и клей. Задание для учеников было следующее. Найти на рисунках в журнале различные примеры простых механизмов, вырезать эти картинки и наклеить на ватман, соответственно проклассифицировав их. При этом коллега дополнительно сделала обзор простых механизмов, добавив, что есть и сложные механизмы – сочетание нескольких простых. Для читателя, неискушенного в физических науках, я напомню, что классическим сложным механизмом является велосипед.

Он объединяет в себе и рычаг, и блок, и лебедку, и много чего еще. А клюшка в руках хоккеиста может служить примером рычага.

Так вот, сложные механизмы нужно было клеить в отдельную колонку. Простые – в другую. Работа закипела. Все действительно были счастливы. Дети поглощены делом, мы с ней – непринужденной беседой. В конце урока студенты сдали свои работы, и коллега их оценила.

Каков же был результат работы? Практически никто не представил ни одного правильного примера простого механизма. Зато у всех на листах красовались фотографии автомобилей, компьютеров, телевизоров и магнитофонов из рекламных журналов с подписью, что все это сложные механизмы. Но это не помешало учительнице расставить оценки, некоторые из которых были вполне хорошие.

И что, все учителя- американцы такие? – спросите вы меня. Отвечаю – не все, но многие. Если в России учитель- профан – это скорее исключение из правил и большинство наших учителей знают предмет, который преподают, в США неквалифицированность преподавателей – явление массовое. Сошлюсь на данные, опубликованные в 2005 году

исследовательским центром Education Trust. Согласно этому докладу, около 24 % учителей, работающих в школах США, никогда не занимались изучением преподаваемых ими предметов…

О пользе компьютеризации

В первой моей школе в соседнем классе учительница- американка – черная женщина лет эдак 55 – 60 – вела информатику. Одета небрежно, взгляд совершенно ничего не выражает. Как- то в самом начале школьного года я не мог разобраться со своим классным компьютером и имел неосторожность обратиться к ней за помощью. Мне казалось, что это логично – человек преподает информатику, компьютеры в ее классе на каждом столе. По последовавшим ответам я понял, что эта дама вряд ли знает, как включить компьютер в сеть. Дети на ее уроках просто стоят на ушах. Как- то я спросил нескольких из ее учеников, чему она учит. «Ничему», – был ответ. "Что же выделаете в классе?" – спросил я. "А ничего не делаем", – ответили дети. И действительно, проходя мимо ее класса, я частенько наблюдал, как дети развлекались самостоятельно, в то время как она сидела за своим столом и спокойно почитывала книжку. Тем не менее, видимо, это вполне устраивало администрацию школы…

Устраивать администрацию школы – важное, но не единственное требование к американскому учителю. Нужно еще устраивать родителей. А что нужно родителям? Думаете, знания их детей? Ошибаетесь. У большинства родителей единственное требование к учителю – быть nice (приятным). Среднестатистического американского учителя такое положение дел вполне устраивает. Они с детства знают, как быть nice, – сами когда- то были учениками. А реальные знания здесь никому не нужны.

Есть еще один момент. Очень многие родители смотрят на учителя, как клиент на сотрудника нанятой ими фирмы. Из моих налогов ты получаешь зарплату, рассуждают они, так и потрудись. Почему это у моего ребенка оценки плохие? Учи его должным образом! Ты за что деньги получаешь?!

Маленькое отступление. Любая фирма в Штатах за более- менее квалифицированный труд платит как минимум в полтора раза больше, чем зарабатывает учителя в государственных школах. Поэтому, как правило, в учителя идут те американцы, кого не берут на фирмы, кто больше ничего не может. Кого вполне устраивает непыльная работа учителя. Причем большинство из американских учителей в разговоре обязательно упоминают, что они преподают в школе, так как им нравится работать с детьми. Конечно, есть и такие. Но их меньшинство.

Чтобы работать учителем в Америке, достаточно иметь степень бакалавра. Как они эту степень получают, для меня остается загадкой. Из беседы с некоторыми моими коллегами, имеющими степень бакалавра по химии, я понял, что они знают химию чуть- чуть побольше, чем я знал ее после окончания средней школы.

Думаю, что приведенные мной примеры более чем убедительно раскрывают профессиональный уровень американских учителей. Мне возразят, что наверняка не все учителя такие, что найдутся и более достойные примеры. Согласен, найдутся. И далеко за ними ходить не буду. Загляну опять- таки в соседний со мной класс, только уже расположенный с другой стороны. Учитель там белый американец, мужчина за сорок. Ведет тот же предмет, что и я. Сразу видно, человек интеллигентный, образованный, отнюдь не глупый и просто приятный во всех отношениях. У него на уроках нет бардака, напротив – полный порядок. Как вы думаете – учебный процесс в его классе сильно отличается от учебного процесса моей коллеги с другой стороны? Давайте посмотрим.

Урок у него идет по следующему отлаженному плану. В самом начале он дает ученикам задание. Оно не сильно отличается у всех учителей школы и, как правило, заключается в том, ученики переписали определенные абзацы учебника к себе в тетрадки. Дав задание, мой

коллега погружается в свой компьютер и не вылезает из него до самого конца урока, кроме как для того, чтобы дать пару раз дополнительные инструкции и прикрикнуть на нарушающих дисциплину.

В течение первого своего учебного года я раз двадцать наведывался к нему в класс во время урока по какому либо делу и неизменно заставал его за компьютером. Причем он пользовался не школьным компьютером, хотя тот и стоял рядом, а своим личным ноутбуком, который неизменно был подключен к интернету. При моем появлении он улыбался дежурной американской улыбкой и прикрывал крышечку ноутбука так, чтобы я не мог видеть, что на экране. Из этого следовало, что там все что угодно, но только не связанное с учебным процессом. Я строил различные предположения относительно того, чем он мог заниматься, начиная от операций в онлайне на фондовой бирже, кончая банальной порнографией или играми, но это так и осталось для меня загадкой. В любом случае мужик был очень далек от дел школьных.

Звездные войны на уроке химии

Должен заметить – все эти мои примеры из худшей школы. Давайте посмотрим, как обстоят дела в образцовом учебном заведении.

В школе, кроме меня, еще пять учителей химии, преподающих (вернее, преподававших до моего прихода) все возможные уровни этого предмета. По идее мы должны регулярно контактировать – обсуждать текущий материал и планы уроков на ближайшую перспективу. Директор школы требует, чтобы все учителя, ведущие один предмет, шли примерно в ногу. Поэтому в самом начале работы в этой школе я бегал за своими новыми коллегами, пытаясь призвать к обсуждению материала. Но мне никак не удавалось это сделать. Дальше общих слов дело не шло. Они упорно не хотели обсуждать это не только со мной, но и друг с другом. Где- то через месяц я наконец, понял, что каждый из них просто преподает то что хочет. Так им гораздо легче.

Я не очень переживал по поводу своих обычных классов. На них всем по большому счету наплевать. Но IB- классы не давали мне покоя. Это визитная карточка школы, и поэтому они находятся под постоянным контролем администрации. Поэтому я беспокоился, что моя программа будет отличаться от той, что дает в своих классах мисс Гримм, ведущая тот же курс. Мисс Гримм – белая американка предпенсионного возраста. Имея огромный педагогический стаж, она слывет опытным педагогом. Будучи руководителем кафедры естественных дисциплин, держится она очень уверенно и разговаривает с коллегами достаточно надменно. Я сделал несколько попыток обсудить с ней учебную программу, но они не увенчались успехом по причине ее большой занятости. Единственное, что она сделала, – это взяла посмотреть одну из моих контрольных работ на рецензию. Свое заключение мисс Гримм сделала надменным и полным достоинства тоном, заявив, что мои задания слишком простые для IB- класса. Я это проглотил и попросил ее контрольную посмотреть, каков же должен быть уровень требований. Свою контрольную она мне не показала. "Я очень сомневаюсь, – гордо заявила она мне, – что ваши студенты справятся с моей контрольной".

Я ходил за ней еще около месяца, пока наконец, не стал понимать, что коллега просто избегает разговора со мной на эту тему. Она категорически не хотела говорить мне, что конкретно преподает, какие дает задания и каковы критерии оценки знаний учеников. Потом я заметил, что она здорово отстает от утвержденной общешкольной программы. Так, например, она более двух месяцев сидела на вводной теме, которой по программе уделено менее двух недель. А чуть позже мне случайно попали в руки ее прошлогодние экзаменационные билеты. То, что я увидел, просто потрясло меня. В этих билетах не было никакой химии вообще. Там были какие- то околохимические вопросы, но только не сама

химия как таковая. Человек, мало- мальски знакомый с предметом, никогда бы не составил таких вопросов.

Я заволновался. С одной стороны, я должен преподавать то же, что и она. С другой – преподавать эту ересь просто невозможно. Тогда я пошел к координатору IB- программы мистеру Мейллому и заявил, что объективно не могу преподавать то же, что и мисс Гримм. А потом добавил: "Мне кажется, она не до конца понимает тот предмет, что преподает". Он рассмеялся и ответил, что я не первый, от кого он это слышит, и разрешил мне преподавать по своему усмотрению без оглядки на других учителей. А очень скоро от кого- то из американских коллег я узнал, что мисс Гримм вообще не имеет химического образования. У нее всего лишь степень бакалавра то ли по географии, то ли еще по чему- то, столь же далекому от химии. И тут все стало на свои места.

Стараясь делать свою работу грамотно и честно, постепенно среди студентов я снискал авторитет как знающий свое дело учитель химии. Те из них, кто был заинтересован в предмете, старались попасть в мой класс. Остальных мисс Гримм вполне устраивала, так как, по их словам, в классе они ничего не делали, приятно проводя время. Я уже привык к такому положению вещей, как вдруг в этом году произошло интереснейшее событие, из чего стало ясно, что доля учеников, понимающих, что происходит на уроках химии, не так уж мала.

Бывшая выпускница нашей школы Alexandra Weise на страницах региональной газеты Houston Chronicle поделилась впечатлениями от уроков мисс Гримм. Автор не называет имени своего учителя, но из текста сразу становится ясно, про какого именно учителя химии данная статья. Статья называется A breakdown of teacher' s worth. Просто процитирую отдельные моменты.

"… Мы надолго запомним наши уроки химии в M.B. Lamar HS. Мы обсуждали политические вопросы, оттачивали свое мастерство в пародировании завучей школы, играли в игры и, наконец, мирно засыпали, когда действие дневной нормы антидепрессантов заканчивалось. Невероятно, как много химии мы могли бы выучить в течение нашего 90 минутного урока, если бы учитель действительно присутствовал в классе.

Не поймите меня неверно, учитель значился в наших расписаниях, но мы очень быстро поняли, сколь неоднозначно может быть это понятие. Профессионал, получающий зарплату за преподавание химии, занималась реальным обучением не более 13 минут в течение каждого урока. Если, конечно, чтение вслух ответов на вопросы домашнего задания может быть рассмотрено как учебный процесс…

… Каждый свой день она начинала с того, что исчезала сразу после отмечания посещаемости и возвращалась в класс через полчаса с пакетиком чипсов, кока- колой и конфетами из ближайшего магазина. Вернувшись, она погружалась в свою электронную почту (и иногда даже одаривала нас последними циркулирующими в Сети шутками). После этого перемещалась в коридор пообщаться с коллегой. Несомненно, они обсуждали, как внедрить последние революционные теории образования в свое преподавание. Возвращалась учительница в класс за 15 минут до завершения урока, так как это было время для ежедневного обсуждения избранных моментов кинофильма "Звездные войн".

Я должна признать, что мои уроки химии не были сплошным разочарованием. Я была очень заинтересована тем, почему Qui- Gon Jinn должен быть быть кремирован, вместо того чтобы раствориться в сиянии подобно Yoda.

Оглядываясь назад, я задаюсь вопросом, почему за столько лет руководство дистрикта не осознало, что происходило и до сих пор происходит на уроках этой учительницы".

По идее после этой статьи директор школы или руководство дистрикта должны были начать служебное расследование. Дело даже не в рассказе о «Звездных войнах» и безделье на уроке – это в порядке вещей. А вот оставление класса является грубейшим нарушением трудовой дисциплины. Мы не имеем права отлучиться из класса во время урока даже в туалет, не найдя для себя на это время какую- либо замену. Студентов нельзя оставлять без

присмотра.

Что же вы думаете? Администрация школы отреагировала на эту статью номинированием нашей уважаемой мисс Гримм на звание учителя года… Почему? Да потому, что она всех устраивает. Как я уже упоминал ранее, многим студентам и их родителям глубоко наплевать на знания по химии. На ее уроках за приятное времяпровождение они получают хорошие отметки. Что еще нужно? Вот эта категория и заявила, что вполне довольна уроками своего учителя.

Самое печальное то, что мисс Гримм не исключение… Складывается впечатление, что многие американские учителя не только не могут, но и просто не хотят что- либо делать в классе. И действительно, для этого нет никакой мотивации. Зарплата учителя никак не связана с результатами его труда. Ты можешь быть прекрасным учителем или же с чего не делать, деньги одни и те же.

Время от времени я устраиваю среди своих студентов анкетирование. Среди прочих – вопрос о том, что им нравится и что не нравится в моем классе. Это помогает мне лучше понять их потребности, проблемы и ожидания. Американские студенты очень открыты к такому диалогу и пишут прямо все что думают. Не нравятся им совершенно разные вещи – начиная от температуры в классе и заканчивая тем, что я задаю мало домашней работы. А вот в том, что нравится, они все поразительно сходятся. Даже студентам обычных классов нравится то, что я действительно учу их своему предмету. Некоторые пишут, что я единственный учитель, который точно знает предмет, может его объяснить, и что в моем классе они чему- то научились. Признаться, я был очень удивлен, когда в первый раз обнаружил такие признания. Это говорит о том, что большинство студентов учиться все-таки хотят и с удовольствием бы учились, если бы их чему- либо учили.

Как же я был потрясен, когда выяснил, что и другой учитель, которому доверено вести углубленный, по сути дела университетский уровень химии, также имеет степень бакалавра по математике, а не по химии. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Вот тебе и хваленая IB-программа.

Кто же допускает непрофессиональных работников к преподаванию? Как читатель уже понял, в Америке для преподавания какого- либо предмета не обязательно иметь специализацию именно по этому предмету. Все что нужно – это сдать квалификационный экзамен по предмету. Мне пришлось сдать такой экзамен по химии в связи с необходимостью получения сертификата. Вкратце поясню, что он из себя представляет. Прежде всего, 25 процентов вопросов предлагается не по химии, а по педагогике. Оставшиеся 75 представляют собой такой примитив, что на них легко ответят большинство моих американских учеников. Таким образом, чтобы преподавать предмет, знать его совсем не обязательно.

Впрочем, совсем не обязательно даже уметь писать и читать. Когда эта книга уже готовилась к печати, мне на глаза попалась статья, опубликованная в San Diego News, об учителе Джоне Коркоран, который 17 лет проработал в школе, будучи абсолютно безграмотным!

Оказывается, в начальной школе маленький Коркоран так и не сумел освоить чтение и письмо, однако учителя обращали на это мало внимания, списав его в разряд «дурачков». В старших классах Коркоран уже сам принялся изощряться, врать, пропускать уроки, чтобы скрыть от окружающих свою безграмотность. Он крал тесты, просил друзей выполнять за него задания, подделывал документы и в 1956 году получил- таки свой аттестат.

Показательна в этой истории позиция родителей, которые, когда их вызывали в школу, говорили, что у их ребенка нет никаких сложностей при чтении и письме, просто он эмоционально неуравновешен и испытывает некие психологические затруднения.

Безграмотность не помешала Коркорану продолжить свое «обучение» в Texas Western College, который он благополучно закончил в 1961 году со степенью бакалавра в области

образования. Сразу после этого он устроился преподавателем в среднюю школу Oceanside School District в Калифорнии, где отработал 17 лет!

Поражающая воображение история свидетельствует об уровне требований и контроле за деятельностью учителя в Штатах. Показателен и сделанный Коркораном выбор профессии. Он справедливо рассудил, что на этой работе умение читать ему не понадобится.

Глава 10. Взрослые игры

Чтобы избежать упреков в субъективности, дополню картину обзором совершенно объективного документа.

Вообще- то я погрешил против истины, заявив, что работа учителя никак не контролируется. Контролируется, но весьма своеобразно. Внутри дистрикта есть целый департамент, который отвечает за систему профессиональной подготовки и оценки работы учителей. Называется эта структура Professional development and appraisal system, сокращенно PDAS. Задача этой системы – способствовать профессиональному росту учителей, а также оценивать их работу с выставлением отметки по итогам учебного года.

Каждый учебный год работающий учитель независимо от его стажа, опыта и заслуг обязан повысить свой уровень посредством посещения минимум сорока часов семинарских занятий. На этих занятиях лекторы- методисты энергично пытаются убедить учителей со стажем в том, что их методы и приемы безнадежно устарели. Оказывается, последние достижения науки доказали, что учить нужно по- другому, и вот сейчас методисты покажут – как именно.

Сегодняшняя американская школа наводнена огромным количеством таких «новых» педагогических методик – так называемых learning strategies.

Меня больше всего поражаёт в поведении методистов тот факт, что эти деятели ловко и без тени смущения выдают старые как мир мысли за свои собственные разработки. Они ведут себя так как будто открывают совершенно новый неизвестный миру велосипед. В итоге предлагают полностью отказаться от того, что учитель традиционно делает в классе, и начать преподавать исключительно по их методике.

По сути дела это не педагоги, а простые маркетологи, которые рекламируют свой товар так, как если бы это была зубная паста. И это вполне понятно – прибыль от разработки и продажи этих новых методик не меньше, а много больше, нежели от продажи зубной пасты. За всем этим стоят огромные деньги. Львиная доля бюджетных денег, отпущенных правительством на образование, идет в карман компаниям, разрабатывающим и продвигающим в государственные школы «новые» образовательные методики. Не вызывает никакого сомнения, что внедрение этих методик было предварительно пролоббировано в соответствующих структурах.

Поскольку деньги уже заплачены, учителям ничего не остается делать, как сидеть и слушать лекторов- методистов. Все учителя прекрасно понимают, что им впаривают фуфло, но никто из них не пытается возразить. То ли это бесполезно, то ли правила игры такие.

Ниже я еще остановлюсь на этих семинарах, призванных «повысить» квалификацию учителей, а сейчас перейду ко второй функции департамента – оценке учителей.

Передо мной лежит официальный документ Houston ISD Appraisal Record, отражающий результат оценки моей работы учителем за год, подготовленный завучем этой школы. Это стандартный документ, совершенно одинаковый для всех учителей независимо от стажа и предмета, будь то математика, физкультура, английский или музыка. Оценка делается в основном по факту посещения урока проверяющим плюс общие впечатления от учителя, сложившиеся за год работы.

Качество работы учителя оценивается по восьми показателям, каждый из которых в

свою очередь является суммой от пяти до девяти независимых критериев. Большинство из них просто невозможно адекватно перевести на русский, так как в нашем языке напрочь отсутствуют соответствующие эквиваленты. Для российского ума это просто ничего не значащий набор слов. Поэтому там, где сложно перевести, я сохранил название на английском.

Первый показатель Students Participation оценивает работу учителя по степени вовлеченности ученика в учебный процесс. Он состоит из пяти пунктов: непосредственно вовлеченность в обучение, успешность обучения, успешность в критическом мышлении и решении задач. Самый интересный пункт здесь "успешность обучения". Как вы думаете, на основании чего может проверяющий за тридцать- сорок минут присутствия в классе сделать вывод по этому пункту? Может ли он оценить реальные знания учеников? Конечно нет! Таким образом, оценивается лишь степень понимания учениками непосредственно объясняемого материала. И делается это очень просто – чем больше учеников откликается на вопрос учителя, или, говоря по- русски, чем больше рук, тем выше успех в обучении. Какой вопрос был задан классу – абсолютно никого не волнует. Может быть и такой: сколько будет дважды два?

В российской школе на открытые уроки ходят коллеги, ведущие тот же предмет, которые оценивают в первую очередь правильность подачи материала. Здесь же, как правило, проверяющий совершенно ничего не понимает в предмете.

Следующий показатель Learner- Centered Instruction оценивает то, ставит ли учитель в центр учебного процесса ученика. Всего девять пунктов!

Третий показатель Evaluation and Feedback оп Student Progress характеризует эффективность мониторинга учителем успеваемости учеников в ходе урока. Целых шесть пунктов. Чисто педагогические штучки, не лишенные, впрочем, здравого смысла.

Четвертый показатель характеризует эффективность мониторинга учителем поведения ученика в классе. Целых восемь пунктов. Скажу честно, что в конце своего второго года работы в американской школе я не вполне понимал значения некоторых из этих многочисленных пунктов. И до сих пор не понимаю, как проверяющий может оценить за 30 – 40 минут эффективность учителя по всем восьми пунктам плюс шесть пунктов показателя три.

Пятый показатель Professional Communications призван отразить, насколько эффективно и грамотно учитель общается с учениками и коллегами. Надо признать, что в Америке этот показатель действительно актуален. Во- первых, в школах достаточно много учителей-иностранцев, владеющих английским на моем уровне. Во- вторых, многие учителя-американцы, особенно чернокожие, говорят безграмотно.

Шестой показатель Professional development призван отразить работу учителя над повышением своей квалификации. Этот показатель тем лучше, чем больше вышеописанных семинаров ты посетил в течение года.

Седьмой показатель отражает эффективность работы учителя уже в рамках всей школы. Это следование правилам и требованиям школы. Оцениваются участие во всех мероприятиях и производственная дисциплина.

Восьмой показатель – эффективность мониторинга и менеджмента дисциплины учеников в масштабе всей школы. Всего 9 пунктов.

Все грамотно и красиво, полностью соответствует основным идеям американской педагогики. Труд не одного десятка диссертаций положен в основу этого документа. Но сейчас не об этом. Обратил ли внимание уважаемый читатель на содержание показателей? Заметил ли он хоть ОДИН пунктик, отражающий реальные знания предмета учеником? Нет! Как насчет реального знания предмета самим учителем? Тоже нет! Нет ничего, даже близко напоминающего это. Зато есть восемь других показателей, которые по сути отражают, насколько точно учитель следует инструкциям администрации школы, то есть насколько

учитель послушен. Это и есть часть государственной политики в области образования, часть государственной идеологии.

Глава 11. Ой, мамочки!

Родители играют в американской школе очень большую роль – гораздо большую, чем в школе российской. Это субъект неограниченных возможностей. При грамотной жалобе родителей не то, что учитель, даже директор не усидит в своем кресле. Конечно, встречаются совершенно адекватные родители, которым от педагога нужна лишь информация об их детях. Однако, мне кажется, основная часть американских родителей видят свою миссию в школе в том, чтобы защитить свое чадо от посягательств учителя.

Претензии могут быть самые разные: от жалобы на слишком большие домашние задания до прямого давления на учителя.

Например, частенько мне по электронной почте приходят следующие сообщения: "Мой сын такой умница, у него по всем предметам пятерки и только по вашему тройка. Я не понимаю почему". Начинаешь смотреть оценки – оказывается, что далеко не все так блестяще и тройка у него не только по моему предмету. А пятерки только три – по танцам, физкультуре и рисованию. Но это уже не важно. Главное, что «наезд» на учителя уже осуществлен, и теперь ты – хочешь не хочешь – будешь держать этого студента под контролем и по возможности делать так, чтобы этот родитель был доволен success- ом своего чада в твоем классе. Просто ради того, чтобы избежать дальнейших контактов с этим родителем.

Моему бывшему коллеге Славе Надворецкому как- то пришло следующее сообщение: "Мистер Надворецкий, такого- то числа вы отметили в журнале посещаемости, что мой сын отсутствовал на вашем уроке. Между тем в этот день он был в классе. Прошу вас исправить эту отметку". Вопрос – а на основании чего родитель так уверен, что его сын в этот день был в классе? Скорее всего, со слов самого же сына. А что, если сын врет? Этот вариант даже теоретически не допускается. Априори виноват учитель.

Показательный пример из моего опыта общения с родителями. Как- то в нашей школе ввели униформу для учеников. Поскольку Хьюстон – это тропики, то униформа включает только легкую одежду. В зимний же период в холодные дни студенты вынуждены надевать куртки. Гардероб в хьюстонских школах отсутствует, и потому студенты заваливаются в куртках прямо в класс. По идее они должны оставлять верхнюю одежду в своем locker – ящике для хранения учебников и других принадлежностей. Но, во- первых, в классе тоже частенько холодно, а во- вторых, они просто ленятся раздеваться. И вот наша администрация решила такую практику прекратить. Крайними, конечно же, сделали учителей. Нам сообщили, что мы будем наказаны, если кто- либо из администрации увидит у нас в классе студента в куртке.

В этот день в одном из моих классов одетыми не по форме оказались шестеро. Я взял и накатал на каждого из них дисциплинарную телегу, как и полагается по правилам. Видимо, эти мои бумажки пролежали без движения две недели, так как только по прошествии этого срока я почувствовал резонанс. Ко мне подошел завуч, наложивший на студентов взыскание, и спросил, не помню ли я каких- либо деталей куртки, в которую был одет один из наказанных ребят. Я ответил, что нет, и поинтересовался – в чем, собственно, дело? А дело, оказывается, было в следующем. Студент (кстати, неплохой такой черный мальчик) заявил дома, что он не был в куртке и я незаслуженно его оклеветал.

Мамаша решила разобраться в ситуации. Позвонила завучу, заверив последнего, что у него и куртки- то никакой нет и потому он быть в куртке никак не мог. Видимо, завуч ей не поверил и дисциплинарного наказания не снял, так как она захотела встретиться лично со мной. Ну что же, клиент всегда прав. Если родитель желает встретиться, мы не можем ему в

этом отказать.

И вот она входит в мой класс. Полноватая черная дама лет 35. Движения медлительны и полны достоинства. Это общая черта многих черных женщин. Английская королева не смогла бы пройти более величественно. На лице темные очки, глаз не видно, хотя яркого солнца в помещении, конечно же, нет. Я, соблюдая все правила ритуала, предлагаю ей сесть и спрашиваю, чем могу быть ей полезен. Здесь она снимает с себя очки и таким менторским тоном, как будто моя судьба в ее руках и она еще не решила, что со мной делать, говорит: "Что вы можете мне сказать про моего сына?"

Уважаемый читатель, это очень сильный ход. Это вместо того, чтобы спросить меня о куртке! Ей явно нужно всего лишь одно мое неверное движение, чтобы попытаться меня растоптать. Я осторожно интересуюсь: «Вы пришли сюда, чтобы спросить у меня, что я думаю о вашем сыне?»

Она отвечает утвердительно. Ну что же, думаю я, если ты хочешь со мной поиграть, то давай поиграем, и отвечаю: Your sun is a very good student. I am glad to have him in my class ("Ваш сын очень хороший ученик. Я рад возможности учить его в своем классе).

Она никак не ожидала от меня такого хода и несколько раз, собираясь с мыслями, повторяет: "Интересно… интересно… И это все, что вы можете мне о нем сказать?" Я кратко отвечаю: «Все». "За десять лет обучения вы первый учитель, который ничего не может мне сказать о моем сыне", – продолжает она свой наезд. "Извините, что не оправдал ваших надежд", – отвечаю я и продолжаю молчать, глядя ей прямо в глаза. Ей нужно либо уходить, либо что- то еще спрашивать. Она встает, идет к выходу и уже перед самой дверью поворачивается ко мне и уже более человеческим тоном заявляет: "За десять лет ни один учитель ни разу не назвал моего сына лгуном!" Она ждет от меня ответа, чтобы продолжить дискуссию, но я молчу, и ей не остается ничего другого, как уйти окончательно.

Какой учитель считается хорошим в России? В первую очередь тот, который может дать прочные знания по своему предмету. О таких ходит добрая слава: "О, это сильный математик!" Хорошо, если учитель строгий – значит, в классе будет порядок. Как правило, родители стараются всеми правдами и неправдами определить своих детей к таким учителям.

У американских родителей диаметрально противоположная оценка учителя. В первую очередь учитель должен быть nice. Во вторую очередь он должен быть nice. В третью очередь опять- таки nice. Есть ли к нему еще какие- либо требования? – спросите вы. Ответ – нет! Большинство родителей абсолютно не волнует уровень знаний, который получает их чадо. Причем это касается не только низших слоев общества. Большинство американцев среднего класса думают абсолютно так же.

Очень важно, чтобы учитель не перегружал ребенка. Если ребенок часто и долго сидит над домашним заданием, это нехорошо. На такого учителя начинают поступать жалобы. Сначала директору школы, а потом и в дистрикт. Жалобы от родителей будут также поступать, если ученик получает недостаточно высокие, на их взгляд, оценки.

Еще один пример. В одном из моих продвинутых классов училась белая студентка с интересным именем Hope. «Hope» в переводе с английского означает «Надежда». В Америке это довольно редкое имя, по всей видимости, действительно символизирующее надежду. Сказать прямо, никакой надеждой там и не пахло, во всяком случае в моем классе. Девочка по своим знаниям и способностям довольно слабенькая, одна из худших в классе. Ее мама, обеспокоенная плохими оценками дочери, вполне логично решила вмешаться в учебный процесс, пока еще не совсем поздно, и записалась на встречу со мной.

И вот передо мной белая американка лет сорока. Стройная, симпатичная, хорошо одетая. Американская улыбка, характерная мимика и манера говорить с артикуляцией однозначно свидетельствуют о принадлежности дамы к небедной и образованной части американского общества. А умение держаться говорит не только о деньгах, но и о довольно серьезной должности.

Обычно родители начинают беседу с учителем словами о том, что они обеспокоены плохими отметками ребенка, хотят понять, в чем причина низкой успеваемости и как можно помочь делу. Как правило, учителя отвечают на это так: "Ваш сыночек (доченька) очень способный ученик. У него столько всяческих достоинств… Но хотелось бы обратить внимание на… " и называют какую- либо причину из стандартного набора.

В данном случае, поскольку девочка очень слабенькая, я говорю о недостаточной подготовке. Дама очень эмоционально восклицает: "Как это может быть – два года назад по химии она была лучшей ученицей в классе, а теперь худшая?" Тон совершенно безапелляционный. Проверить, действительно ли она была лучшей и какая у нее была оценка, я никак не могу. Мне предлагается принять это на веру. По сути это форма манипуляции учителем. А вдруг он дрогнет и начнет оправдываться? Я же к данной встрече подготовился и знаю, что у моей подопечной дела не такие уж и блестящие.

Обычно у таких студентов бывают хорошие оценки по английскому, истории, географии, танцам и физкультуре, но вот не было еще ни одного случая, когда по химии двойка, а по математике – пять. Смотрю ее текущие оценки: так и есть – по алгебре троечка. Поэтому я совершенно спокойно отвечаю, что не могу знать того, что было два года назад в другом классе, с другим учителем, но в моем классе ее дела совсем не блестящие, и в подтверждение своих слов показываю оценки.

Оценки, по правде сказать, просто отвратительные. Родительница устремляет свой взор на отметки и спрашивает: «А этот ноль за контрольную – она что, не сдала свою работу?» Я отвечаю, что работу сдала, попробовала порешать все задачи, но, к великому моему сожалению, они все решены неправильно. При этих словах выражение лица родительницы начинает меняться. Ситуация нестандартная. По всему видно, она никогда не слышала от учителей ничего подобного. "И вы за это не поставили даже 70 баллов?" – спрашивает она наконец. «Нет», – отвечаю со спокойствием удава, и родительница понимает, что формально я абсолютно прав, и начинает искать со мной компромисс.

Нужно сказать, что большинство американских учителей действительно выставляют в этом случае 50 или даже 70 и лишь немногие, как и я, ставят заслуженный ноль. Делается это для того, чтобы среднее арифметическое за семестр не было очень уж низким. Причем я никогда не ставлю за задание ноль, если в нем есть хоть какая- то доля здравого смысла, и если уж поставил ноль, то это действительно ноль. И даже поставив ноль, частенько в конце семестра я меняю его на 50, чтобы поднять итоговую оценку. Данная же мамочка про 50 даже не заикается, она уверена, что низшая возможная оценка – это 70.

Я привел два типичных примера из своего личного опыта общения с родителями. Можно было бы привести больше. Справедливости ради нужно отметить, что не все родители так себя ведут. Многие действительно хотят помочь своему чаду и приходят к учителю за советом. А совет- то ведь один – нужно больше трудиться. А вот это не в их традиции. Это мы внушаем своим детям, что школа – тяжелый труд. Мы говорим: "Папа с мамой ходят на работу, потому и вы должны трудиться". Представление большинства американских родителей о школе одно – это «фан», легкое и интересное времяпровождение. Кстати, проведенный весной 2006 года опрос (его организовали агентство AP и интернет-портал AOL) показал, что восемь из десяти родителей уверены, что абсолютно все дети, которые учатся в школах по соседству, способны на должном уровне сдать экзамены по математике и английскому языку. Аналогичный ответ дали менее половины опрошенных учителей…

Глава 12. Апофеоз

Мы будем жить теперь по- новому

В этой главе я опишу реформу преподавания, затеянную вдруг директором нашей школы. Процесс ее реализации весьма показателен и очень хорошо раскрывает систему отношений, сложившихся в американском образовании в частности и, думаю, в американском обществе в целом. Реформа служит своеобразным апофеозом и фальши, царящих в американском образовании. Буду вынужден подробно остановиться на некоторых деталях – это необходимо для понимания происходящего.

Итак школа, о которой пойдет речь, является одной из лучших в дистрикте. Здесь работают учителя, знающие свое дело, пользующиеся признанием учеников. Отношение администрации школы к педагогическому коллективу также до последнего момента было хорошим. Во всяком случае, нас никогда не заставляли просиживать часы на никому не нужных собраниях, не следили, в котором часу мы приходим в школу и когда уходим с работы, и уж тем более не вмешивались в учебный процесс. Делает учитель свое дело и пусть себе делает – зачем ему мешать?

Первые признаки надвигающейся грозы появились еще полтора года назад, когда наш уважаемый директор стал настойчиво интересоваться написанием учебных планов и выступать за синхронное преподавание одного и того же материала (дело, кстати, действительно нужное). И вот в этом году небеса разверзлись.

Но сначала небольшое лирическое отступление. В Америке рабочий год учителя построен несколько иначе, нежели в России, где из трех летних месяцев учителя официально отдыхают два, а третий в большей или меньшей степени занимаются подготовкой к новому учебному году. В Америке отпуск тоже длится два месяца, а вот для подготовительных работ вместо месяца отводится лишь одна неделя. Причем смысловое наполнение этой подготовительной недели совсем иное, нежели у российских педагогов. Вместо непосредственной подготовки к учебному году в своем классе основную часть времени мы проводим на всяческих собраниях и тренингах. Обычно это приветственное слово директора с перечислением успехов, которых наш славный коллектив добился в прошлом году, представление новых учителей, обязательные по закону инструктажи по сексуальной политике, работе с детьми с ограниченными возможностями и пр.

Оттрубить эту неделю учитель должен от и до. Рабочий день – с восьми утра до четырех и ни минутой меньше. Все проводимые мероприятия расписаны по минутам. Правда, строгость этого подхода компенсируется Относительной беззаботностью присутствия на всех этих мероприятиях.

В этом году вводная неделя в нашей школе началась несколько иначе. Прежде всего, нам сразу объявили, что в школе грядут серьезные перемены и мы теперь будем жить и работать по- новому. По- новому будет строиться учебный процесс, и, самое главное, по-новому будут оцениваться знания учеников и выставляться оценки.

Для большинства учителей это был гром среди ясного неба. Стоит ли говорить, что администрация школы, затевая эти реформы, не сочла нужным спросить мнения педагогического коллектива о том, а что, собственно, в школе нужно бы реформировать. Понятно, есть категория учителей, у которых нет смысла что- либо спрашивать, – им бы день простоять да ночь продержаться, там трава расти. Но ведь и настоящие профессионалы с многолетним опытом, знающие и любящие свою работу, каковых в нашей школе немало. Так вот, видимо, в американском обществе отсутствует традиция обсуждения принимаемых решений с трудовым коллективом. Априори считается, что начальству видней.

Начиная презентацию своей реформы, директор мягко, но твердо предупредил коллектив: кто не со мной – тот против меня, либо вы меня поддерживаете, либо ищете себе другую работу.

Итак, суть реформы. Выше я уже писал, что в нашей школе есть классы, занимающиеся по программе Международного бакалавриата. Программа эта, будучи сугубо добровольной, называется дипломной, так как участвуют в ней ученики 11–12 классов. Под эгидой этой же

организации есть соответствующая программа для Middle School, которая считается подготовкой к дипломной программе. Она рассчитана на учеников 4 – 10 классов. Сокращенно называется МУР (middle years program). Так вот директор нам заявил, что в целях повышения качества обучения отныне в нашей школе вводится система образования по стандартам МУР. Причем эти стандарты вводятся на обязательной основе во всех без исключения классах! Уважаемый читатель, чтобы вам было понятно: это все равно, как если бы в какой – то средненькой российской школе объявили, что отныне она будет работать по программе Физико- математической спецшколы.

Тут возникают два вопроса. Первый: почему у нас в High School вводятся стандарты Middle School? Второй: как такую продвинутую программу обучения применить к нашим Митрофанушкам? Программа эта добровольная и нигде еще не насаждалась как обязательная. Разумеется, вслух эти вопросы никто не задал. Я вообще редко публично выступаю, так как просто стесняюсь моего далеко не блестящего английского. И это меня спасает: если бы не языковые трудности, заработал на свою голову кучу неприятностей. Но самое интересное то, что никаких вопросов не задал ни один из присутствовавших 180 учителей- американцев. Видимо, это просто не в их традиции – задавать начальству неудобные вопросы. Сказало начальство: делай так, значит, это правильно – начальству видней.

Как правильно учить и оценивать

Итак, детали реформы. Для начала директор прочитал нам коротенькую лекцию по результатам якобы самых последних исследований в области функционирования коры головного мозга. Основной акцент делался на то, что человеческий мозг перестает что- либо воспринимать через двенадцать минут интенсивной деятельности. Мысль, конечно же, правильная и, что самое главное, не новая. Советская педагогика знала об этом еще тридцать лет назад. Но вот организационные выводы, которые сделал наш директор, поистине революционны. Отныне на протяжении 90- минутной пары учителям запрещалось объяснять новый материал более 12 минут. Все остальное время ученикам следует заниматься любимым американским делом – работой в группах. (Ранее я уже подробно описал эту чисто американскую методику обучения). По лицам сидевших со мной за столом коллег я понял, что последнее требование удивило даже их.

Однако самое революционное нововведение ожидало нас в новых правилах выставления оценок.

Дело в том, что в этой самой МУР, помимо традиционной формы изучения программного материала, предусмотрена дополнительная исследовательско- творческая работа учеников. Эта работа может иметь любую форму в зависимости от предмета. Главная идея в том, что, выполняя эту самую работу, ученики должны продемонстрировать максимум своих знаний и творческое мышление. Такой подход призван пробудить интерес к предмету, развить самостоятельность, способствовать углубленному и осмысленному обучению и пр. Конечной формой работы является отчет, например, в виде реферата. Эти работы оцениваются по вполне определенным критериям. Так, в области естествознания предусмотрены следующие:

1. One World – единство нашего мира, научные связи между странами и народами
2. Communications in science – средства общения в естествознании
3. Knowledge – знание предмета
4. Scientific inquiry – любознательность и заинтересованность
5. Processing data – умение обработать и представить экспериментальные данные
6. Attitudes in science – отношение к предмету и личности качества ученика.

Любая исследовательско- творческая работа ученика должна оцениваться в

соответствии со степенью раскрытия в работе этих шести критериев.

Каждый из вышеперечисленных критериев вносит свой вклад в общую оценку.

Прекрасная по своей сути идея, достаточно распространенная и в российской школе. (Я имею в виду саму Работу, а не критерии оценки.) Только в отличие от школы российской, где подобное дело является сугубо добровольным, в МУР это неотъемлемая часть учебной программы. Но опять- таки только часть, которая не отменяет традиционного обучения. По такой системе оцениваются только реферативные работы. Ежедневное рутинное внутриклассное обучение оценивается по обычным показателям.

Так вот, не моргнув глазом, директор заявил, что оценивать по этой системе мы будем не только и не столько рефераты, а абсолютно все работы, включая классные, домашние задания, самостоятельные и пр.

Напомню: у нас велик процент тех, кто к десятому классу еле- еле научился читать, а вот простые арифметические действия выполнить не в состоянии. И теперь все их работы необходимо оценивать по этим шести критериям?! Каково! Как, например, оценить технику обработки экспериментальных данных учеником, который с трудом складывает и вычитает простые числа? Как оценить знания о мире у того, кто за всю свою жизнь не прочел ни одной книги и не выезжал дальше соседнего торгового центра? Как оценить отношение к предмету у студента, которого в принципе никогда не интересовало ничего, кроме баскетбола, чипсов, пиццы и секса? Как оценить знание предмета у студента, который не способен понять, что такое плотность?

Да что я прицепился к ученикам? Главное ведь даже не в них, а в том, что система, разработанная для лабораторных и реферативных работ, в принципе не пригодна для оценки обычных классных и домашних работ, какие бы умные дети в классе ни сидели. Я мысленно попытался это приложить к своему предмету. Как, например, оценить по этим критериям умение ученика писать химические формулы или химические уравнения? Как оценить понимание основных концептуальных категорий, таких, как, например, валентность? А как оценить по этим критериям умение решать уравнения или простейшие примеры?

Другой немаловажный аспект – время. Каждый из вышеперечисленных шести критериев состоит из множества подпунктов и оценивается по семибалльной шкале. Одним словом, чтобы действительно проверить и оценить по такой системе одну студенческую работу, преподавателю требуется как минимум тридцать минут! Каждый учитель в американской школе занят полный рабочий день. Три пары плюс полтора часа на все остальные дела, включая проверку работ, подготовку к уроку, контакты с родителями и пр. Каждый день чере3 руки учителя проходит 90 учеников. Чтобы проверить по этой системе 90 работ, ежедневно необходимо 45 часов времени!!! Это немножко больше, чем сутки, но, видимо, администрацию школы это нисколько не смутило.

Для чего я все так подробно расписываю? С одной только целью – объяснить читателю, что предлагаемые мероприятия а простит меня мой директор, не что иное, как полный абсурд.

Самой интересной для меня опять- таки была реакция моих коллег- американцев. По их лицам и комментариям было видно, что все прекрасно понимают абсурдность происходящего. Тем не менее, абсолютное большинство предпочло отмолчаться. От всего огромного количества присутствовавших на собрании учителей прозвучало 3 – 4 вопроса. Надо сказать, они отлично характеризуют американскую нацию:

– А не является ли введение такой программы нарушением утвержденного дистриктом учебного плана?

– А не является ли такой способ оценивания знаний учеников нарушением закона штата об образовании?

– А как нам сделать то- то и то- то и одновременно не нарушить ваше предыдущее требование?

Все вопросы носили именно такой характер. В Америке что- либо верно или неверно, хорошо или нехорошо только в контексте того, нарушает ли это действующий закон или инструкцию. Разумеется, наш директор на этом поле был сильнее вопрошающих. Он сумел дать достойный и исчерпывающий ответ на все заданные вопросы. Наконец одна из женщин начала спрашивать по существу, из чего следовал вывод о несостоятельности всей реформы. Директор не позволил ей договорить и вежливо, но твердо отрезал: "Вы разрушаете мою систему", – дав понять, что разговор на эту тему закончен.

Как это водится в американской школе, директор сопровождал презентацию своей реформы призывами к чувствам и совести слушателей в лучших традициях нашего коммунистического прошлого. Как не подлежащую сомнению аксиому он выдвинул слоган Every student can learn (Каждый студент способен учиться). Это значит, что все зависит исключительно от учителя и настоящий учитель должен сделать все возможное, чтобы каждый студент выучился.

Несогласных с этим девизом он попросил поднять руки. Никто, разумеется, этого не сделал – все хорошо запомнили, что таковым лучше искать другую работу.

Девиз, надо сказать, очень лукавый. Думаю, что вся идеология американского образования заключается в этом гениально емком выражении. Кто будет с этим спорить? Совершенно очевидно, что любого человека можно хоть чему- нибудь научить. И совершенно очевидно, что для любого американского подростка лучше сидеть в классе и учить хоть что- нибудь, чем мотаться по улицам.

Но вся хитрость заключается в том, что этот слоган не конкретизирует, чему именно способен научиться каждый ученик. По умолчанию предполагается, что тому же, чему могут научиться и все остальные ученики, то есть материалу, предусмотренному программой. А вот это утверждение как раз и неверно. Более половины наших учеников в обычном классе в принципе не способны усвоить программу старших классов, так как у них напрочь отсутствуют какие- либо предыдущие знания. Однако такая конкретизация никому не нужна. По американскую систему образования фальшь не предполагает такой конкретизации.

Далее самое интересное – нас познакомили с новой системой оценки. В МБ- программе предусмотрена семибалльная система оценки. Соответственно и оценивать студенческие работы учителя теперь должны по такой системе. Тем не менее законы штата предусматривают стобалльную систему. Поэтому, выставив семибалльную оценку, мы должны ее перевести в стобалльную. Самым интересным сюрпризом оказалось то, что оценка 1 семибалльной системы теперь соответствует отметке 70 по стобалльной. Другими словами, 70 теперь минимально допустимая отметка. Ниже только 0. Ноль выставляется, если работа не сделана и не сдана. Промежуточных оценок между 0 и 70 как бы нет. Тогда мы еще не знали, что очень скоро у нас отберут и это последнее право – поставить 0.

Следующий момент, очень подробно освещенный на вводной неделе, касался государственных экзаменов. Дело в том, что недавно было ужесточено законодательство штата в области образования и теперь единственной причиной беспокойства директорского состава в области ученических знаний стали результаты школы по так называемому TAKS-тесту. При неудовлетворительных результатах экзаменов на протяжении трех последовательных лет школу попросту расформировывают со всеми организационными выводами по отношению к директору. По сути это является концом его карьеры. Администраторов проинформировали, что в ближайшие годы требования этих тестов будут ужесточаться.

Причем теперь общий положительный результат школы уже недостаточен. Отныне в соответствии с президентским указом No child left behind внимание будет сосредоточено на результатах отдельных социальных групп студентов, которые по- русски назывались бы группами риска. Именно среди них вероятность низкой оценки на экзамене как раз велика. Так вот, по новым правилам, если хотя бы одна из этих групп заваливает тест, работа

директора считается неудовлетворительной независимо от общего результата школы.

Очевидно, наш директор, проанализировав данные, пришел к выводу, что если все будет проистекать как сегодня, через два- три года у школы возникнут серьезные проблемы…

Кто же спорит, результаты тестов, несомненно, важны для школы. Но самое интересное было в том, как ловко директор увязал свою реформу с этими самыми тестами. Получалось так, что, поддерживая его реформу, ты улучшаешь показатели тестов.

В Техасе студент, не сдавший этот самый тест, не получает аттестат о среднем образовании. А это, по утверждению чиновников от образования, равносильно чуть ли не краху всей его будущей жизни. В последние годы они твердят, что без аттестата нет достойного будущего. Конечно, отчасти это справедливо. Но как это преподнес наш директор! "От вас зависит, – заявил он нам, – будущее этих студентов. Не ломайте их будущую жизнь, дайте им закончить школу, сделайте все возможное, чтобы каждый студент смог сдать тест". При этом нам была продемонстрирована коллективная фотография улыбающихся учеников школы, сопровожденная фразой: «Выберите студента, которому бы вы хотели сломать будущую жизнь»……..

Победа абсурда в одной отдельно взятой школе

Итак, учебный год начался. Как и ожидалось, студенты быстро смекнули, что учиться стало легче, а оценка теперь будет намного выше. Одновременно ухудшилось их поведение в классе. А зачем стараться, зная, что удовлетворительная оценка обеспечена? Учителя были полностью растеряны. Мы не знали, выполнять или не выполнять все требования директора и если выполнять, то как. С оценками был вообще полнейший завал.

А маразм тем временем крепчал. Буквально на третьей неделе ко мне в класс с проверкой пожаловал завуч, что меня очень удивило. Меня никто не проверил даже в мой первый год работы в этой школе, хотя по положению должны были это сделать. Видимо, через учеников было известно, что в классе все нормально, и потому администрация школы не тратила на меня время. В последующие же годы ни о какой проверке не могло быть и речи, так как к тому времени я уже снискал репутацию лучшего учителя химии.

И тут вдруг, пожалуйста! Что можно проверять у меня на уроке? Впоследствии оказалось, что проверяют тотально всех на предмет двух вопросов, на которые мы не обратили должного внимания. Отныне мы не имели права объяснять новый материал дольше двенадцати минут и были обязаны организовать групповую работу студентов. За нежелание следовать этой глупейшей инструкции следовали дисциплинарные меры. Таким образом, те немногие учителя, которые действительно делали свое дело по- честному и чему- то учили студентов, попадали в черный список. Проверяющий завуч однозначно хотел видеть в классе студентов, занятых групповой работой. Никакие учительские доводы в расчет не принимались. Директор знал лучше, как нам учить студентов.

Проверки стали проводиться регулярно. Нужно ли говорить, насколько унизительно я себя чувствовал от мысли, что люди, абсолютно ничего не смыслящие в преподавании моего предмета, дают мне указания, как его преподавать. Почему бы им не проконтролировать, как мои студенты усвоили пройденный материал, следую ли я утвержденной программе и пр.? Нет, я уже описывал, что сама суть работы учителя в американской школе никого не интересует. Здесь куда важнее форма, и видимо, в этот раз директор взялся за эту самую форму очень серьезно.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что такой же маразм творится и в других школах дистрикта! Например, в вышеупомянутой Fonville Middle School директор лично ходит по классам и фиксирует происходящее на видеокамеру. Все, что его интересует, это факт наличия написанных на доске темы урока и проверочного вопроса. Если учитель к его появлению не успел написать тему, то зарабатывает огромный жирный минус. Опять мы

видим, что важен не результат, а форма. Похоже, это тенденция всеобщая, и наш директор здесь не одинок.

Ну да вернемся к нашей школе. Вскоре директор лично обратился к студентам по школьному телевидению. Среди всего прочего он попросил учеников докладывать ему лично, если кто- либо из учителей выходит за рамки двенадцатиминутного лимита. Коллектив просто кипел. В кулуарах все бурно обсуждали действия директора, но открыто никто не высказывался.

Одновременно подошло время выставления отметок. Выставлять их по старой системе учителя боялись, а как это делать по новой – не знали. Да и как сделать то, что в принципе невозможно сделать? Постепенно общими усилиями нашли выход. Оценки стали просто имитироваться. Вернее, оценки были более- менее реальными (насколько это возможно при шкале 70 – 100), а вот вышеописанные критерии были совершенно надуманными. Например, написали ученики самостоятельную работу по международной системе СИ, учитель взял и загнал эту оценку сразу в два критерия: "Обработка данных" и "Один мир". Следующая работа – другая пара критериев и т. д.

Все вроде бы нормально, да вот только ученики стали получать незаслуженно высокие оценки и перестали учиться совсем. Единственным спасением оставалась оценка 0, которую пока никто не отменял. Но здесь сориентировалась администрация, и этот кран нам перекрыли. Теперь, чтобы поставить 0, нужно было пройти через многочисленные процедуры. Я их перечислю, так как, это хоть и длинно, но ярко показывает всю абсурдность ситуации. Итак, вот эти меры. Применяются последовательно, если не помогает предыдущая, переходим к следующей:

1. Позвонить родителям и сообщить, что их ребенок не занимается.
2. Оставить студента после школы у себя в классе, где он будет делать работу, которую не выполнил во время урока. Разумеется, никто эти внеаудиторные часы учителю оплачивать не собирается.
3. Вызвать ученика на проработку на мини – педсовет в составе пяти- шести учителей. Чтобы вызвать на этот педсовет, нужно сначала согласовать это с заместителем директора, то есть получить его разрешение. Мини- педсовет должен принять решение (!!!), что учитель имеет- таки право поставить 0.
4. Отправить студента к завучу для наложения взыскания.

Так как студентов, нуждающихся в таких специальных мерах, у каждого учителя не единицы, а десятки, то, разумеется, заниматься такими глупостями преподаватель просто физически не может. В результате в течение недели после введения этих правил отметка 0 в школе исчезла как таковая. Думаю, что это и была конечная цель нововведения. Теперь учителя, не глядя, просто ставили 70.

Ваши парты не прибиты к полу, или "я тоже не хочу терять свою работу"

Все происходящее напоминало мне театр абсурда или игру "супротив здравого смысла". Страсти накалялись, учителя роптали все громче. Директор, должно быть, чувствовал сопротивление коллектива. Это не могло его не раздражать, и вот в один прекрасный день он разразился целыми тремя директивами, отправленными коллективу по электронной почте. Вот лишь одна цитата: «Ваши парты не прибиты к полу – сдвиньте их для групповой работы»… Далее шли угрозы на случаи неисполнения. Тон директив был очень резкий для привыкшего к сдержанности и обходительности американского общества. Мои коллеги расценили это как личное оскорбление. Некоторые женщины после прочтения ходили в полуистеричном состоянии со слезами на глазах и уже открыто высказывали в адрес директора все что они о нем думают. Ситуация была критическая.

Я периодически возвращался к своим первым впечатлениям от нашего директора. Он

всегда был мне очень симпатичен. Интеллигентный, обходительный, обстоятельный. Никогда не приставал с дурацкими требованиями. И вдруг такое! Что же могло произойти? Неужели это все из- за TAKS- тестов? Тогда он должен стараться улучшить учебный процесс. Неужели он не понимает, что предложенные меры ведут к обратному? А может, действительно не понимает? Может быть, нужно ему об этом сказать?

Через несколько дней после гневных директорских инструкций произошло событие, взбудораживше и без того неспокойный коллектив. Каждый учитель получил по почте копию письма, адресованного директору. По сути крик души о наболевшем. Отправитель – аноним, но по содержанию ясно, что это кто- то из учителей. Вот отдельные выдержки.

«Уважаемый доктор Максвейн! Вы запугивали нас в течение шести дней, и на седьмой день – в последний день перед началом занятий – учителя были растеряны, запуганы и разочарованы.

Идет седьмая неделя вашей реформы, а учителя до сих пор в ней ничего не понимают.

Внедряемая вами программа сложна и требует времени и сил. Она разработана для небольших школ с одаренными и целеустремленными учениками, где у преподавателей достаточно времени для подготовки к урокам. Попытка применить эту систему к нашей огромной и разнородной школе – это путь к краху. В нашей школе мы наблюдаем совершеннейшую апатию к учебе со стороны студентов, безразличие родителей и практически полное отсутствие времени у учителя на подготовку к урокам.

Внедрение вашей реформы является нарушением следующих статей действующего законодательства:

– переполненные учениками классы есть нарушение противопожарной безопасности;

– система оценок в МУР резко контрастирует с государственной системой оценок. Совершенно очевидно, что такая сложная система оценки знаний является нарушением законодательства;

– использование огромного количества бумаги при внедрении вашей реформы нарушает акт, требующий сокращения бюрократической бумажной работы.

Доктор Максвейн, не могли бы вы продемонстрировать жизнеспособность вашей системы и вашу приверженность ей путем непосредственного преподавания одного из обязательных предметов в нескольких классах? Тем самым вы бы продемонстрировали растерянному и изнемогающему коллективу, что все вами требуемое действительно возможно.

Будьте добры ответить на следующие вопросы:

– Почему в нашей школе такая высокая текучесть кадров? Как вы думаете, сколько учителей покинут школу в конце этого года?

– Сколько денег вы уже ухлопали на свою реформу? Откуда эти деньги приходят? как бы они могли быть использованы с пользой для дела?

– Понимаете ли вы, насколько это было унизительно для учителя – услышать по телевидению вашу установку студентам – доносить на учителя, не уложившегося в двенадцать минут времени объяснения материала? Ваша речь посеяла неуважение к учителю со стороны студентов и глубокое презрение к вам со стороны коллектива».

Мои коллеги визжали от восторга, перечитывая фрагменты письма вслух. Все надеялись, что теперь маразма будет поменьше. А я думал о другом. А почему это письмо анонимно? Почему автор, по всему видно, опытный и уважаемый учитель, не хочет или боится выступить открыто?

Этот вопрос я задал одному из своих коллег. Он белый американец, лет пятидесяти, одинокий, очень порядочный и набожный. Еще он попросту, как они говорят, хороший парень. Я спросил: "Джон, объясни мне, почему все молчат, глядя на этот театр абсурда? Почему все боятся открыто сказать директору, что он не прав?" "А ты сам почему молчишь?" – ответил он вопросом на вопрос. "Я молчу только из- за своего визового статуса

иностранца, – продолжил я. – Если меня вдруг уволят, то я теряю все – через десять дней меня просто вышлют из страны. Да к тому же я здесь все равно не свой, а в чужой монастырь со своим уставом не ходят". "Ты знаешь, Айрат, – ответил он мне, – я понимаю, что в этом случае ты теряешь гораздо больше, чем любой из нас. Но я тоже не хочу терять свою работу, свою зарплату, свою страховку и прочее".

К слову сказать, работа и зарплата у учителя в Америке такие, что терять в общем- то особенно нечего. Но… с одной стороны, учитель – это еще не самая худшая профессия. А с другой – сами подумайте, куда пойдет человек за пятьдесят, большую часть жизни проработавший в школе? Только в другую школу. Что еще он умеет делать?

А какую характеристику даст ему директор? А куда его возьмут с такой характеристикой? Мне кажется, в Америке это самое страшное – получить клеймо человека нелояльного, человека, имеющего собственное суждение и, что еще хуже, имеющего нехорошую привычку это суждение высказывать. В этом одно из главных отличий менталитета американского и российского, или, точнее, советского.

Но вернемся в нашу школу. Как, думаете, отреагировал директор на вышеизложенное письмо? А так, как и должен был поступить опытный администратор – он его не заметил. Однако хватку ослабил. Перестали поступать новые директивы и угрозы, прекратились проверки в классе, народ стал потихоньку успокаиваться. К новой системе выставления отметок все попривыкли, превратив ее в полную формальность. Уже никто совершенно не задумывался над сутью оцениваемого критерия, не пытался отыскать что- либо, хоть отдаленно похожее на оцениваемый критерий в программных материалах и студенческих работах. Все просто «лепили» в компьютер обычные оценки и называли их соответствующими критериями.

Между тем примерно через месяц после первого появилось второе анонимное письмо. Видимо, отсутствие видимых последствий не устроило автора, и он решил написать второе, послав копию, как это следовало из текста, во все вышестоящие инстанции и СМИ. Среди прочего в этом письме была изложена интересная версия объяснения поступков директора.

«…В течение двух лет доктор Максвейн платил учителям деньги из неустановленных источников за разработку планов учебных уроков МТА. В настоящее время он продолжает разработку этих учебных планов бесплатно, принуждая учителей делать это на собраниях рабочих групп, куда учителя принудительно сгоняются по окончании рабочего дня раз в неделю.

В Lamar HS все уверены, что доктор Максвейн готовится к своему будущему в роли консультанта в образовании. (В Америке очень много небольших частных фирм, занимающихся консалтингом в образовании. Это разработка различных новых методик, которых уже столько, что хватит на десять лет вперед. Это выступления с лекциями перед учителями очень щедро оплачиваются. Это и проведение различных исследований в виде анкетирования и пр. – Авт.) Движущей силой всей этой заварухи является его желание впоследствии продавать свои разработки небольшим учебным дистриктам. Все в школе знают, что доктор Максвейн уже сейчас делает попытки продвинуть свой продукт, правда, пока без особого успеха, так как в МТА очень много серьезных недостатков"

Интересная мысль, хотя я себе объяснял это по- другому. Я думал, что человек просто засиделся в директорах. Годы идут, а наверх его по какой- то причине не продвигают. Вот он и решил отличиться, совершив прорыв в образовании на основании отдельно взятой вверенной ему школы. Ведь даже для того, чтобы продать продукт, он должен уже быть где-то обкатан и показать хорошие результаты.

А за результатами дело не встанет. Думаю, что по итогам этого учебного года успеваемость в нашей школе подскочит до неприлично высокого уровня. Никто ведь не знает, что такой итог достигнут простым запретом ставить плохие оценки, а попросту говоря – созданием совершенно иной шкалы оценок, где минимально возможная оценка – 70. Увидев

такой впечатляющий результат, руководители, дистриктов и директора школ должны просто расхватать эту методику. Хотя с финансами все обстоит не так просто.

Педагогическая иерархия

Постепенно я прихожу к пониманию того, что в американском образовании качество предлагаемого продукта значит очень немого… Куда важнее личность продавца, а, точнее, его отношения с покупателем. Руководитель дистрикта или директор школы – чиновники, а не владельцы бизнеса, и им не нужно экономить. Думаю, российский читатель уже понял мою мысль. Ничего нового здесь нет, мы все это уже тоже хорошо знаем. Дело в том, уважаемый читатель, что в американском образовании крутятся баснословные деньги. Затраты на образование составляют 7 процентов бюджета страны, или – в абсолютном выражении – 56 миллиардов долларов в 2006 году! И это только бюджетные ассигнования. Значительный вклад вносят негосударственные фонды и частные пожертвования. Частные пожертвований одной только нашей школе составляют почти 2 миллиона долларов! Все эти деньги нужно освоить. Я подозреваю, что лишь незначительная часть этих колоссальных средств идет на зарплату учителям и на школьные принадлежности. Большая часть расходуется на иные нужды.

Огромные средства идут на, оплату консультантов от образования. У каждой школы есть фонд, который она может потратить исключительно на это. Эти деньги нельзя снять ни на зарплату, ни на школьные принадлежности. Есть фонд на представительские расходы.

Еще большие деньги уходят на развитие педагогической науки. Диссертации в этой области пекутся как блины. Тысячи статей выходят ежемесячно в десятках центральных и сотнях локальных педагогических изданий. Кто их авторы?

Узок круг этих счастливчиков. Постонним вход в эту систему запрещен. Если завтра вы вдруг решите предложить рынку свою методику преподавания, пусть даже невероятно замечательную, её у вас никто не купит. Она ни кому не нужна бесплатно. Если вы напишете статью, выбивающуюся из общей струи, ее никто не опубликует.

Американская система образования – это клуб для своих со строгой иерархией. Начинать нужно завучем. Потом неплохо защитить диссертацию. Работая над диссертацией, вы уже присягаете в верности американской педагогике. Это все равно что закончить Высшую школу марксизма- ленинизма. Несколько лет работаете завучем и по мере открытия вакансий пытаетесь занять должность директора. Хотя на этом уровне уже, как и в России, куда важнее связи. И вот после 5 – 6 лет работы директором, после подтверждения своей лояльности в системе, после опыта разруливания относительно небольших финансовых ручейков перед вами откроются настоящие перспективы: вас либо продвинут наверх в чиновники от образования, либо при желании можно уйти в свободное плавание и стать консультантом.

Сколько я видел в Америке подобных консультантов, все они с гордостью ссылались на предшествующий опыт работы директором. Так что изложенная в анонимном письме версия о планах нашего директора очень даже похожа на правду.

Приведу еще один пример "управления финансовыми потоками" в американском образовании. Пару лет назад сменился руководитель нашего дистрикта. И вот в начале этого учебного года мы вдруг узнаем, что дистрикт закупил новое программное обеспечение для ведения банка данных студентов дистрикта. В России подобного пока нет, поэтому вкратце объясню, что это такое. Это гигантская сеть, объединяющая абсолютно все компьютеры дистрикта: у руководства, у каждого учителя в классе, в учебных классах. На сервере хранится полнейшая информация о каждом отдельном ученике, включая полученные оценки за все 12 лет обучения. В этой же системе учителя ведут классные журналы, выставляют текущие отметки, отмечают посещаемость и пр.

Так вот, новый руководитель дистрикта решил эту систему заменить. И заменил. Объяснили это тем, что старая программа устарела и не отвечает потребностям дистрикта. Честно говоря, учителя на старую программу не жаловались. Она была очень удобна и функциональна, предусматривала даже такую мелочь, как возможность занести в журнал физическое место каждого студента в классе.

Когда же мы взглянули на новую программу всех разобрал истерический смех сквозь слезы. Новый продукт не был даже жалким подобием прежнего. Работать с ним оказалось очень неудобно, он не предлагал даже половины возможностей старой программы. В довершение всего в самом начале учебного года эта программа зависла и в течение примерно трех недель не функционировала. Для компьютеризированного делопроизводства это означало полную остановку. Далее нам стало известно, что эта программа уже использовалась другими дистриктами, которые были вынуждены от нее в конце концов отказаться из- за непригодности. Руководство нашего дистрикта знало об этом, но тем не менее закупило данную программу. Комментарии излишни.

Во втором анонимном письме директору автор обращается к руководству дистрикта, контролирующим органам и СМИ с просьбой проверить имеющиеся факты и дать оценку действиям нашего директора. Наивный….. а скорее всего наивная, судя по стилю изложения и эмоциям. Раз директор делает то, что делает, значит, он получил на это карт- бланш. А то, что реально происходит в школе… Да разве это имеет какое- либо значение?

Не ваше дело обсуждать закон

Опишу еще два события, произошедших в школе в этом же году.

Событие первое – раз в неделю нас стали загонять на полуторачасовые занятия, посвященные изучению педагогической книжки Integrating Differentiated Instruction двух американских авторов. Я не буду вас утомлять содержанием этой книги, да в ней, по сути, и нет таковою. Таких книг в Америке сотни. Просто почему- то выбор нашего директора пал именно на эту. Когда я их просматриваю, то всегда удивляюсь, как американским авторам удается, не стесняясь, выдавать старые истины за свои и суперсовременные. Ну да Бог им судья. Я хочу описать не содержание книги, а форму наших занятий по ней.

Для занятий весь коллектив поделен на несколько групп по 20 – 30 человек. Руководить занятием назначен один из завучей. Нашей группой руководит Виктор Уиллис, Dean of Instruction – главный завуч, как раз ответственный за учебный процесс. По должностным обязанностям именно на нем лежит основной труд внедрения в учебный процесс директорской реформы. Он в нашей школе человек новый. В прошлом году был просто завучем, а в этом стал старшим, по непонятным мне причинам оттеснив с этой позиции опытнейшего специалиста и очень порядочную женщину – Полу Кокс.

В целом Виктор неплохой парень, вежливый, обходительный, невредный. Вот только пока не пользуется большим авторитетом у учителей. Дело в том, что до работы в нашей школе он был тренером университетской команды по баскетболу. А вот теперь стал завучем. Разумеется, он не понимает сути учебного процесса. Бывает очень весело, когда, пытаясь объяснить какое- то положение этой книги, он на полном серьезе приводит нам пример из своего тренерского опыта. И вот этот человек учит опытных учителей с 20- , 30- летним стажем тому, как им нужно строить образовательный процесс. Ему самому эта книга нравится. Он так и говорит нам: "Я в ней нашел для себя много нового". Мы верим, что нашел, но вот сами не находим. Однако вынуждены сидеть и слушать прописные истины.

Второе событие связано с TAKS- тестами. Ввиду важности вопроса администрация школы решила нацелить учителей на подготовку студентов к тестам. На мою беду, худшие результаты у студентов из года в год по предмету Science, объединяющему биологию, а также химию и физику на самом примитивном уровне. Как я уже отметил ранее, естественная

сложность в том, что ученики прошли I тестируемый материал год или даже два назад и к моменту теста мало что помнят.

Для решения проблемы школа обратилась к услугам консалтинговой фирмы. Владелица и она же руководитель фирмы Ms. Kilgo – очень энергичная старушка лет семидесяти – лично выступила перед собранными по такому случаю учителями химии и биологии. Сначала, как полагается, она рассказала нам о своем потом педагогическом опыте. Особенно подчеркнула, что в начале своей карьеры преподавала природоведение в начальной школе, чтобы мы не подумали, будто она не разбирается в предмете. Закончила свою карьеру, как водится, директором и вот теперь делится своим опытом с другими.

Сразу после представления она прямо заявила, что за все время работы в консалтинге еще ни разу ни встречала учителя химии, одобрительно отозвавшегося по поводу TAKS-тестов. Дело в том, что вопросы по разделу «химия» не соответствуют учебной программе. В тест включены вопросы по четырем второстепенным разделам: 1) разница между физическими и химическими процессами, 2) закон сохранения массы, 3) периодические свойства элементов, 4) вода и водные растворы, кислоты и основания. И это вся химия.

"Это ваша проблема, нравятся вам эти вопросы или нет, – заявила лектор, – это государственный экзамен который имеет статус закона. Не ваше дело обсуждать закон. Ваша задача как педагога – сделать все, чтобы студент сдал тест".

С этим мы уже давно смирились и не возникали. Но есть и другой закон – учебная программа, которую никто не отменял и которой мы должны следовать. С этой точки зрения два государственных закона просто входят в противоречие друг с другом. В конце концов администрация школы решила следующее. Во- первых, из всей учебной программы в первую очередь особое внимание обратить на материал, включенный в тест. Во- вторых, две недели, предшествующие экзаменам, во всех классах заниматься исключительно подготовкой к тестам в виде разбора тестов предыдущих лет. Дело в том, что из года в год вопросы в тестах очень похожи.

Это было здравым решением, и вот эта- то мера как раз и дала требуемый результат. Результаты тестов в этом году заметно улучшились. А я в очередной раз подумал, сколько проблем из- за одного теста. И это только в одной школе! А сколько их по нашему дистрикту? А сколько по всему штату? Сколько человек изворачиваются, выдумывают разные лазейки, меняют учебную программу из- за того, что кто- то в образовательном департаменте штата придумал этот неадекватный тест. Столько людей это видят и понимают, высказывают свое мнение, но это ровным ничего не меняет. Вы внизу сидите там те там делайте, что вам говорят. А вот уважаемые люди наверху с опытом тренера баскетбольной команды (человек, хоть немного знакомый с реальным образованием, никогда бы не придумал такого теста) решат, что хорошо для подрастающего поколения штата, а что плохо. Это тоже одна из главных особенностей Америки, самого демократического государства в мире.

А теперь давайте еще раз вернемся к мотивациям нашего директора. Ранее я предположил, что он, может быть, просто не понимает, что внедряемая им программа нежизнеспособна. А почему, собственно, я так думал? Нужно ли считать себя умнее других? Может быть, он как раз очень даже хорошо все понимает? Понимает главное – заниматься реальным образованием давать ученикам настоящие знания нет никакого смысла. Во-первых, этого с него никто не спрашивает, так как это никому не нужно: ни вышестоящему начальству, ни ученикам, ни их родителям. Стремление к настоящим знаниям вообще не в традиции американского общества. Во- вторых, если бы он даже захотел, это попросту невозможно сделать, так как большинство наших учеников в силу их знаний и умственных способностей в принципе невозможно обучить тем дисциплинам, которые значатся в учебном плане.

В сложившейся ситуации как человек неглупый и опытный директор пошел другим путем. Очень важно, что на этом пути он ни на йоту не отступает от линии партии: No child

left behind, every student can learn, High expectations… – это раз. В результате игры отметками общая успеваемость в школе стала до неприличия высокой – это два. Результаты государственных TAKS- тестов из- за предпринятой массированной подготовки к ним тоже поднялись на несколько процентов – это три. И вообще выходит, что он выдающийся директор, администратор- новатор, – это четыре. За счет учителей школы создал готовые к внедрению учебные планы и в дальнейшем, продавая их, будет отчаянно рубить капусту – это пять. Ну а то, что нарушил парочку Положений закона об образовании, так это пустяк, не так ли?

Глава 13. Союз Советских Социалистических Штатов Америки

В царстве фальши и лицемерия

Странное название главы, не так ли? Какие могут быть аналогии между некогда великим и могучим СССР и сегодняшней Америкой? На первый взгляд кажется, что их нет и вообще не может быть в стране победившего империализма. Кругом чистота, блеск, благополучие богатой державы. Здесь нет очередей и талонов, нет партийных и комсомольских собраний, как нет и самой «чести и совести нашей эпохи». Нет еще многих других атрибутов нашего славного прошлого.

Однако через какое- то время работы в этой стране вдруг начинаешь ощущать дыхание чего- то до боли знакомого и уже почти было забытого. Стиль поведения и речи официальных лиц навевают ощущение возвращения в СССР. В первый раз я почувствовал это еще на вводных семинарах, устроенных для нас дистриктом.

Вспомните уже описанный мною случай, когда я безуспешно пытался выяснить, какие дисциплинарные меры нужно применять к нерадивым ученикам. Лекторы уходили от вопроса с мастерством политиков. С той же ловкостью не ответили на этот мой вопрос и представители школьной администрации. Я чуть было не решил, что такой проблемы просто не существует, пока наконец один мой коллега- американец не объяснил мне довольно доходчиво что к чему уже после начала занятий в школе. Только потом я начал понимать, почему это не могло прозвучать из уст официальных лиц. Нет, в его словах не было никакого криминала, все очень здраво и логично. Просто они противоречили основным положениям официальной американской педагогики. Так я впервые столкнулся с хорошо знакомым двуличием системы.

Вопрос об уровне Школьного образования в США _ один из самых актуальных. Все твердят, что среднее образование неудовлетворительно, с этим нужно что- то делать, но почему- то никто не собирается действительно решать этот вопрос.

Учителя со стажем прекрасно видят, что уровень образования в стране из года в год снижается. Однако это не мешает чиновникам рапортовать об улучшении качества образования. Что самое интересное, фальшивят не только официальные лица, это приходится делать и рядовым учителям. Вот как это происходит на многочисленных курсах по повышению квалификации.

В лекционном зале слушатели (рядовые учителя) располагаются за круглыми столами по 5 – 8 человек. После 10 – 15 минут лекции дается задание. Очень часто нужно просто раскрыть какую- либо часть обсуждаемого материала. Сидящие за столом работают над одной темой. На подготовку предоставляется определенное время. Здесь начинается самое интересное.

Если за столом собрались активные и исполнительные, то они тут же приступают к работе. Это надо видеть. Американские учителя сами как дети. Они очень непосредственные. Некоторые из них способны за десять предоставленных минут подготовить и сыграть целую

сценку с песнями и стихами. Причем они могут так этим увлечься, что, заигравшись, начисто забывают про раскрываемую тему, искусство начинает жить своей жизнью. А раскрытия темы от них никто особо и не требует, главное – активное участие.

Если же за столом преобладают люди с сарказмом, то они сначала отпускают ехидные замечания по поводу изучаемого материала. Потом сокрушаются из- за происходящего маразма. Ну а потом… начинают работать над поставленным вопросом – выступать- то ведь все равно придется.

Но интересно то, что никто никогда не встанет и не скажет: "Какой же ерундой вы нас тут пичкаете! Ведь во всем этом нет ни капли здравого смысла". Вместо этого, когда наступает время ответов, от каждого стола поднимается представитель и говорит именно то, что он должен сказать, что от него ожидают. Таковы правила игры.

Это очень напоминает мне наше героическое прошлое. Так мы выступали в нашем далеком пионерском детстве. Каждое звено со своей речёвкой, каждый звеньевой со своим социалистическим обязательством. Но мы были детьми, здесь же этим занимаются пятидесяти- шестидесятилетние взрослые люди.

Все понимают: с образованием творится что- то неладное, однако вслух говорится совершенно иное. You are doing grate job (Вы отлично работаете), – говорим мы студентам, когда те занимаются аппликацией на уроке химии или физики в девятом классе. You are doing grate job, – говорит нам Директор, видимо, чтобы мы не были так уж уверены в обратном.

Недавно, начав грандиозную реформу в школе (подробнее о ней в следующей главе), директор выдвинул лозунг "Каждый студент в нашей школе способен учиться". В самом начале реформы несогласных с этим утверждением он просил подыскивать новую работу. В последнее же время на собраниях он просто заявляет примерно следующие: "В нашем дистрикте широко распространено мнение, что многие студенты не способны учиться. Я не согласен с этим утверждением. Я знаю, что и вы не согласны. Вы работаете с этими студентами, поэтому хорошо знаете, на что они способны. Наша позиция заключается в том, что каждый может и обязан учиться… "

Он говорит это, глядя нам прямо в глаза. И никто из 180 человек не смеет возразить. Такая вот демократия. Такой изысканно фальши такого уровня авторитаризм не припомню даже в бывшем СССР. Наш директор не одинок в этом. Фальшивят все чиновники от образования.

Кто победил во второй мировой и почему господь говорил по- английски

Следующий момент, напомнивший мне о СССР, – это наличие идеологической составляющей в системе образования.

Главная идеологическая задача системы образования – это пропаганда американских жизненных ценностей и идеи об исключительной роли США в мире. Причем речь идет не только о сегодняшнем экономическом и военнополитическом могуществе страны, с чем никто не спорит. Учащимся навязывается тезис о центральной роли Америки в мировой истории чуть ли не с самого начала двадцатого века. Оказывается, вот уже сотню лет США являются бесспорным лидером абсолютно во всех областях жизни: в науке, культуре, искусстве, спорте. И американцы свято верят в этот постулат.

Почвой для такой пропаганды является невежество основной массы американцев. По признанию американцев, в стране 23 миллиона человек неграмотны.

Среди семнадцатилетних только одна треть способна выполнять математические операции в несколько действий. Можно ли здесь вообще вести речь о знании истории или каком- либо критическом мышлении? Для того чтобы иметь собственное мнение, нужно по крайней мере иметь привычку читать книги и размышлять над прочитанным.

Думаю, что определенную роль в стан и американской нации сыграла исторически

сложившаяся удаленность Америки от Европы и всего остального мира. Это способствовало развитию своеобразной "островной психологии" у американцев. Их очень мало интересует все то, что происходит за приделами их страны. На таком фоне людям (особенно детям) можно вдолбить все что угодно.

Общеизвестно что чем менее общество образованно, тем оно более управляемо, бессловесно, покорно и заглатывает любую пропаганду.

Поколения необразованных учителей воспитывают следующие поколения еще менее образованных учеников. Для этого, в частности, нещадно эксплуатируются патриотические чувства американцев, которые, не в пример российским, очень высоки.

В этом своем самовосхвалении они часто доходят до абсурда. Например, американцы свято верят в то, что вторую мировую войну выиграли Соединенные Штаты Америки. И никакие аргументы не способны убедить их в обратном. Я как- то из спортивного интереса попробовал сделать это с учениками одного из своих лучших классов.

В качестве неоспоримого, на мой взгляд, аргумента использовал данные о количестве человеческих жертв, понесенных странами- участницами в ходе этой войны. Цифры были приведены в американском же учебнике по Истории. Вначале я с удивлением обнаружил, что студенты незнакомы с этими данными. Почему- то никто не обратил на них никакого внимания, хотя они были оформлены в виде таблицы на пол- листа. Это значит, учителя истории не сочли нужным заострить на этом внимание.

Когда я привел своим студентам эти цифры, на их лицах отразилось полное замешательство. Потери США в этой войне просто незаметны на фоне потерь Советского Союза. Приведенные факты и простая человеческая логика явно контрастировали со всеми их представлениями об этой войне. Тогда один парень поднял руку и сообщил, что жертвы Советского Союза так велики, потому Сталин убивал свой собственный народ.

Что же, мысль, не лишенная логики, и главное, справедливая. И тем не менее – кто же победил фашистскую Германию? Мне пришлось объяснять им, что главный театр военных действий разворачивался не в Африке и не на островах в Тихом океане, а в Европе, подкрепив это цифрами о том, сколько немецких воинов было убито или пленено в той или иной военной операции. По лицам учеников я видел, что приведенные мной факты их убедили, но до конца принять эту правду они так и не смогли.

Однако вышеприведенный пример достаточно серьезный и требует детального обсуждения. Поэтому приведу пример попроще и позабавнее. Догадывался ли уважаемый читатель, что три из пяти олимпийских колец (синий, красный и белый) имеют такие цвета в честь флага США? Такие интересные Факты слышат дети в обычных американских школах.

И еще одна реальная история, больше похожая на анекдот. Как- то в американской газете было опубликовано интервью с руководителем одного из образовательных дистриктов. На вопрос журналиста о том, почему во вверенном ему дистрикте не изучаются иностранные языки, руководитель достойно ответил буквально следующее: "Если английский был хорош для господа нашего Иисуса Христа, то он хорош и для меня, и для наших детей". Как говорится, комментарии излишни.

Что касается гласности, мы очень скоро поняли, что ее в Америке значительно меньше, чем в сегодняшней России, несмотря на все Путинские «обрезания» в этой сфере. Вообще, у них как в образовании, так и в обществе в целом очень много того, о чем просто нельзя говорить. Не только публично выступить или опубликовать свои мысли в СМИ – нельзя даже просто высказаться в кругу коллег или знакомых.

Например, нельзя вслух говорить о том, что почти все безобразия в школах от цветного населения. Нельзя говорить о том, что в целом белые дети учатся гораздо лучше, чем черные. Факт вроде бы известный. Имеется статистика, цифры которой говорят сами за себя, даже несмотря на усиленную попытку завуалировать факты. Все об этом знают, но вслух не говорят. Потому что боятся. За подобное высказывания можно не просто потерять работу, но

и угодить в тюрьму. Просто 37- й год какой- то.

Но ведь не о пропаганде расизма речь – лишь о том, что бы попытаться обсудить и общими усилиями решить имеющуюся проблему, вместо того чтобы ее замалчивать.

Безусловно, высокий уровень национальной и религиозной терпимости – это большой плюс страны. Здесь, например, нет антисемитизма. Больше того – здесь принадлежность к еврейской национальности дает ощутимые преимущества. Зато есть антиисламизм, причем ничем не прикрытый. Некоторые издающиеся в Америке газеты открыто призывают вести борьбу с исламом в мировом масштабе.

Справедливости ради нужно сказать, что они могут себе позволить покритиковать Буша в кругу семьи и соседей, дате любят это делать. Причем об этом можно говорить открыто, а не так, как делали мы на своих «хрущевских» кухонках. Но это не от реальной свободы слова. Просто таковы правила игры – президент доступен критике. Зато многие другие вопросы не подлежат не то что критике, а даже спокойному объективному обсуждению.

Но вернемся к свободе слова. Я хорошо помню, какая цензура осуществлялась при освещении американскими СМИ последней войны в Ираке. Американские новости до неприличия контрастировали с общемировыми. В США в эфир не просочилось ни одного даже случайного слова, идущего вразрез с официальной позицией Вашингтона. Несколько известных журналистов даже лишились своих рабочих мест за «неправильное» освещение войны в Ираке. Причем они не критиковали администрацию, а лишь недостаточно хорошо хвалили, позволив себе сказать часть, правд о том, о чем, видимо, не стило говорить.

В результате такой усиленной промывки мозгов рядовые американцы так и не поняли ни основных причин, ни последствий этой войны. Какая здесь гласность? Гласностью здесь и не пахнет! Вместо гласности – ничем не прикрытая пропаганда взглядов официального Вашингтона, основанная на эксплуатации патриотических чувств рядовых американцев. В самых лучших традициях Советского Союза. Не сомневаюсь, они это переняли у нас. А еще говорят, что мы отстаем от Америки. Это они отстают от нас и перенимают то, от чего мы уже давно отказались.

Это есть наш последний

А достигает ли пропаганда цели? – спросите вы. Да, достигает! И еще как! В нашей стране в 70 – 80- е годы процент тех, кто верил в торжество идей коммунизма, был значительно меньше, нежели сегодня процент американцев, верящих в насаждаемые идеалы демократии. Справедливости ради нужно отметить, что американские идеалы более реалистичны и близки к телу, нежели наше требование "идти в последний смертный". Тем не менее даже этот призыв можно услышать в сегодняшней Америке.

Как- то по общенациональному радио NPR я услышал занятный репортаж, посвященный жертвам войны в Ираке. Сначала ведущий констатировал, что число человеческих потерь с каждым днем растет, ситуация в Ираке не улучшается, в Конгрессе идут дебаты о возвращении войск, в обществе растет недовольство войной и т. д. Потом последовало включение – репортаж из небольшого провинциального городка, где совсем недавно состоялись похороны вот уже четвертого военнослужащего, погибшего в Ираке. Корреспондент интересуется мнением жителей этого городка, которые по- разному отзываются о войне. Далее следует интервью с матерью того самого недавно погибшего солдата.

Сначала она около минуты рассказывает об ужасе, с которым восприняла известие о гибели сына. Тон ее повествования печальный, но спокойный и обстоятельный. Потом она очень подробно описывает ту моральную поддержку, которую ей оказали знакомые и соседи, включая мать другого ранее погибшего в Ираке. В этом месте мне начинает казаться, что ее лицо временами озаряет еле заметная улыбка сквозь слезы. Затем следует описание Похорон.

Здесь мать подробно описывает все отданные над могилой воинские почести и говорит о чувстве гордости за Сына, который, будучи при жизни обычным парнем, погиб за Отчизну и похоронен как герой… "

Не могу судить, вырваны ли слова матери из контекста, Полное ли это интервью или же скомпилированные части, во всяком случае, я слышал все, что звучало в эфире. Заканчивается передача словами ведущего о том, что "несмотря на все трудности, наши воины готовы находиться в Ираке столько, сколько будет нужно, а семьи наших военнослужащих готовы на еще большие жертвы, если это требуется для благополучия страны… "

Вот вам, уважаемый читатель, и недостающий призыв "идти в последний смертный" по всем правилам жанра. Причем в СССР в период войны в Афганистане до такого цинизма не доходило. Никто не мог набраться наглости использовать слова убитой горем матери в идеологических целях. Да и какие слова сказала бы российская мать в аналогичной ситуации?

Американские политики – ультрапатриоты в своих публичных речах частенько прибегают к эмоциональным лозунгам для оправдания своей агрессивной позиции. Один из наиболее часто используемых: "Мы не пожалеем никаких средств, чтобы защитить самое дорогое, что у нас есть, – нашу свободу!"

Меня каждый раз передергивает от такого цинизма. Кто на нее покушается, на вашу свободу? Кому это в сегодняшнем мире по силам? И вообще – о какой свободе идет речь? Невольно задаешься вопросом – на кого это все рассчитано? Трудно поверить, что американцы не понимают этой фальши. А если понимают, то чем это отличается от призыва строить коммунистическое общество?

Тем не менее, плоды пропаганды налицо. 90 процентов американцев уверены, что Ирак реально угрожал Америке. 99 процентов считают, что их страна должна нести демократические ценности всему остальному отсталому миру. Тот факт, что ее об этом никто не просит, их ни мало не смущает. Это так нам знакомо. Мы ведь тоже несли идеи мировой революции куда только могли и кое- где и даже добивались успеха. В целом американцы зомбированы своей национальной идеи так же сильно, как советские люди в эпоху сталинизма.

Стук- стук, откройте дверь

Здесь имеет смысл перейти к одной характерной черте американского общества, которая совсем не свойственна нашему российскому менталитету. Речь о стукачестве.

Стукачество в Америке возведено в ранг общественной морали. Стучат все и на всех. От мала до велика. Однако стукачество американское сильно отличается от нашего. И не столько масштабами, сколько отношением к этому. Если у нас это дело постыдное и осуждаемое, то здесь самое что ни на есть правое.

Согласитесь – у нас в стране общественная мораль всегда была, есть и, к сожалению, долго еще будет в оппозиции к государству. Не могу сказать, с каких пор это повелось, но по крайней мере было так уже с середины семидесятых, когда я начал осознавать себя как личность. Когда я был еще подростком, у нас почему- то всегда считалось круто быть хулиганом, находиться в открытой оппозиции к учителям и всей школе в целом, круто было все то, что противоречило официальным правилам поведения.

Или давайте возьмем наши доблестные вооруженные силы. Те, кто служил, поймут меня без лишних слов. Для тех, кто не служил, небольшой комментарий. Официальные лозунги времен моей службы были такие: "Крепи оборонную мощь Советской армии", "Стань отличником боевой и политической подготовки" и тому подобное. Реальные же солдатские лозунги: "Солдат спит – служба идет", "Подальше от начальства – поближе к

кухне". Думаю, они те же и сегодня.

О стукачестве в армии не может быть и речи. Это деяние настолько позорное, что если ты уличен в этом, становишься изгоем. Опять противостояние системе уважаемо с точки зрения общественной морали.

Чем для нас так притягателен Владимир Высоцкий?

Противостоянием системе. Возможно, это противостояние и противопоставление у нас со сталинских времен. С лагерей, в которых отсидело полстраны. Да и сегодня чуть ли не треть населения имеет тот или иной опыт выяснения отношений с законом. Какое может быть у такого населения отношение к власти и к "гражданину начальнику"? Какое может быть отношение к стукачам и стукачеству?

В Америке все не так. Явление это не порицается ни государственной моралью, ни общественной. Да и вообще, общественная мораль не противостоит государственной. Стукачество – явление массовое, а потому и называть- то его так не совсем правильно.

Доносить учат со школьной скамьи. Если один ученик увидел, как другой списывает, он должен донести. И доносит. Я был потрясен, когда после контрольной работы ко мне подходили взрослые девушки и сообщали, кого они видели списывающим. Я, как положено, горячо их 6дагодарил, расспрашивал о подробностях, и они, довольные, уходили. Вы можете себе представить такое в российской школе?!

Как- то в классе ко мне подошла хорошая в плане поведения и успеваемости студентка и сообщила, что видела, как кто- то из учеников употреблял в перерыве алкогольные напитки. Она не знала, кому доложить об этом, и потому сообщила мне – своему учителю. Я от греха подальше отправил ее к завучу, и через десять минут она вернулась в класс с чувством выполненного долга. Это называется активная гражданская позиция.

Гораздо больше, чем друг на друга, ученики доносят на учителей. И не от большой обиды на них, а потому что так положено. Наша общая коллега из Fondren Middle School Катя Подосинникова рассказала случай, произошедший в ее школе. Один тринадцатилетний подросток на протяжении трех месяцев записывал в блокнотик не совсем педагогичные выражения своего учителя. В этих выражениях не было ничего страшного, оскорбительного или аполитичного. Просто с позиций американской педагогики учитель не должен говорить такое в классе. Насобирав достаточное количество выражений, он выложил это все директору… Учителя уводили. Это тоже активная гражданская позиция.

Эту активную позицию в американцах старательно воспитывают. Если ученик недостаточно сознателен, ему помогают проявить сознательность. В моей Lamar High School одна из заместителей директора, как раз, кстати, ответственная за ежегодную оценку учителей, занимается тем, что вызывает прямо с урока к себе в кабинет учеников и заставляет их сливать «компру» на своих учителей. Когда набирается определенная порция материала, учитель приглашается на ковер, и с ним проводится беседа.

Была такая беседа и со мной в самом начале работы в этой школе. Знаете, что я неправильно сказал в классе? Два выражения. Первое – "я не понимаю, зачем ты точишь свой карандаш, ты все равно не собираешься использовать его по назначению" – было сказано ученику, который до этого уже три раза поточил свой карандаш и ни разу ничего им не написал. Второе – «You are failing» ("Ты заваливаешь предмет") – было сказано ученику, который хвастался, что сдаст все на пять без подготовки. Пришлось открыть ему глаза на правду, сообщив, что на данный момент он не успевает. Все это совершенно нормально, с нашей точки зрения, но противоречит американской педагогике. Их детям можно говорить только то, что они умницы.

Такая мораль существует не только в школе, но и в семье. Если бы родители не поощряли, дети бы не доносили. Они это делают именно потому, что такова мораль всеобщая. Этому учат и в школе, и в семье, и в церкви, куда они ходят по воскресеньям послушать проповеди своих пасторов. И нигде никто даже случайно не скажет, что стучать

постыдно.

Стучат, конечно же, не только дети, но и сами взрослые. Очень многие учителя стучат друг на друга. Причем они не имеют с этого никаких дивидендов. Ты можешь быть директорским любимчиком, можешь не быть, у тебя стандартная нагрузка и стандартная зарплата, которая зависит только от стажа.

Между прочим, это сильнейшая сторона государства, когда население в основной своей массе не противостоит ему, а поддерживает. Сегодня в Америке воспитаны поколения граждан, личные ценности которых совпадают с официальными ценностями государства.

О цене патриотизма

Американцы все до одного патриоты до мозга костей. Причем патриоты даже те, кто не принимает общественную мораль, хотя таких меньшинство. В основном это очень немногочисленные слои цветного населения, среди которых как раз и вызревает тот небольшой по своим масштабам криминал, Который имеется в США. Белое население в своей основе полностью лояльно. Но что важно абсолютно все американцы, даже те, кто не принимают официальные ценности, являются патриотами своей страны. Проявляют свой патриотизм они очень активно.

После 11 сентября страна была в шоке. Все ждали, не последует ли что- либо еще. Но буквально через день патриотические чувства переполнили американцев и выплеснулись наружу. На каждом частном доме был вывешен государственный флаг. Каждый второй автомобиль был украшен маленькими флажками. Причем делали они это не по указке месткома или профкома, а из Личных побуждений. Для нас, недавно приехавших русских, такое проявление патриотизма казалось немного наивным и даже смешным, но они это делали от всего сердца. И так продолжалось в течение месяца.

Те же флаги на домах и автомобилях развевались в начале военной кампании в Ираке. А на некоторых машинах красовались плакаты Irac is first, France is next (сначала Ирак, потом Франция). Таким образом, агрессивные патриоты желали разобраться с Францией за ее позицию против войны в Ираке.

В школах тогда были организованы акции сбора туалетных принадлежностей, сладостей, газет и журналов для отправки американским военнослужащим в зону конфликта. Причем сама эта акция была организована, я убежден, с одной лишь целью – воспитывать патриотические чувства у школьников. Все понимают, что командование может обеспечить своих солдат всем необходимым и без поддержки населения. А стоимость ЛИШЬ одной выпущенной по Ираку крылатой ракеты намного превышает стоимость всего того, что насобирают школьники. Но зато они этим самым поддерживают армию, участвуют в общем деле.

Есть, правда, один момент. Школьники хотят получить за этот свой патриотический порыв дополнительные баллы от учителя. Официально вопрос о том, давать или не давать в этом случае дополнительные баллы, на усмотрении учителя. Но абсолютное большинство учителей делает это. Лица моих детишек погрустнели, когда я заявил, что это неправильно – платить за проявление патриотических чувств и что не собираюсь этого делать. Потом, когда я сдался и согласился (надо же и успеваемость в классе повышать каким- то образом), свой вклад внес каждый нуждающийся в улучшении своей оценки. И это тоже часть государственной политики – патриотические чувства не могут оставаться незамеченными, они должны поощряться. И поставленная задача с успехом достигается.

Глава 14. Американский менталитет

Я постоянно ловлю себя на мысли, что об американской школе трудно рассказывать, используя привычные нам слова. В русском языке просто нет терминов для передачи некоторых категорий, так как у нас нет самих этих категорий. Выше я уже приводил пример критериев и показателей, по которым оценивается работа учителя – для нашего уха это чистая белиберда. С другой стороны, американцы не используют многие привычные для нас понятия: не исключено, что они им кажутся абсолютно бессмысленными.

Например, в США не говорят: "У этого ученика глубокое знание предмета, а у того – поверхностное", так как знание предмета не является основной целью обучения. Вместо понятия «знание» (knowledge) они оперируют категориями background (база), skills (навыки), success (успех), achievements (достижения) и прочими. Вместо слова «умный» они используют smart, что в большей степени означает "сообразительный"'. В дискуссии американцы редко скажут: "Ты не прав". Наиболее жесткая формулировка будет звучать так: «Я не согласен с вами»

Да что там говорить, если само слово «воспитание» отсутствует в американской педагогике! Соответственно нет таких понятий как «воспитанный» и «невоспитанный» ребенок.

В общем, не понимая американский менталитет, невозможно понять и особенности образовательной системы США.

Постепенно я прихожу к выводу, что именно менталитет нации определяет ту или иную форму образовательных институтов. В Японии никогда не будут обучать так, как в Америке, и наоборот. Точно так же американский мультирассовой социум, построенный на англосакской культуре и протестантских ценностях, сильно отличается от общества российского.

Вопреки расхожему мнению я убежден, что общего в традиционных ценностях и алгоритмах поведения россиян американцев значительно меньше, чем различий. Например, воспитывая своих детей, мы в качестве крайней меры беремся за ремень, а американцы в аналогичной ситуации обращаются в суд.

Различия в ментальности наций – это очень важный фактор, и его нужно учитывать, занимаясь реформированием отечественной системы образования по западному образцу. Институт образования должен быть органично присущ нации, должен соответствовать ее менталитету и традициям. Необходимо понимать, что какие- то вещи российское общество никогда не примет и все попытки привить их в России обречены на провал.

Ввиду важности этого момента поговорим о наиболее существенных, на мой взгляд, различиях в менталитете американцев и россиян.

Сначала скажу несколько слов о том, что не может не импонировать в США. Все американцы очень приветливы, незлобивы, эмоциональны и непосредственны. Агрессивность, зависть, угрюмость – такие качества большинству из них совершенно несвойственны. Они очень любят детей и приветливы с ними. Если вы идете куда- то с ребенком, то каждый улыбнется и отметит, какой у вас чудесный малыш. В иерархи их ценностей семья в е карьеры.

Абсолютное большинство американцев – искренне верующие люди. В церкви у них просветленные лица, они не сдерживают слез и улыбок, благодарности и надежды. Это резко контрастирует с озлобленным или осуждающим выражением лиц, которое, к сожалению, нередко можно увидеть в российских храмах. Впрочем, только ли в храмах?

В Штатах полицейские не смотрят на тебя с наглой улыбкой и не ведут себя по- хамски. Работники сферы обслуживания приветливы и услужливы. Водители на дорогах взаимно вежливы и не стремятся показать, кто здесь самый «основной». Люди не носят камень за пазухой, не гадят там, где сами же живут и отдыхают…

Перечислять плюсы американского образа жизни можно до бесконечности.

Однако человек так устроен, что хорошее не всегда заметно, а вот недостатки просто

режут глаз. В России – российские, а в Америке – американские. Вернее, не недостатки, а просто отсутствие того, к чему привык. Если разница в чем- то со знаком плюс, этого не замечаешь. Если со знаком минус, это воспринимается как недостаток.

Улыбку, please

Визитной карточкой любого гражданина старейшей демократии в мире является американская улыбка. Она несет ни смысловой, ни душевной нагрузки человека российского. Наш человек улыбается тогда, когда он этого хочет. Американец улыбается тогда, когда это положено. Поэтому, если вам улыбнулся американец, это еще совсем не значит, что он испытывает к вам добрые теплые чувства. Просто у них так принято. Конечно, американцы могут улыбаться и искренне. Но я имею в виду дежурную американскую улыбку, которой они одарят вас при встрече.

Эта улыбка имеет определенные стандарты. Улыбка с сомкнутыми губами – это неправильная улыбка. Улыбаться нужно так, чтобы были видны все тридцать два зуба. Иная анатомия области рта – не повод улыбаться неправильно. Очень смешно наблюдать, как это делает подрастающее поколение. У некоторых такая улыбка получается естественно, а некоторым никак не дается. Если посмотреть на их групповые фотографии, то отчетливо виден неестественный вымученный характер такой улыбки. Годам к шестнадцати юные американцы, и особенно американки, уже полностью овладевают этим нехитрым искусством.

Иногда смотришь, идет навстречу тебе американка. По выражению лица еще издалека видно, что на душе у нее совершенно отвратительно. Но, приблизившись на расстояние приветствия, она непременно растянет рот в улыбку и произнесет: Good morning! Причем остальная часть лица может и не поменять угрюмого выражения. После произнесения приветствия губы тут же возвращаются в исходное положение, причем еще до того, как она исчезла из поля вашего зрения. Все это происходит совершенно автоматически.

Если же настроение нормальное, то американцы улыбнутся вам так, как будто это лучший момент их жизни. А на ваш дежурный вопрос How are you? ответят с таким видом, будто только что выиграли миллион. У человека, недавно попавшего в Америку, может сложиться впечатление, что у них действительно все фантастически прекрасно. Кстати, такие приветствия и впрямь несколько улучшают настроение. Поулыбаешься с утра, повосклицаешь, как у тебя все прекрасно, и начинаешь чувствовать, что твой тонус уже чуть повыше.

А улыбаться придется – таковы правила приличия. Если не улыбнешься при встрече или, не дай бог, просто пройдешь мимо, то ты не nice person. А это значит – не свой и вообще что- то с тобой не так. Видимо, ты не successful. А это очень плохо для карьеры.

Американцы имеют право только на положительную эмоцию от своего и всеобщего успеха. Если нет успеха своего, то будь добр радоваться чужому. Конечно, ты имеешь право и на иные эмоции, но там, где тебя никто не видит. На людях же, особенно на работе, обязан быть nice. Проявление гнева и раздражительности на работе означает крест на карьере. Если тебе трудно с я сдерживать, то обратись к врачу, и он выпишет правильные таблетки, но права на отрицательные эмоции в коллективе у тебя нет. Американская медицина совершенно серьезно рассматривает любое проявление отрицательных эмоций, включая длительное пребывание в подавленном состоянии, как признак серьезного психического расстройств. Вот они и улыбаются, пытаясь убедить окружающих в обратном. А потом вдруг ни с того ни с сего берут ружье и начинают палить по всем подряд, оставляя за собой горы трупов, будучи более не в состоянии сдерживать подавляемые негативные эмоции.

В свое время я не сразу понял, что отличает американское общество от российского. Это видимое отсутствие негатива в жизни. Американцы не проявляют публично негативных эмоций. Они не ругаются, не скандалят, не жалуются на жизнь и не сетуют, как все вокруг

плохо. Наоборот – все у них в жизни прекрасно. Они не концентрируются на недостатках, недоработках и т. д., акцентируя внимание на достоинствах. Поэтому учителя никогда ни в какой форме не критикуют учеников за недостатки, а лишь хвалят за успехи. Самое интересное в том, что при этом у американских студентов вырабатывается ощущение, что они и в самом деле преуспевают в учебе. Они привыкли слышать сплошные хвалебные слова и не допускают и мысли о том, что может быть как- то по- другому.

Однажды я начал отчитывать целый класс за плохие оценки по контрольной работе. Работа была легкая, не требовавшая особых умственных усилий. Требовалось всего- навсего заучить определенные вещи. Когда, проверяя работы, я обнаружил, что они ничего не выучили, то обратился к ним с пламенной речью. Говорил я примерно следующее: "Вы напрасно думаете, что в моем классе можно не учить и получать хорошие оценки. Вы не выучили то, что я вам задал, и потому сейчас не можете понять новый материал. Если вы продолжите в таком же русле, то просто завалите мой предмет". Это происходило в хорошем классе, где учащиеся крайне заинтересованы в высокой оценке. Передо мной сидели шестнадцатилетние студенты, и потому я рассчитывал на понимание. Какого же было мое удивление, когда я заметил, что мои слова не находят в их юных сердцах никакого отклика. Студенты смотрели на меня непонимающими глазами – мол, о чем это наш учитель? И тут я понял, что они никогда в жизни не слышали от учителя ничего подобного.

Американская педагогика требует исключительно позитивного воздействия на ученика. Неслучайно слово «позитив» встречается в педагогической литературе даже чаще, чем слово success: позитивная обстановка, позитивное отношение, позитивное воздействие и т. д.

Позитивное поведение требуется и в отношениях взрослых между собой. Сказать подлецу, что он подлец, недопустимо, это правило плохого тона. Да и какой он подлец, если так мило улыбается? А вот у тебя, раз ты делаешь такие заявления, видимо, действительно что- то не так. Поэтому у них все без исключения nice и все у них в жизни wonderful. Создается впечатление, что проблем просто не существует. На самом деле их предостаточно, просто они загнаны в угол усилием воли или правильными таблетками.

Одинокие индивидуалисты

Если вас угораздило рассказать американцу о своих проблемах, то он вас выслушает, даже посочувствует и… постарается как можно скорее вас покинуть и больше об этом не заговаривать. Сами же американцы никогда не поведают вам о своих проблемах. Если они и захотят с кем- то поделиться, то это будет не друг и не коллега, а профессиональный психотерапевт. В этом отношении они люди очень замкнутые и одинокие.

Единственное, что их волнует в этом мире, – это они сами со своими переживаниями, их семья и работа. Все, что происходит вокруг, занимает их лишь в той степени, насколько это может коснуться их лично. В принципе многие американцы интересуются большой политикой, как внутренней, так и внешней, и в то же время они очень далеки от жизни своего более узкого окружения.

Как известно, российские средства массовой информации кроме местных политических и экономических новостей в каждом номере или выпуске большое место отводят событиям, скажем так, общественно и социально значимым. О том, ставить или не ставить двенадцатиметровый примус на Патриарших прудах. О том, каким быть памятнику защитникам Казани. О том, что памятник архитектуры, здание девятнадцатого века, используется не по назначению. О том, что в N- ской библиотеке ввиду отсутствия средств уникальные издания хранятся в ненадлежащих условиях. О том, что загрязняется парк – любимое место отдыха горожан.

Мы действительно всем этим интересуемся, а самые активные из нас сами не прочь написать письмо в соответствующие инстанции или даже помитинговать, если представится

такая возможность. И не от того, что нам нечем заняться. Просто мы в отличие от американцев гораздо более активные в этом плане люди. Нас на самом деле волнует внешний вид родного города, потому что мы по праву считаем его своим. Нас воспитали коллективистами, учили, что все вокруг народное. А раз народное, значит, наше.

В США, как известно, коллективная собственность отсутствует. Каждый пятачок земли кому- то принадлежит, и только владелец решает, что с этой землей делать. Муниципальной собственностью являются лишь крохотные островки парков, которые просто кишат народом, как наши места проведения общественных мероприятий. Нет предмета для обсуждений, нет и самих обсуждений. В этом смысле американцы могут быть классифицированы как индивидуалисты, причем в самой крайней форме.

Еще одна причина их безразличия к своему окружению в том, что Америка – страна переселенцев. Даже если не говорить о многочисленных иммигрантах, сами коренные американцы переселенцы. И не только потому, что их предки в свое время перебрались сюда из Европы. Очень многие американцы постоянно кочуют по стране. Это их образ жизни. В большей степени это касается квалифицированных специалистов. У них принято получить высшее образование в одном штате, потом написать диссертацию в другом, пройти стажировку в третьем, поработать в четвертом, пятом и наконец, окончательно осесть уже перед пенсией в шестом. Поэтому значительная часть американцев затрудняется ответить на вопрос, где их дом. А уж прожить всю жизнь там, где родился и где похоронены предки, удается лишь единицам. Вот и получается, что и нет ничего близкого и родного, за что могла бы болеть душа. Нет той земли, которую мы привыкли называть родиной.

В США нет ничего вечного. В России, как и в большинстве других стран, в каждом более или менее историческом городе сохранились сооружения, построенные в прошлом веке, а то и два, три и даже семь веков назад. Это достояние, которым мы дорожим. От соприкосновения с историей ощущаешь какой- то трепет. Исторические памятники являются гордостью и символом города или даже всего края…

Во всей Америке едва ли найдется несколько сотен сохранившихся с прошлого века зданий. И не потому, что таковых никогда не было. Были, но их не сочли нужным сохранить. А зачем? Это нецелесообразно, так как старые здания плохо выполняют свое функциональное назначение. Гораздо лучше все снести и построить на этом месте нечто новое. Такая вот система ценностей.

В России даже сегодня любой крестьянин, строя личный дом, делает все так, чтобы в этом доме после него могли жить и дети, и внуки. И дом стоит. И дети с внуками живут. Для них этот дом и есть самое святое на земле, важнейшая часть их семейной жизни и истории.

В Америке совершенно другой образ мышления. Здесь все определяется целесообразностью. Зачем строить на века? Паспортный срок службы большинства индивидуальных домов не превышает пятидесяти лет. Срок же проживания одной семьи в каком- то конкретном доме, как правило, не больше десяти лет. После этого дом продается и покупается новый либо в связи со сменой работы, либо из финансовых соображений. В слово «дом» американцы не вкладывают того смысла, что мы. Дом в их понимании – это просто место ого проживания, а также объект для игр на рынке недвижимости. Сегодня он может быть куплен, а завтра продан и куплен другой, если это сулит финансовый выигрыш.

Очень часто в США у меня возникает ощущение нереальности всего происходящего вокруг. За неполный год с фантастической скоростью выстраивается целый жилой комплекс. Где еще вчера был пустырь, сегодня стоят дома либо торговые центры.

Строить здесь дешево и просто, так как все здания являются по сути фанерными с каркасом из деревянных реек. Нужно отдать должное: внутри дома очень комфортны для проживания. Последнее поколение домов и выглядит вполне пристойно. Но почему- то эти приятные на вид домики напоминают мне декорации из картона и папье- маше. Кажется, закончится спектакль – и декорации сменят. А вместе с ними сменят и актеров. Нет ничего

вечного. Все вокруг создано из соображений сиюминутной целесообразности. Иногда мне кажется, что может исчезнуть и сама страна, так же незаметно и быстро, как и потерявшее целесообразность сооружение…

Позволю себе еще одно сравнение с Россией. Вы только представьте себе, во что бы превратилась наша жизнь, если отнять у нас возможность общаться! Вообразите бабульку, целый день сидящую в своей квартире и не выходящую поболтать у подъезда… Подростков, встречающихся только в школе или в спортивном зале… Женщину, не желающую обратить на себя мужское внимание… Представили? Вот это и есть жизнь американцев. Ревностная защита частной собственности и всевозможных прав личности привела к тому, что выросли поколения людей, просто не умеющих общаться да и не испытывающих в этом особой потребности. Мой дом – моя крепость. Все остальное меня не касается.

В Хьюстоне, четвертом по величине городе Америки, нет ни одной пешеходной улицы. Нет места, где можно пройтись, посидеть, попить кофе, выкурить сигарету, посыпать голубям семечки и просто насладиться окружающей жизнью. В огромном городе никто нище не ходит пешком. Нет общественного транспорта, который поневоле сближает. Жизнь устроена так, что люди просто физически не могут повстречаться. Правда, есть многочисленные бары и ночные клубы, где, вероятно, и происходят знакомства. Соседи, как правило, лишь шапочно знакомы друг с другом, а иногда даже не знают, как кого зовут.

Твой комплимент женщине чреват последствиями. В лучшем случае тебя просто не поймут. В худшем – на тебя подадут в суд за сексуальные домогательства. Американки в комплиментах не нуждаются. Как, впрочем, не особо нуждаются и в ухаживаниях, цветах, вечере при свечах. Лучшим подарком является справка о финансовом благополучии. Недавно американские социологи выяснили, что большинство потенциальных женихов и невест не только благосклонны к браку по расчету, но и прямо указывают размер состояния, за которое отдадут свою руку. Сердце тут уже ни причем.

Дружба сводится к периодическим встречам на различных тусовках, где люди много едят, мило улыбаются, ведут ничего незначащие пустые беседы и через пару часов расходятся. При этом многие считают, что хорошо провели время. За два года мне довелось побывать на многих таких мероприятиях лично и услышать отзывы своих друзей о подобных тусовках. Идти туда в следующий раз уже не хочется. Наши российские даже просто приятельские отношения во многом теплее и человечнее, чем то, что американцы называют дружбой.

Россиян заставляет дружить сама система. У нас нужно дружить чтобы выжить. А чтобы хорошо жить, как заметил один мой приятель, нужно уметь хорошо дружить.

В Америке не так. Чтобы выжить, нужно иметь лишь хорошо оплачиваемую работу. Очень многие американцы вообще ни с кем не общаются, кроме коллег по работе и знакомых в церкви по воскресеньям.

Что касается дружбы с детства, того периода, когда дети естественно тянутся друг к другу, то этим детским отношениям умышленно или неумышленно поставлен заслон.

Система о общественной жизни выстроена так, чтобы дети просто не могли общаться друг с другом в неформальной обстановке. Прежде всего они не находятся без присмотра во дворах или на улицах. В школе у них просто нет одного класса, как нет и одноклассников. Каждый год каждый день на каждом уроке они видят вокруг себя совершенно разные лица. Могут ли у них возникнуть хоть сколь- либо близкие отношения, похожие на дружбу, при таком общении? Будут ли они скучать друг по другу и собираться после окончания школы?

А возьмем школьное расписание. Уроки по 90 минут без перерыва. Перерыв между уроками семь минут! Вы можете себе представить такое? Этого времени хватает только для того, чтобы перейти из одного класса в другой. Они даже не успевают сходить на перемене в туалет. Как вы думаете, американские педагоги не понимают, что детям нужен отдых? Что просидеть в классе 90 минут без перерыва одиннадцатилетним – пятнадцатилетним просто

не под силу? Еще как понимают, но расписание уроков устанавливают именно такое. Зачем? Чтобы дети как можно меньше находились наедине друг с другом без контроля учителя. Быстрее загнать их в класс, а там, учитель, делай с ними все что хочешь. Отчасти это связано с тем, что школа несет ответственность за учеников в то время, когда они в стенах школы. Администрация стремится избежать возможных инцидентов в виде драк и применения наркотиков. В результате американская школа целенаправленно взращивает индивидуалистов, так же как в свое время школа советская сознательно воспитывала коллективистов.

Смотри пункт второй

Говоря о менталитете американцев, не могу еще раз не останов на их приверженности буквальному следованию инструкциям, или, еще точнее исполнительности. Как я уж ранее, существующей системой ценностей исполнительность возведена в ранг добродетели, а независимость и самостоятельность выглядят чуть ли не пороками.

Наиболее ярко это проявляется в такой характерной сфере, как техника безопасности. Это неудивительно в стране юристов и адвокатов, где за любой причиненный на работе ущерб здоровью можно отсудить у работодателя просто сумасшедшие деньги. Поэтому работодатель и старается обезопасить себя на все сто. Такое отношение очень сильно контрастирует с наплевательским подходом к технике безопасности в России.

В США другая крайность. Здесь, например, невозможно встретить ни одного работника строительной или технической специальности при исполнении без защитной каски. Чем работник в данную минуту занят – не имеет большого значения. Однажды я вызвал домой телефонного мастера. В защитной каске он стоял уже на пороге моего дома, в ней же он и проделал всю свою работу. Что в доме у клиента может упасть телефонисту на голову? Когда он, бедный, надел эту каску: выходя из машины или же находится в ней все время? Чего боится руководство компании, заставляя своего работника ходить целый день в каске на сорокаградусной жаре?

Впрочем, дело не только в работодателе. Так, американцы обязательно надевают защитные шлемы во время семейных велосипедных прогулок, хотя никто их не заставляет делать. Что может угрожать голове при неспешной езде на велосипеде? Это как нужно упасть с велосипеда, чтобы повредить голову? Этими вопросами американцы не задаются. В инструкции к велосипеду рекомендовано надевать шлем, они и надевают.

Учителя химии регулярно сталкиваются с техникой безопасности в школе. По распоряжению руководства нашего дистрикта студенты обязаны постоянно быть в защитных очках, находясь в химической лаборатории. Причем не имеет никакого значения, чем конкретно они там занимаются. Уровень опасности эксперимента никого не интересует. В самом начале своей работы я не знал этого требования и по своему усмотрению определял необходимость таких предосторожностей. В один из таких дней заведующая кафедрой, увидев моих студентов без очков, настучала на меня завучу, и тот вызвал меня на ковер. Я пробовал было аргументировано возразить, что в наших занятиях нет никакой опасности, и в очках студентам неудобно. Но завуч вежливо и твердо ознакомил меня с существующим распоряжением.

Самое смешное, что настоящие, а не выдуманные опасности были совсем рядом. Так, в лаборатории на полочке я обнаружил увесистую банку с цианистым калием, доступную для любого. А студенты на лабораторных занятиях из года в год использовали метиловый спирт в качестве обычного растворителя. Когда я это увидел, то у меня волосы встали дыбом. Химики поймут мои чувства. Я даже попробовал использовать этот факт в качестве аргументации – мол, вы здесь ерундой занимаетесь, а реальной опасности не видите. На завуча мои слова не произвели никакого видимого впечатления. И это понятно – про

цианистый калий и метиловый спирт в распоряжении ничего не написано, а значит, за это и не спросят. А вот про очки написано черным по белому…

Еще пару слов о строгости инструкций. Помните, как в американских фильмах при задержании преступников полицейские быстро проговаривают фразу о том, что по закону задержанные могут хранить молчание? Оказывается, это относится не только к арестам и допросам, но и к процедурам не столь драматичным. Например, перед любыми квалификационными экзаменами тестируемым зачитываются их права и обязанности. То же самое делают учителя в школах во время государственных и иных тестов. В начале своей работы я не знал, насколько это строго. И вот на одном из таких экзаменов заходит ко мне в класс завуч испрашивает, прочитал ли я инструкции. Отвечаю, нет, просто объяснил их своими словами. Надо было при этом видеть лицо этой дамы. Она сначала покраснела, потом посинела и со словами "Вы должны были зачитать это слово в слово" в панике выбежала вон из класса, видимо, докладывать директору о случившемся ЧП. Ничего страшного в тот раз не произошло, но случай очень показателен.

Инструкции по применению товаров можно читать как анекдоты – все они без исключения достойны репертуара Михаила Задорнова. Вот, например, окончание инструкции по выпеканию пирога из полуфабриката: "… Выньте готовый пирог из печки. Не трогайте его голой рукой – это может вызвать ожог. Для охлаждения пирога до теплого состояния подождите 20 минут, до комнатной температуры- 50".

Иногда возникает впечатление, что будучи приучены следовать инструкциям, большинство американцев уже просто неспособны самостоятельно принимать решения. Опишу один поразивший меня случай.

Сентябрь 2005 года. Техас ожидает удар очередного урагана по имени Рита, который движется со стороны Мексиканского залива непосредственно на Хьюстон. Месяцем ранее в соседней с Техасом Луизиане ураган Катрина буквально уничтожил город Новый Орлеан. Тогда власти проявили свою полную беспомощность перед стихией. Ураган вызвал сильные социальные потрясения и огромный общественный резонанс по всей стране. Наученные горьким опытом, в этот раз власти встретили новую стихию во всеоружии.

Из мест предполагаемого удара объявлена всеобщая эвакуация. Полностью эвакуирован прибрежный курортный городок Гальвестон, находящийся в сорока милях от Хьюстона. Из самого Хьюстона эвакуация не обязательна, но рекомендована. Все учреждения закрыты за два дня до предполагаемого прихода урагана, дабы люди смогли загодя уехать. Если не половина, то треть населения Хьюстона решила эвакуироваться. Кто- то едет к родственникам и друзьям, у кого таковых не имеется, просто забронировали номера в гостиницах. Направление движения для всех одно – на север, куда ведет хайвэй 1- 45…

Уважаемый читатель, вы можете себе представить эвакуацию половины трехмиллионного города? Вся эта масса народа устремляется на север по одному-единственному хайвэю. По сути дела, вся трасса и прилегающие к ней подходы превращаются в сплошную пробку. Интересно, что две полосы встречного движения совершенно пустые (в Хьюстон никто не едет), но власти не открывают их для движения из Хьюстона. Послушные американцы не делают никаких попыток выехать на эти полосы, как, впрочем, не формируют двух дополнительных полос по обочинам. Они просто послушно стоят на дороге друг за другом. Через какое- то время выясняется, что на заправках вдоль трассы закончился бензин. Водители не глушат двигатели, так как от последних питается кондиционер.

На улице жара в 35 градусов, на солнце все 50. Постепенно бензин в автомобилях заканчивается, спасения от палящего солнца больше нет, и никто уже в принципе не может никуда поехать, даже если вдруг дорога впереди откроется.

В результате вся эта масса людей и автомобилей так и стоит на трассе под палящим тропическим солнцем на протяжении всего дня. Люди начинают справлять свои

естественные нужды прямо посреди чистой степи на виду друг у друга, что для привыкших к комфорту американцев очень неудобно. Через какое- то время прямо на шоссе загорается автобус с постояльцами дома престарелых, и они заживо сгорают в огне…

Заканчивается все тем, что люди никуда не доезжают, а встречают ураган прямо на трассе. На вторые сутки власти подвозят бензин, все разворачиваются и едут обратно в Хьюстон.

Почему такое стало возможным? Почему люди ничего не предприняли для спасения себя и своих детей? Почему они тупо стояли в этой пробке с работающими двигателями, глядя, как стрелка показателя топлива неумолимо движется к нулю? Ведь видели, что пробка не рассасывается. Слушали радио и понимали, что стоит вся трасса до самого Далласа и в ближайшие часы ничего не изменится. Почему никто не съехал на какую- нибудь второстепенную дорогу и не попытался доехать хоть куда- нибудь: до заправки, магазина, гостиницы вдалеке от трассы или просто до дерева, дающего тень?

Такие решения просто не могли прийти большинству американцев в голову. Они ждали, что придут представители власти и помогут. Нетривиальное мышление им не присуще. Раз они забронировали гостиницу в городе Н., то именно туда и поедут, никуда не сворачивая. Им ведь никто не сказал, что нужно свернуть в сторону… Поэтому они будут стоять в пробке и ждать, пока не поступят новые инструкции…

Страна потребления

Говоря об американском менталитете, нельзя не упомянуть и о том, что США – это страна потребления. Это хорошо видно уже в школе. Ученики приходят в класс не работать, а именно потреблять. Работая, нужно отдавать свой труд, потребляя – использовать чужой. Выше я уже отмечал, что работа не есть «Фан», поэтому противопоказана американским ученикам. Им не нужно утруждать себя списыванием задачи с доски или из учебника, учителя приносят им все на блюдечке. Для них все уже приготовлено. Даже ручки и карандаши не обязательно приносить в школу, не говоря уже об учебниках и тетрадках. Только приходи – учитель выдаст тебе все необходимое. Большинство заданий составлено таким образом, что нужно только поставить галочки в соответствующие места или вписать отдельные слова в пропуски. Материальные ресурсы, расходуемые в процессе обучения, поражают воображение. Американские студенты до того к этому привыкли, что воспринимают все как должное.

За порогом школы этот эффект выражен еще ярче. Огромное количество денег на руках у населения и относительно низкие цены формируют пристрастие американцев к потреблению, масштабы которого потрясают. Например, в магазине они никогда не покупают по одному предмету одежды. Если уж пошел в магазин, то приобрел как минимум пять-десять. Такие походы в магазин – мероприятие частое. Когда спрашиваешь студентов об их увлечениях, большинство, не задумываясь, говорит: shopping. И действительно, это – часть образа жизни, элемент культуры.

Про количество покупаемой еды я вообще промолчу. Употребление пищи, особенно публичное, тоже элемент культуры. Порой единственной целью мероприятия является именно употребление пищи. Такие названия мероприятий, как Pizza Party или Cheese and Wine Party, говорят сами за себя. Возможно, кто- то скажет, что мы в России тоже любим поесть. Все верно, но у нас еда не самоцель. Мы собираемся, чтобы пообщаться и повеселиться, причем от души. Американцы собираются, чтобы поесть…

Объем производимого одной американской семьей мусора превышает объем мусора, выбрасываемого в России жителями целого подъезда. Готовить ничего не нужно – обед, ужин и даже завтрак в ресторане. Грязное белье просто сдается в прачку, откуда возвращается чистым и поглаженным. Даже газон перед домом тебе скосят, только плати деньги.

Уровень обеспеченности и благополучия определяет уровень потребления. Частенько на выходные американцы выезжают куда- нибудь в пригород просто для того, чтобы провести два дня в гостинице. Основная цель – сменить привычную домашнюю обстановку на что- нибудь новое, ну и конечно же воспользоваться услугами обслуживающего персонала. Все эти услуги, бесспорно, удобны и приятны. Вообще жизнь в Америке очень комфортна в бытовом плане, чего про Россию до сих пор не скажешь.

Не секрет, многие наши люди с возрастом как- то озлобляются, становятся раздражительными и нетерпимыми: у всех своя история про то, как закалялась сталь. Чуть окрепнув, они сами начинают «закалять» других. У американцев этого нет. И они беззаботны, неспешны и приветливы. Вот и не верь потом, что бытие определяет сознание…

Глава 15. Чужой карман

Общеизвестно, что Америка – самая богатая страна, а доходы американцев соответственно самые высокие в мире. Но насколько они богаты? В этой главе я попробую удовлетворить интерес читателей и попытаться оценить благосостояние рядовых американцев. Сами американцы очень не любят вопросы о своих доходах. Если вы их об этом спросите, то они сильно обидятся и не ответят. Но мы это сделаем без их разрешения.

Итак, начнем. Лучшие товары мирового производства стекаются в Америку. Природные ресурсы других стран работают на Америку. Научно- техническая элита всего мира мечтает продать себя в Америку.

Умные дяди выстроили такую общемировую экономическую систему, что весь остальной мир спит и видит, как бы протолкнуть свой товар на рынок США. В результате всего этого мы имеем весьма странные с точки зрения логики факты. Например, бензин в Америке стоит ровно столько, сколько в нефтедобывающей России. А если принять во внимание качество бензина, то окажется, что он еще и дешевле, чем в России. Любой качественный фирменный товар можно купить в американских магазинах раза в полтора- два дешевле, чем в России. Даже продукты питания стоят здесь дешевле, чем в Москве. Что интересно, это касается не только России. Товары китайского и латиноамериканского производства можно приобрести в американских магазинах по той же цене, что и в стране-производителе. И это все при том, что уровень зарплаты в Штатах раз в десять или двадцать выше, чем в той же России или Китае. Американцы катаются как сыр в масле, скажете вы. В смысле уровня материального потребления им действительно нет равных.

Денег в стране очень много. Но из этого совершенно не следует, что американцы чувствуют себя богатыми… Они обеспечены, но отнюдь не богаты. Пока работают – имеют все что нужно для жизни: дом, машину, одежду, еду и при сравнительно высокой зарплате один раз в год круиз в любую точку мира. И не более. А что же еще нужно? – спросит меня не избалованный жизнью российский читатель. Действительно, для многих россиян, еле сводящих концы с концами, такая жизнь может показаться фантастической. Но Америка – страна цивилизованная, поэтому давайте будем ее сравнивать с цивилизованным миром, а не с сегодняшней Россией.

Сколько зарабатывают в Штатах перебравшиеся туда российские граждане? Обычно в ответ на этот вопрос называются цифры от трех до восьми тысяч долларов в месяц. Такое действительно не редкость. Но это самые лучшие примеры. Между тем есть и такие иммигранты, что влачат полунищенское существование. Не нужно забывать, что большинство переехавших в Америку россиян являются высококлассными специалистами с учеными степенями. Поэтому через несколько лет пребывания в стране (а некоторые и сразу) получают сравнительно высокооплачиваемую работу. В то же время в Америке очень много тех, кто уехал не по контракту, а например, как беженец по еврейской иммиграции. Такие,

попав в Штаты, при отсутствии квалификации далеко не жируют. Н лично знаком с очень многими нашими бывшими согражданами, которые на протяжении многих лет вынуждены за крохи в буквальном смысле слова подтирать задницы пациентам в доме престарелых. Понятно, что представители этой категории никогда не сообщат на Родину о своих «успехах» в США.

Действительно, на первых порах жизни здесь возникает ощущение, что ни за что получаешь баснословные деньги. Например, простые учителя получают на руки более 2000 долларов в месяц. Неплохо, правда? Нашему бы учителю такую зарплату! Но эйфория проходит, когда начинаешь понимать, что все эти деньги уходят на жизнь, причем далеко не роскошную. Я уже не говорю о том, чтобы что- то накопить. Однако зарплата учителя – отнюдь не показатель. Поэтому давайте для начала рассмотрим, сколько получают американцы.

Итак, полезли в чужой карман.

Зарплата в Америке рассчитывается и устанавливается не в месяц, как у нас, а за год. Причем официально объявляется «грязная» зарплата, с которой еще удерживаются налог. Самая низкая официально допустимая зарплата в США составляет шесть долларов в час. При восьмичасовом рабочем дне и пятидневной неделе выходит около 12000 долларов в год. Это не теоретический минимум. Достаточно большое число американцев трудится именно за такие деньги, получая от 12000 до 20000 годовых. Любой неквалифицированный труд оценивается такими суммами. Такова же зарплата многомиллионной армии работников кассы и прилавка.

Чуть более квалифицированная, требующая минимальных знаний и навыков работа стоит от 20000 до 35000 долларов в год. Это зарплата таких категорий работников, как клерки, лаборанты, секретари и пр. Такие деньги также получают за неквалифицированный, но интенсивный или физически тяжелый труд.

Квалифицированный труд, требующий высшего образования, например, работа учителя, стоит от 35000 до 55000 – 60000 долларов. В этих же пределах находится зарплата большинства чиновников. Столько же получают, как правило, и специалисты частных компаний с опытом работы от нуля до десяти лет. Причем их труд оплачивается строго пропорционально опыту работы. Выпускник вуза не может рассчитывать больше, чем на 40 тысяч, тогда как специалист с пятилетним стажем вполне может требовать 60 тысяч.

Следующая ступенька самая высокая: от 60000 до 120000 долларов и выше. Эту категорию трудно загнать в определенные рамки. Здесь все очень индивидуально в зависимости от вида бизнеса, компании и самого работника. Такие деньги получают либо владельцы собственного мелкого бизнеса, либо наемные специалисты экстра- класса, руководители отделов солидных компаний, практикующие врачи и юристы. Хоть они и называются средним классом, таковых в Америке отнюдь не большинство. Если это не частный бизнес, а наемный труд, то, как правило, люди выходят на такой уровень зарплаты не ранее чем после 15 – 20- летнего длительного и упорного карьерного роста. Это удается не всем, а наиболее способным и удачливым. Многие сидят на 50 тысячах вплоть до самой пенсии. 120 тысяч – это своеобразный потолок, который может выплачиваться за наемный труд. Выше этой суммы получают только менеджеры крупных компаний.

В этом месте нужно оговориться, что приведенная квалификация верна для средних по благосостоянию штатов, таких как Техас. В Калифорнии, например доходы повыше, в других штатах – пониже.

Следующий важный момент в оценке благосостояния американцев – это число работающих в семье. В большинстве американских семей только один из супругов работает. Это выгодно из простых экономических соображений. Налоговая система не стимулирует второго супруга к работе. В случае работы второго супруга почти половина второй зарплаты уходит на резко увеличивающиеся в этом случае налоги и прочие накладные расходы. Кроме

того, что увеличивается налогооблагаемый семейный доход и соответственно повышается ставка налога, работающая мама переходит из категории иждивенца (что дает льготы в налогах) в субъект налогообложения.

Еще один фактор – расходы на детей. Содержание ребенка в детском садике бесплатно только начиная с пяти лет. До пяти лет либо с ребенком сидят родители, либо за его присмотр платятся деньги. Все эти факторы практически сводят на нет вторую зарплату в семье. Даже в том случае, если работают оба супруга, редко когда бывают высокими обе зарплаты. В целом очень неплохим считается общесемейный доход в размере 90 – 110 тысяч годовых. Средний же по стране общесемейный доход составляет чуть более 46000 долларов.

Возьмем в качестве примера сравнительно высокий общесемейный доход в размере 90000 долларов. Теперь давайте посчитаем расходы семьи с таким уровнем доходов.

Около трети годового дохода уходит на налоги. Шкала прогрессивная: чем выше доходы, тем выше налоги. Размер налога несколько варьируется от состава семьи, количества работающих и прочих обстоятельств, но при доходе в 90000 это примерно треть. Вычитаем 30000 долларов на налоги, остается 60000. Если перевести на привычный для россиян формат, это 5000 долларов в месяц.

Следующая по величине статья расходов – отчисления за жилье. Люди с такой зарплатой имеют свой дом, а не ютятся в квартирах, тем более что по величине ежемесячных выплат это не намного выше стоимости аренды квартиры. Качество же жизни в своем доме несравнимо выше, чем в квартире.

За что же они платят, спросите вы, проживая в своем доме? Дело в том, что мало кто из американцев выкупают дом сразу – как правило, он покупается в кредит. Кредит выдается сроком на тридцать лет и гасится путем ежемесячных выплат. За счет длительности срока общий размер процентов по кредиту достигает 200 – 300 процентов от стоимости самого дома. Причем структура платежей составлена очень грамотно. В первые годы 80 – 90 процентов каждого платежа идет на покрытие процентов по кредиту и лишь оставшаяся часть – на погашение самой ссуды. Лишь после двадцати лет выплат в структуре платежей начинают преобладать выплаты за сам дом. Поэтому, если через пять- десять лет после приобретения дома вы вдруг решаете его продать, то оказывается, что ваших денег в нем почти нет. Практически все, что вы исправно платили, составили проценты по кредиту.

Все эти деньги оседают в кармане кредитора. Неплохо, правда? Но Америка – свободная страна, где есть право выбора. Не хочешь платить такие деньги – живи в квартире в весьма сомнительном окружении и выплачивай квартиросдатчику не намного меньшую сумму. Но в квартире ты гость, там не имеешь права даже гвоздя в стену вбить. Да и сам контракт теоретически может быть с тобой расторгнут в любой момент. В квартире не возникает ощущения собственного дома. Более того, проживая в квартире, чувствуешь себя человеком второго сорта. А это в Америке очень неприятно.

Хьюстон – город с низкими ценами на недвижимость. Приличные дома в приличном месте стоят от 120000 до 400000 долларов. Стоимость среднего дома для среднего класса составляет около 240 тысяч. Эту цифру и используем в наших расчетах. Ежемесячные платежи по кредиту плюс налог на недвижимость при такой ее стоимости составят около 2000 долларов. Вычитаем эту сумму из 5000 (ежемесячного дохода), остается 3000.

Дальше вычитаем всевозможные страховые отчисления. Приведу только обязательные страховки, которых нельзя избежать, проживая в Штатах. Самая дорогая медицинская. Если второй супруг не имеет собственной работы и страховки, то самая льготная медицинская страховка на семью из четырех человек обойдется долларов в 800 в месяц.

70 долларов стоит самая дешевая страховка автогражданской ответственности. Если у вас новая и хорошая машина (а у человека с годовым доходом в 80 тысяч должна быть именно такая), то ее страховка вместе с автогражданской ответственностью обойдется вам долларов в 150 в месяц. Как правило, в семье не меньше двух автомобилей. Пока муж на

работе, жене нужно отвезти и привезти детей из школы, съездить по магазинам и т. д. Умножаем эту цифру на два. Итого 1100 долларов в месяц набегают страховые платежи. Остается 1900 долларов.

Около 400 долларов составляют платежи за энергоносители, телефон, воду, кабельное телевидение и прочее. Остается 1500. На этом обязательные платежи заканчиваются. Далее каждый платит по своему усмотрению. На еду и мелкие повседневные расходы семье из четырех человек нужно не менее 1000 долларов. Это если готовить и питаться дома, чего ленивые американцы очень не любят. Если же питаться в ресторанах, и притом качественной пищей, то на питание необходимо не менее 2000 долларов в месяц.

В итоге остается либо 500 долларов, либо совсем ничего. Даже если что- то и остается, это, по американским меркам, уже не деньги. Если они не уйдут на какие- то экстренные цели, то в конце года эта семья сможет себе позволить совершить не очень шикарное турне по Америке или за рубеж.

А ведь нужно еще покупать одежду, домашнюю утварь. Случаются и непредвиденные расходы. Если ваш дом не совсем новый, а примерно 15 – 25- летней давности, не говоря уже о более старом, то периодически что- нибудь в нем будет требовать ремонта. Стоит это удовольствие очень и очень недешево.

Кроме того, каждый визит к врачу даже при наличии страховки стоит от 20 до 40 долларов. Страховка покрывает лишь оставшуюся часть. Лекарства очень недешевы. Я не говорю о хирургической операции или каком- то серьезном заболевании. В этом случае это влетает вам в копеечку.

Жизнь есть жизнь: что- нибудь непредвиденное постоянно случается. В результате денег может даже и не хватить на полноценную, с американской точки зрения, жизнь.

Напомню: мы рассмотрели достаточно высокий общесемейный доход – намного выше среднего по штату Техас. По данным статистики, средний годовой общесемейный доход по стране на протяжении нескольких последних лет составляет немногим более 46000 долларов.

При более низких доходах люди живут в более скромных домах, а то и вовсе в съемных квартирах. Двуспальная квартира (аналог нашей трехкомнатной) стоит в Хьюстоне 750 – 1400 долларов в месяц в зависимости от расположения. При таких зарплатах ваш автомобиль будет скромнее. Да и на всем остальном надо экономить. В этом случае о каких- либо поездках и тем более сбережениях надо вообще забыть.

Конечно, есть семьи с более высоким доходом, переваливающим за 100 тысяч в год. Но таковых не очень много. К тому же пропорционально доходам моментально возрастают и расходы. Дело в том, что в Америке очень сильно расслоение населения по уровню доходов. Здесь очень некомфортно ощущать себя человеком ниже среднего уровня. Постоянно преследует желание повысить свой жизненный уровень и как бы перебраться в другой класс.

У нас в России пока еще нет такого сильного разделения. Наиболее удачливые не кичатся своим положением и по- прежнему дружат со своими старыми приятелями. В Америке же у каждого свой круг общения и своя среда обитания: свой микрорайон, свои школы, свои магазины, свои клубы, свои церкви. Поэтому, если есть деньги, люди тратят их все до последнего цента, лишь бы попасть в район, где проживает более состоятельное общество. Цель одна – войти в этот круг самим и ввести туда своих детей. Американцы не только тратят на это все что зарабатывают, но еще и берут всевозможные кредиты.

Поэтому, как только появляются деньги, тут же возникают и новые потребности. Например, желание отдать детей в частную школу. Это естественное стремление любого родителя, попятное читателю, так как с ситуацией в обычной школе он уже хорошо знаком. Вслед за средней школой наступает пора высшего образования в университете, на что, как правило, уходят все сделанные до того сбережения.

В результате годам к пятидесяти единственным сбережением большинства американцев остается дом, который к тому времени процентов на 80 уже принадлежит владельцу. До

самой пенсии люди продолжают отчислять платежи за этот самый дом и к пенсии наконец, становятся полноправными хозяевами своего жилища. Наступает обеспеченная старость. Есть дом, есть пенсия. Дети поставлены на ноги. Чего еще надо?!

Но не все так просто.

Во- первых, как это ни покажется странным, пенсии в Америке очень невысоки. Сами американцы постоянно жалуются на это. Достойные пенсии лишь у государственных служащих, военных и пр. На обычную же пенсию очень трудно свести концы с концами. Хорошо живут лишь те пенсионеры, которые в течение жизни делали дополнительные отчисления на старость. Я не рассматривал эти отчисления в приведенном выше примере.

Следует заметить, что в Америке немощные старики не живут со своими детьми. Последние годы жизни американцы проводят в домах престарелых, где любящие дети навещают их несколько раз в год. Официально они мотивируют это тем, что не могут в своем доме обеспечить престарелым родителям соответствующий уровень ухода и медицинского обслуживания. Таковы у них жизненные ценности и традиции. Мне доводилось бывать в таких домах престарелых – очень удручающие впечатления.

Во- вторых, очень интересные метаморфозы происходят с домом, который к тому времени уже вырабатывает почти весь свой срок службы. Если 30 лет назад на момент его покупки он стоил 240 тысяч, то теперь, в возрасте 40 – 50 лет, уже не тянет более чем на 200 тысяч. Это при том, что выплачено за него с учетом процентов по кредиту 700 – 800 тысяч. Как вам эти цифры, читатель? Правда, здесь есть одна хитрость. Все дело в том, что последние несколько десятилетий цены на недвижимость в Америке уверенно и достаточно быстро растут. За последние 25 – 30 лет они поднялись чуть ли не в десять раз. Конечно, нужно делать поправку на общую инфляцию в стране, но в целом картина достаточно показательная.

Такая уверенная тенденция как раз и побуждает большинство американцев покупать дома даже под вышеописанные грабительские проценты. При таком раскладе как бы никто не в проигрыше. Есть вероятность того, что через 25 – 30 лет цены на недвижимость будут раз в пять выше, чем сегодня. Но этого может и не случиться. Среди американских же экономистов есть мнение, что цены на недвижимость искусственно вздуты и в один прекрасный момент с ними может произойти то же самое, что совсем недавно произошло с фондовым рынком Америки.

Совершенно ясно, что такое повышение цен на недвижимость не случайно. Много бы людей покупали дома под такие проценты, если бы цены не росли? Это, кстати один из основных источников роста экономики страны. Благодаря всем этим денежным потокам пополняется не только карман кредитора, но и казна государства. Здорово придумано, не правда ли? Запустил печатный станок и страна богатеет. Ровно на столько, на сколько напечатал денег. В России этот процесс приводит к инфляции и обнищанию населения, а в Америке почему- то к росту благосостояния.

А что мешает американцам выкупать дома сразу без всяких кредитов? – спросит читатель. У большинства таких денег нет. По поводу меньшинства отвечу честно – не знаю. Почему- то все предпочитают пользоваться кредитом. Америка – страна, где на кредит сажают как на иглу. Такие правила игры.

Если принести в чемодане сразу 240 тысяч, на тебя будут смотреть недружелюбно. Жизнь вынуждает брать кредиты, даже если ты в них не нуждаешься.

Один из примеров. В Америке очень неудобно жить без кредитной карты. Для того чтобы купить или заказать что либо по интернету, нужна кредитка. Очень многие отели требуют кредитку в качестве платежного средства. Большинство фирм по аренде автомобилей не предоставят вам услуги без наличия кредитки. Этот список неудобств можно продолжать. А что нужно для того, чтобы получить кредитку? Счет в банке? Отнюдь! Для этого нужна так называемая кредитная история. А чтобы ее сделать, нужно взять кредит и в

течение длительного срока его погашать. Говоря проще, нужно заплатить дяде проценты. Заплатил деньги – получи пропуск в жизнь. Помню, как мы в самом начале своей жизни в Америке старались создать эту кредитную историю. А теперь предложения кредитных карт от самых различных финансовых учреждений приходят чуть ли не каждый день. Заплатил свои проценты – и тебе тут же предлагают заплатить еще.

Глава 16. По ту сторону комфорта, или в стране Герберта Уэллса

Умные люди прекрасно понимают, что декларируемого равенства возможностей в сфере образования в Америке на самом деле нет. Равенство есть для тех, кто образования получать не хочет, кто приходит в школу для того, чтобы провести день с наименьшими потерями. И есть одинаковые возможности получить стандартное, очень поверхностное образование и превратится в исполнительного, законопослушного, неспособного самостоятельно мыслить гражданина.

Самое смешное то, что официально американская педагогика как раз направлена на обучение решению конкретных практических задач. На самом же деле из реальных знаний ученик получает лишь умение читать и писать и еще некоторые самые примитивные навыки. Те немногие родители, которые понимают важность хорошего образования, должны очень постараться, чтобы найти место, где их дети могут получить его бесплатно. Нужно ли говорить о том, что количество таких мест весьма ограничено?

Это тем более удивительно, что образование в США в отличие от той же России очень и очень ценится. Это в России таксист получает больше кандидата наук, врача или преподавателя университета. Это у нас еще в СССР

рабочие получали больше инженеров. В Америке уровень зарплаты и положение в обществе напрямую связаны с уровнем образования. Если ты защитил кандидатскую, место в среднем классе тебе уже гарантировано. Даже с простым высшим образованием ты можешь рассчитывать на вполне достойное положение в обществе. Добиться в этой стране чего- либо без высшего образования практически невозможно – разве что сделать спортивную карьеру. А поскольку высшее образование в США платное, американцы рассматривают его как одну из форм инвестиций, которая в дальнейшем принесет гарантированную финансовую отдачу.

Так почему же со школьным образованием происходит то, что происходит? Было бы наивным считать, что это стечение различных обстоятельств, издержки американской игры в демократию. Трудно себе представить, что те люди, которые управляют этой страной, не в курсе происходящего в средней школе. Я постепенно прихожу к выводу о том, что нынешнее положение вещей в американском образовании очень мудро режиссировано и виртуозно поддерживается. Теоретики и идеологи образования придумывают новые и новые оболванивающие методики. Директора школ внедряют их во вверенных им заведениях, ломая хрупкое сопротивление тех немногих учителей, кто действительно хоть чему- то учит своих учеников. А чиновники обеспечивают законодательное и организационное прикрытие. В итоге система абсурда самовоспроизводится. Уже не требуется никакого вмешательства извне для ее поддержания.

Недавно я получил подтверждение своим мыслям из совершенно неожиданного источника – от моей коллеги по школе. Мисс Хейли, черная американка лет сорока пяти, в образовании с самого начала своей карьеры. "Еще лет двадцать назад у нас было нормальное образование, – сказала она мне. – Я думаю, что в один прекрасный момент власти просто решили – не стоит всем подряд давать хорошее образование".

Правда, в последнее время эти товарищи, видимо, поняли, что перегнули палку. Уровень образования в стране уже настолько низок, что многие выпускники средних школ не в состоянии выполнять даже простейшие операции, то есть совершенно не пригодны и в качестве самой примитивной рабочей силы. А кормить- то их нужно. Поэтому в последнее

время все чаще слышатся призывы что- то делать с образованием. Причем особый упор делается на математику и естественные науки. Например, я знаю о некоммерческой организации, которая сейчас занимается тем, что пытается внедрить в американскую школу российскую методику преподавания математики.

Кому это выгодно – поддерживать низкий уровень образования населения? – спросит меня читатель. Кто и зачем вынашивает и осуществляет этот план? Ответ очень прост. А кто, скажите вы мне, заинтересован в том, чтобы люди не знали правду о воздействии на организм генномодифицированных продуктов? Ответ на наш вопрос из той же категории.

В низком уровне образования населения очень много положительных моментов с точки зрения государства. Точнее, тех, кто этим государством управляет и от этого же государства кормится. Сами же американцы от низкого уровня образования отнюдь не страдают, все довольны жизнью и собой. Рассмотрим в качестве примера разные категории американских граждан.

Возьмем низший класс, составляющий, по различным оценкам, от 30 до 50 процентов населения страны. Основная масса учеников, принадлежащих к этой категории, после школы осознает свою необразованность и потому даже не думает о высшем образовании. Они спокойно направляя прямо за прилавок или хватаются за любую неквалифицированную работу. Пока у них есть работа, есть деньги. Соответственно они сыты, одеты и имеют крышу над головой. Этого им вполне достаточно. У них нет никаких амбиций и желаний иметь больше. Они уверены, что все равно не могут достичь большего, как бы того ни хотели. Но благодарны за то, что у них есть.

Представители среднего класса (около половины населения) имеют значительно больше, чем предыдущая категория. Некоторые даже настолько много, что это можно назвать роскошью по российским меркам. Но как они достигли всего этого? Не подумайте, что благодаря своим знаниям, уму и таланту, хотя минимальный уровень знаний и ума, конечно же, необходим. В основном добились всего путем многолетнего карьерного роста, главными требованиями которого является исполнительность, отсутствие собственного мнения и умение угодить начальству.

Надо ли говорить, насколько эти люди дорожат своим положением, как ценят то, что имеют. Одно неверное движение, и они могут потерять все, получив клеймо человека недостаточно исполнительного. Однако они не чувствуют от этого особого дискомфорта. Просто абсолютное большинство американцев не обременено собственным мнением. Во-первых, им регулярно преподносится на тарелочке «правильное» мнение, так что не нужно искать никакого другого. Во- вторых, чтобы иметь собственное мнение, нужно обладать серьезными знаниями, а вот их- то как раз и не хватает.

Поэтому они послушно голосуют за все, за что администрация Белого дома им предлагает проголосовать. Они никогда не выйдут на митинги и не будут размахивать флагами, требуя каких- либо льгот, раздражая тем самым правительство страны или штата. Они уверены, что правительство делает все верно и в любом случае не могут ничего изменить. И вообще, митинговать – это проявление невоспитанности, правила хорошего тона не позволяют им этого. Какой прекрасный народ для руководства страны!

Выше я уже писал о том, насколько схожи социально- политические системы США и бывшего СССР. Продолжая аналогию, можно было бы ждать развала Америки. Однако у американской элиты есть одно преимущество перед ЦК КПСС. Советское руководство вырастило и воспитало исключительно высокообразованное население. СССР развалился именно потому, что наш народ все видел и понимал и уже не мог дальше глотать ту ложь, которой его пичкало руководство. Американская же публика на данный момент верит всему, чем ее кормят.

Такая лояльность и управляемость населения важны и в делах более прозаических.

Американцы послушно берут кредиты в банке под баснословные проценты и нисколько

не считают себя при этом обманутыми. Им внушили, что брать кредиты – это хорошо, а почему это плохо, они не понимают. Не понимают потому, что просто не в состоянии совершить элементарные арифметические действия, чтобы увидеть, на сколько же их обманывают. Помните пример про учеников, не способных вычислить, сколько яблок можно купить на 8 долларов? Не нужно забывать и про пропаганду. Их мозги закручены вполне определенным образом. Они знают, что иметь хорошую кредитную историю очень важно.

Представители среднего класса имеют медицинскую страховку. Соответственно им открыт путь к врачу, которого они посещают очень охотно, каждый раз оплачивая свой прием. Обращаются к врачу по любому поводу. У врачей в США гораздо меньше свободы в выборе способа лечения, нежели в России. Они обязаны действовать в строго прописанных рамках, в противном случае могут лишиться лицензии или угодить под суд. Следуя инструкциям, врачи выписывают «правильные» лекарства, стоящие огромных денег. Пациенты их принимают и обнаруживают новые проблемы со здоровьем. Доктор выписывает им новые препараты для снятия побочного эффекта, вызванного первыми. Так может продолжаться очень долго. В результате карман нашего пациента опустошается очень заметно. Но никто не ропщет. Все это в порядке вещей. Около половины моих студентов постоянно сидит на тех или иных медикаментах, принимая их месяцами, а то и годами. Я уже не говорю о старшем поколении.

В Америке нельзя купить самые простые антибиотики без рецепта врача. Также запрещено ввозить лекарства из- за рубежа даже для собственных нужд. То есть доступ к лекарствам только через кабинет врача, или, точнее, через деньги, уплаченные страховой компании. Американцы свято верят, что все это делается для их же благополучия. В США, особенно среди белого населения, полностью отсутствует такое понятие, как самолечение. Я уже не говорю о траволечении или нетрадиционной медицине. Как- то одна моя знакомая в разговоре с американкой порекомендовала отвар ромашки. На что та, сделав круглые глаза, спросила: «Вы что, предлагаете мне ведьмино зелье?!» Между тем в прошлом американцы широко использовали траволечение. Куда это все ушло? Кому выгодно посадить страну на иглу и таблетки? И главное, как это стало возможным?

США – единственное из развитых стран мира государство, где не требуется указывать наличие генномодифицированных составляющих на упаковке продуктов питания. Правительство страны решило, что населению незачем знать такую информацию, и оно ее не знает. Справедливости ради нужно сказать, что население США не особо- то и обеспокоено этой проблемой. Им объяснили, что ГМ- продукты – это хорошо, потому они и не переживают. Они покупают те продукты, что им предлагается в магазинах.

В результате поедания ГМ- пищи и выращенного на гормонах мяса они и сами вырастают до невероятных размеров и приобретают в придачу кучу всевозможных болезней. Почему- то при высоком уровне жизни в целом и при здоровом образе жизни уровень кардио- и онкозаболеваний у них не ниже, чем в полуголодной и отравленной алкоголем и табаком России. А процент людей, способных иметь собственное потомство, ниже, чем у нас, и стремительно уменьшается год от года. Вы думаете, почему американцы усыновляют детей из России? А их количество поражает воображение…

Они идут в свои рестораны Fast Food и едят эту гадость… В результате подобного питания некоторых разносит до таких размеров, что они утрачивают человеческий облик. А на помощь уже спешат отечественная медицина и фармацевтическая индустрия…

Самое интересное то, что при этом американцы в отличие от угрюмых, озлобленных и вечно жалующихся на жизнь россиян довольны своей жизнью. Причем, чем ниже уровень образования и, соответственно, доходов, тем более беззаботными и счастливыми они выглядят. Мне часто приходит в голову сравнение с персонажами книги дедушки Уэллса "Машина времени". Помните, там есть элои, на которых вкалывают морлоки? Элои ведут праздный образ жизни и в один прекрасный момент просто превращаются в глупый

беззаботный скот для трудолюбивых морлоков. Но книжку эту американцы не читали, так как читают они мало и очень немногие. Поэтому никаких параллелей провести не могут.

Возникает логичный вопрос – тогда почему они так хорошо живут? Ответ прост – единственная сверхдержава мира научилась перераспределять ресурсы третьих стран в свою пользу. Но это уже макроэкономика, кросс- курсы валют, в общем, большая политика и отдельный разговор… Если же вернуться к теме нашей книги и посмотреть на американскую систему образования и общественное жизнеустройство в целом, начинаешь понимать, что все у них очень умно устроено и не так уж и плохо. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить США с нашей страной.

В России выпускники средней школы получают неплохие знания. К тому же в последнее время все поголовно устремились в вузы и являются обладателями дипломов о высшем образовании. В результате мы имеем ситуацию, когда каждый считает себя умнее остальных. Амбиций у всех через край, а работать никто не хочет и не умеет. Эти амбициозные ребята и девчата идут туда, где можно сделать легкие деньги, много и сразу. Что при этом происходит со страной, в комментариях не нуждается. Теперь посмотрите на Америку, где основная масса о высшем образовании даже и не думает, и скажите, какая модель лучше?

К тому же в Америке те немногие родители, которые действительно обеспокоены будущим своих детей, все же имеют шансы дать им хорошее образование. Все дело как раз в том, что большинство родителей, включая благополучных белых, этим не озабочено. При этом абсолютно все довольны. Массы имеют работу и кусок хлеба. Безработные получают пособие, пляшут и поют песни. Более образованные и целеустремленные имеют возможность получить нечто большее, реализовать себя и чего- то достичь в этой жизни. Дать же абсолютно все каждому члену общества не может ни одно государство. Но любой гражданин в США чувствует себя комфортно, каждый доволен страной, в которой живет.

А как же функционирует сама страна? – спросите вы. За счет чего Штаты достигли таких высот? Кто же выполняет квалифицированную работу?

Не нужно забывать, в школах есть очень умненькие и способные студенты. Я сам в последнее время учу именно таких. Это просто замечательные ребята. Причем, помимо способностей и знаний, в них прежде всего подкупают человеческие качества. Я не сомневаюсь, что у них прекрасное будущее. Вопрос в том, что доля таких учеников в общей массе мала. Да и они, как правило, не стремятся стать учеными или инженерами, а идут в лучшем случае в медицину, а чаще всего – в бизнес, финансовый менеджмент или юристы, то есть туда, где можно заработать большие деньги. Как вы сами понимаете, юристам не нужны ни дифференциальное исчисление, ни химия.

Потребность же в инженерах и научных работниках покрывается за счет иностранной рабочей силы, главным образом из Индии и Китая. Некоторый вклад вносят и наши сограждане. Профессор- американец в сегодняшнем американском вузе большая редкость. В здешних университетах популярна следующая шутка. Если ваш профессор разговаривает с акцентом, то вам повезло – значит, у вас хороший профессор.

Теперь вернемся к основной массе американских студентов. Куда же идет вся эта армия низкообразованных выпускников?

Во- первых, требуется очень много неквалифицированной рабочей силы; армия работников кассы и прилавка, уборщики и официанты и прочий обслуживающий персонал.

Во- вторых, для тех, кто хоть чему- то научился в школе, существует система двухгодичных колледжей аналогичных нашим техникумам. Техникумы выпускают рабочих различных специальностей. После двух лет обучения выпускники вполне справляются со своей работой и потому неплохо зарабатывают. Правда, этой категории в последние годы все большую конкуренцию составляют легальные и нелегальные иммигранты из Мексики. Они значительно более расторопны и энергичны и к тому же готовы выполнить ту же работу за

меньшие деньги.

В- третьих, более амбициозные (не обязательно более умные) идут в университеты за степенью бакалавра. В университетах первые два года им, по сути, еще раз преподносят школьную программу. Как правило, эти курсы преподаются студентами старших курсов того же университета. По свидетельству многих наших российских студентов, имевших подобный опыт, с преподаванием первых двух курсов математики легко справится любой выпускник российской средней школы, учившийся на четверки и пятерки. Получив бакалавра, выпускники университетов могут уже учить сами – идти работать учителями в школу. Мне сдается, что лишь на стадии мастера американские студенты получают более- менее глубокие познания.

Можно долго спорить о ценности образования и о том, каким оно должно быть. Конечно, в сегодняшнем меняющемся мире образование не может оставаться таким же, как двадцать лет назад. Система образования должна отвечать вызовам современности. Изменения и реформы необходимы.

Если сравнивать систему среднего образования в разных странах, то можно прийти к следующим интересным наблюдениям. В сегодняшнем мире хуже всего обстоит дело в так называемых демократических странах: США, Англии и некоторых других странах Западной Европы. Самая сильная система образования – в государствах с авторитарным режимом (Китае) или традиционным (Японии). В той же России образование было сильно в годы тоталитарного коммунистического режима. В сегодняшней демократической России образование куда слабее, чем еще двадцать лет назад.

Сегодня Россия дрейфует в сторону американской образовательной системы. Причем, как я уже говорил, перенимаются отнюдь не сильные стороны американской системы. Почему- то не расширяется спектр преподаваемых предметов и не вводится свобода выбора дополнительных. Не перенимается институт защищенности ученика от произвола учителя. По- прежнему не уделяется должного внимания физической культуре, музыке, искусству. Вместо этого мы видим упрощение учебной программы, разрушение десятилетиями накопленного опыта и наработанной методики преподавания. Разрушение как раз того, чего в американском образовании никогда не было, нет и по всей видимости, не будет.

По признанию американских же педагогов, среднее образование в самих Штатах за три последних десятилетия сильно ухудшилось и продолжает ухудшаться. В этом смысле США и Россия движутся в одном направлении…

Когда руководство какой- либо страны желает совершить прорыв и поднять свою страну на новый уровень, оно берется за образование. Это и СССР в 50- е, 60- е годы, это и современный Китай, это и Индия, которая благодаря растущему научно- техническому потенциалу не засидится надолго в третьем мире.

Те же рассуждения верны и для каждой отдельно взятой личности. Во все времена и у всех народов знание было почетно, уважаемо и являлось привилегией избранных. Моему поколению повезло: наше социалистическое отечество дало это богатство всем желающим абсолютно бесплатно. Представителям же подрастающего поколения придется решать этот вопрос индивидуально.